

**Библиотека
историка**

Н. А. Хачатурян

**СОСЛОВНАЯ
МОНАРХИЯ
ВО ФРАНЦИИ
XIII-XV вв.**

Щ

Москва

«Высшая школа»

1989

ББК 63.3(0)4

X29

Рецензенты:

кафедра всеобщей истории Московского историко-архивного института (зав. кафедрой проф. Н. И. Басовская); д-р ист. наук А. А. Сванидзе (Институт всеобщей истории АН СССР)

Рекомендовано к изданию Государственным комитетом СССР по народному образованию

Хачатурян Н. А.

X29 Сословная монархия во Франции XIII—XV вв.: Учеб. пособие для вузов.— М.: Высш. шк., 1989.— 272 с.— (Б-ка историка).

ISBN 5-06-000020-6

В книге анализируется политика государства по отношению к классам и сословиям феодальной Франции — духовенству, дворянству, крестьянству, городскому сословию, — что дает возможность понять сущность феодального государства и выявить его особенности. Автор использует законодательные документы, хроники и другие источники.

0503030000(4309000000)—373

001(01)—89

ББК 63.3(0)4

9(М)1

ISBN 5-06-000020-6

© Издательство «Высшая школа», 1989

ВВЕДЕНИЕ

Плодотворное изучение феодального общества невозможно без глубокого осмысления форм его государственного развития. Любая социально-экономическая формация, в том числе и феодальная, представляет собой сложный общественный организм, в котором производственные отношения взаимодействуют со своей надстройкой в виде государства, права и идеологии, обретая с их помощью плоть и кровь¹. Будучи детерминированы экономическим базисом общества, элементы надстройки не только обладают известной самостоятельностью, но и в свою очередь активно воздействуют на производственные отношения².

Подобный диалектический подход к анализу исторического процесса сообщает научную значимость выяснению роли политического фактора в общественном развитии. Эту роль следует особенно подчеркнуть применительно к феодальной формации. Политический фактор выступает в системе феодальных отношений в качестве неперемennого условия реализации феодальной земельной собственности, составляющей основу феодализма, определяя, таким образом, специфику взаимодействия экономического фактора и общественно-политического развития в этой формации.

Материалистическое понимание сущности государства как органа политического господства «экономически господствующего класса» предполагает признание факта его развития в пределах одной формации, в ходе которого меняются средства и условия эксплуатации и подчинения угнетенного класса³. Поэтому необходимо стадийное изучение феодального государства, которое

при сохранении своей классовой сущности, на разных этапах отличалось тем не менее спецификой реализации политического господства класса феодалов. Сословная монархия, или феодальная монархия с сословным представительством, изучению которой посвящена работа, представляет собой одну из известных феодализму форм государства, сложившуюся в условиях политической централизации. Политическая эволюция государства на этом этапе особенно отчетливо, по сравнению с предшествующим периодом, обнаруживает также своеобразие социальной структуры феодального общества, которую отличает характерное соединение не только классовых, но и сословных различий. Поэтому рассмотрение этой формы государства на конкретном материале имеет большое теоретическое значение. Изучение именно французского варианта дает возможность для типологического анализа сословной монархии, так как многие стороны феодальной формации во Франции получили предельную форму выражения.

Анализ классовой сущности государства и влияния классовой борьбы на его развитие, данный в книге, сообщает содержащимся в ней материалам полемическую остроту.

Наконец, проблема сословной монархии (особенно ее французский вариант) относится к числу важнейших, но далеко не решенных в литературе проблем. Как в советской, так и в зарубежной медиевистике нет специальных монографических работ, посвященных проблеме французской сословной монархии. Однако изучение ее как части политической истории средневековой Франции в отдельных аспектах насчитывает почти двухвековой период.

Значительного успеха на пути научного поиска добилась буржуазная историография XIX в. Ею была разработана концепция социально-политической истории Франции с X по XV в., основным содержанием которой стал процесс государственной централизации. Она характеризовалась признанием решающей роли городов в этом процессе, политико-юридическим по преимуществу пониманием феодализма и идеализацией государства как органа, обеспечивающего общественный мир и социальную гармонию (О. Тьерри, Ф. Гизо, А. Жири, А. Люшер, Ж. Пико, Е. Глассон, П. Виолле, А. Сэ и др.). Главное, что привлекало внимание буржуазных ученых — это высший судебный орган средневековой

Франции — Парижский Парламент, и представительный орган — Генеральные штаты с их ограничительными возможностями по отношению к центральной власти⁴. Поэтому применительно к государству XIII—XV вв. употреблялся термин «ограниченная» или «представительная» монархия⁵.

В литературе по этим сюжетам отчетливо проявились политические пристрастия отдельных ученых и исторических школ, а также приверженность ряда ученых к идее преемственности ассамблей раннего средневековья, Генеральных штатов и буржуазного парламента.

Отдавая должное буржуазной историографии XIX в., следует сказать, что начало наиболее плодотворному из направлений в изучении политической истории, признающему исключительно важное значение социальных изменений в развитии государственных учреждений, было положено именно тогда и нашло выражение в трудах О. Тьерри, Ж. Пико и особенно представителей русской школы конца XIX—XX в. В трудах М. М. Ковалевского и Н. И. Кареева особое внимание уделено проблеме сословной структуры общества, что нашло отражение в новом определении политической организации этого времени — сословная монархия⁶.

Новые перспективы развития этой темы были связаны с оформлением в 30-е годы XX в. двух направлений в изучении истории сословно-представительных учреждений — парламентаристов и корпоративистов. В отличие от парламентаристов, которых интересовала главным образом организационная история представительных органов, корпоративисты разрабатывали социальную историю феодального общества, в том числе его сословную структуру. Это направление накануне и после второй мировой войны было представлено работами бельгийского историка Э. Лусса, французских ученых К. Суля, Ж. Лагарда, Р. Фавтье, Ф. Лота, Ф. Оливье-Мартена, А. Виала и др. В их трудах государство с сословно-представительным режимом было поставлено в определенные хронологические рамки и наделялось общими чертами независимо от различных политических обстоятельств появления и частных особенностей структуры этого режима. Оценка ими сословий не сводилась к чисто юридическим или профессиональным различиям, но имела в виду экономическое положение группы как главное условие ее политического статуса⁷.

Существенный поворот в изучении политической ис-

тории Франции XIV—XV вв. наметился с 60-х годов под влиянием прогрессивного направления «социальной истории», связанного со школой «Анналов» и представленного в наши дни именами Ж. Дюби, Р. Фоссье, П. Тубера. Это направление вышло за пределы французской историографии, отразив новые представления о феодализме в зарубежной историографии с характерным для него пониманием феодализма как комплексного явления, признанием (часто декларативным) определяющего значения отношений производства и обмена, вниманием к социальным и классовым структурам, к социальной и классовой борьбе. Созданные в русле этого направления труды по экономической истории стимулировали изучение социальной структуры феодального общества, что оказало существенное влияние на историографию политической истории Франции⁸.

В наши дни в трудах по политической истории Франции XIV—XV вв. уделяется внимание не столько государственным учреждениям — традиционному сюжету буржуазной историографии XIX в., — сколько людям, которые действовали в этих учреждениях. Своеобразным выражением этого интереса служат многочисленные про-сопографические исследования⁹.

В истории сословно-представительных учреждений интерес сместился к провинциальным и местным штамам, а также к системе сословного представительства во Франции. Многочисленные труды английских и американских историков в этой области представлены главным образом парламентаристским направлением (Ч. Тэйлор, Е. Апполи, Т. Биссон, Г. Лангмюэр, Е. А. Браун, А. Р. Майер и др.)¹⁰.

Суммируя в общем виде итоги развития современной зарубежной историографии по данной теме, следует отметить явно недостаточную в конечном счете разработку ею принципиального вопроса о природе государства XIV—XV вв. И в настоящее время ряд ученых отрицает его феодальную природу, находя в нем черты государства нового времени и отделяя от средневековой политической организации (теория «ренессансного государства»). Признание его феодальной природы часто носит декларативный характер; как правило, игнорируется решающий критерий сущности государства — анализ и оценка его политики по отношению к классам и сословиям. Соединение политической истории с социальной позволило преодолеть свойственную науке XIX в. идеализа-

цию монархии, но не избавило многие работы от другой крайности. Подчеркивая эксплуататорскую сущность государства, авторы часто объявляют его жертвой все общество, без учета классовых различий в нем. Несмотря на заметный по сравнению со всей предшествующей буржуазной историографией порыв современной зарубежной науки к социальной истории, степень проникновения в нее не отличается необходимой глубиной. Механизм взаимодействия политического и экономического факторов в системе феодальных отношений остается непонятым до конца. Уточнения и углубления требует вопрос о соотношении классовой и социальной структуры феодального общества и в связи с этим уточнения понятий «класс» и «сословие». Применительно к французскому варианту сословной монархии в теоретико-обобщающих трудах его характеристика носит слишком общий характер¹¹. В случае с теорией «ренессансного государства» эта характеристика вызывает возражение. Среди ее сторонников отсутствует единое мнение о природе данного государства и его хронологических рамках¹².

Признание ренессансного государства как промежуточной ступени между государством феодальным и нового времени обычно отодвигает хронологические рамки установления абсолютизма как главным образом бюрократической формы политического устройства в XVII—XVIII вв. Предшествующая ему политическая ступень характеризуется слабостью бюрократии и связывается с фактом оформления «национального» характера государства или с развитием ренессансной культуры. Последняя связь понимается как временное совпадение этих явлений или предполагает прямое влияние культуры Возрождения и ее идеологии на эту государственную форму без учета социально-экономической ее природы.

В синтезе политической истории Франции остались без внимания глубинные характеристики эволюции классов и сословий. Практически не ставится и оказывается нерешенным вопрос о социальной базе французской сословной монархии. Конкретные и весьма плодотворные научные разработки в наиболее существенных сферах государственной жизни — судебной, финансовой и военной — далеки от попыток поставить их результаты в общий контекст социально-политической эволюции феодального государства. Наконец, в осмыслении этих конкретных проблем остаются нерешенными подчас наибо-

лее важные для их понимания вопросы. Так, например, история финансов французской монархии рассматривается только как эволюция форм налоговых изъятий и организации налогового ведомства.

История армии рассматривается в отрыве от народно-освободительной борьбы, развернувшейся в ходе Столетней войны, что приводит к недооценке роли народных масс в социальной жизни общества исследуемого периода, в частности их влияния на структуру армии.

В целом в зарубежной историографии недостаточно разработан вопрос о взаимоотношениях центральной власти с сословиями. Особо обращает на себя внимание тот факт, что ею практически опущен принципиально важный вопрос о положении и социальной эволюции французского крестьянства в системе сословной монархии. Известное исключение, пожалуй, составляет история союза королевской власти с городским сословием.

Перечисленные нами «белые пятна» в истории сословной монархии в целом и ее французского варианта в частности очерчивают круг тех вопросов, которые могут стать объектом научного исследования.

Советская медиевистика внесла большой вклад в изучение проблемы сословной монархии, в том числе в теоретическую ее разработку. Решающим в становлении этой формы феодального государства советские исследователи считают изменения в социально-экономической жизни, связанные с развитием в первую очередь городов и товарно-денежных отношений. Оценка ограничительной роли представительных собраний дается ими в тесной связи с определением классовой природы этой государственной формы. Эти представления были разработаны в первую очередь на материалах английской истории в трудах Е. В. Гутновой и ее учеников — Ю. И. Писарева, Л. П. Репиной, Т. С. Федоровой, Т. А. Леоновой, Ю. Я. Серовайской, А. Н. Скогорева, Г. А. Дребушевской. Заметно продвинули изучение этой проблемы исследования отдельных аспектов истории сословной монархии во Франции (Н. А. Сидоровой, А. Д. Люблинской, Н. А. Хачатурян), Испании (А. Р. Корсунского), Германии (Н. Ф. Колесницкого, М. А. Бойцова)¹³.

Анализ развития сословной монархии во Франции в XIV—XV вв. оказался возможным благодаря использованию всей совокупности исследований по истории Франции периода развитого феодализма — С. Д. Сказкина, Ю. Л. Бессмертного, В. Л. Керова, Н. И. Басов-

ской, М. М. Себенцовой, С. Л. Плешковой, В. И. Райцева. Существенную помощь в изучении избранной темы оказали труды известных советских ученых по истории России и славянских государств — М. Н. Тихомирова и Л. В. Черепнина, С. О. Шмидта, А. М. Сахарова, Е. П. Наумова, Н. Е. Носова. Отсутствие специальных исследований этой проблемы на французском материале требует более глубокого и всестороннего ее изучения как в общетеоретическом, так и в конкретно-историческом плане.

Автором использованы различные по характеру источники.

I. Большой комплекс законодательных документов, ордонансов французской монархии, относящихся к XIII—XV вв. Свод постановлений в области суда, администрации, финансов, надзора за ремеслами и торговлей, военной службы отразил не только институционную историю монархии, но притязания и возможности королевской власти, т. е. подвижный и меняющийся баланс в ее взаимоотношениях с сословиями. Это делает законодательные материалы одним из важнейших источников по социальной истории Франции на этапе формирования в ней централизованного государства.

Неизбежное для законодательных источников расхождение постановлений с реальной действительностью, которая корректировала их применение, компенсировалось в известном смысле обширностью материала. Благодаря этому была возможность обнаружить повторяемость постановлений (видимо, по причине их невыполнения или изменения их характера) и таким образом частично восстановить действительную обстановку в стране в то время. Этому способствовал и характерный для средневековья пространный, неформализованный текст законов, делающий ордонанс в целом и особенно его констатирующую часть достаточно живой, чтобы были поняты причины, побудившие издать тот или иной указ.

Законодательство французской монархии изучалось по трем изданиям, повторяющим и дополняющим друг друга¹⁴.

К комплексу законодательных документов примыкают королевские письма — *Lettres closes*. Это письма, часто письма-распоряжения, особого рода, так как они шли не через королевскую канцелярию, где королевские инструкции подвергались редакции, но исходили непосредственно от короля и были заверены его личной печатью.

В качестве срочной и секретной корреспонденции **они** должны были быть известны только адресату. Сборник писем, изданный Р. Казелем, включает 214 документов переписки. Среди них переписка дипломатического характера с государями Западной Европы, с папой и духовенством по церковным вопросам, с городскими и государственными чиновниками по вопросам администрации, налогов, торговли и т. д.¹⁵ С законодательной практикой французской монархии были связаны также использованные в работе письма-помилования (*Lettres de remission*) короля участникам восстаний Этьена Марсея и Жакерии¹⁶.

Для нас представляет интерес содержащаяся в них информация о совместных действиях крестьян и горожан в восстаниях, роли общин в организации самообороны, а также об отношении к этому процессу государства и дворянства.

II. Юридические материалы. Разнородные по конкретным характеристикам, они связаны общей принадлежностью к судебной практике Парижского Парламента и правовым установлениям.

Среди них следует выделить судебные регистры Парламента, относящиеся к XIII — началу XIV в. Это скудная публикация, скорее каталог парламентских актов Э. Бутарика¹⁷, скромное по числу документов издание Ш. Ланглуа¹⁸ и, наконец, самая полная из них публикация А. Бенъо¹⁹.

Последняя 3-томная публикация самой старой части регистров была составлена секретарями Жаном Монлюзоном (I регистр за 1254—1273 гг., I том) и Николасом Шартрским (II и III регистры, 1274—1298 гг., II том), IV регистр, 1299—1318 гг. (III том, части 1 и 2). Они получили название Олимы по первому слову дела, которым открывается II регистр Николаса Шартрского — «*Olim homines de Baiona*».

Достоинством этого издания является полнота материала, который содержит протокольную запись хода расследования и принятого решения. Судебная практика Парламента, вовлекавшая в орбиту своей деятельности все классы и сословия общества — духовенство, светских феодалов, горожан и крестьян, вплоть до сербов, — является великолепным источником не только по истории права, но характеристике положения сословий и их взаимоотношений с монархией.

Продолжением этой серии документов служит пуб-

ликация А. Фуржео за 1328—1350 гг., которая существенно уступает Олимам, так как запись почти 10 тыс. дел только фиксирует иск, часто без решения по нему²⁰. Однако даже такая скупая информация, в частности в сопоставлении с данными А. Беньо, позволяет систематизировать дела и выявить устойчивые традиции в государственной политике, а также проследить эволюцию условий.

Тематическую подборку судебных дел, связанных со Столетней войной, дает публикация под общей редакцией проф. П. Тэмбала²¹. Представленные в ней материалы убедительно говорят о падении роли феодального ополчения, о новых способах рекрутирования военной силы и мерах, предпринятых монархией по созданию постоянной армии, ее обеспечению, организации военной защиты. Интересны данные, свидетельствующие об оформлении взаимоотношений городов с монархией и сельской округой в связи с организацией обороны. Специальные разделы посвящены конфликтам, связанным с налоговыми операциями, а также с операциями выкупа и определения статуса пленных.

Содержание судебных конфликтов может быть понято только в сопоставлении с законодательными актами французской монархии. Большие своды массовых документов в области законодательства французской монархии, а также судебной деятельности Парижского Парламента (ордонансы и судебные регистры) на длительном отрезке времени (XIII—XV века) позволили проследить политику монархии по отношению к духовенству, дворянству, горожанам и крестьянству, а также положение и позицию этих сословий. Системный анализ законодательных и судебных документов в названных аспектах осуществлен в данной работе впервые.

Специально были рассмотрены правовые сборники. Один из них — Кутюмы Бовези — составили записанные в последней трети XIII в. известным юристом Филиппом Бомануаром обычаи графства Клермон. Сборник отразил интересующие нас в первую очередь вопросы социальной структуры французского общества и социально-политическую мысль того времени, в частности представления о природе королевской власти²².

Общий дух перемен, ощутимый во Франции конца XIII в. в связи с процессом централизации, и перемены в личной судьбе Ф. Бомануара, когда он, перестав служить сеньюру, стал крупным королевским чиновником,

в частности бальи Вермандуа, Сентонжа и Турени, определили известную двойственность его политической позиции. Признание им двух суверенитетов при конечном верховенстве короля (каждый барон — суверен в своей баронии, король — суверен над всеми), как и выраженная им идея публичной природы королевской власти, служит точкой отсчета для оценки той эволюции, которую пережила французская монархия к концу XV в.

Первой попыткой унификации средневекового права Франции уже в условиях абсолютной монархии явился труд известного юриста, поэта и литератора XVII в. Антуана Луазеля «Институты обычного права»²³. Обращение к нему позволило судить об итогах процесса формирования общегосударственного права и тем самым проверить основные тенденции в его развитии на предшествующем этапе развитого феодализма.

III. Документальный материал. Наиболее значительную его часть составили хартии сельских коммун и общин, имевшие конституционно-правовое назначение. Они были привлечены для характеристики ранних этапов освободительного движения в деревне²⁴. Фиксируя привилегии общин и юридический статус ее членов, хартии убедительно отразили органический и спонтанный характер процесса возрождения сельской общины в условиях развитого феодализма. Их данные рассматривались в сопоставлении с судебными документами Парижского Парламента XIII—XIV вв., который практиковал расширение и утверждение прав общин.

Другая группа документов отразила хозяйственную жизнь страны, налоговую практику государственного финансового ведомства и муниципалитетов городов (финансовые счета и инструкции, налоговые списки, данные о ценах на продукты и заработной плате). Они свидетельствовали об имущественной и социальной дифференциации налогоплательщиков и характере налоговой политики. Часть документов отразила финансовое обеспечение и способ комплектования армии во Франции (военные контракты, счета, отчеты военных смотров)²⁵.

IV. Материалы сословно-представительных собраний Генеральных штатов. К ним относится протокол собрания 1356 г., ставшего яркой и важной вехой в истории общественного движения во Франции середины XIV в. и судьбе общегосударственного органа сословного представительства. Сохранившийся в неполном виде, он тем

не менее содержит информацию о ходе заседания и составе его участников, которую дополняют материалы обвинительного заключения, составленного в 1358 г, против епископа Робера Лекока, одного из руководителей общественного движения и Парижского восстания. Оба документа позволяют оценить расстановку общественных сил, характер их противоречий с центральной властью, а также степень притязаний сословий²⁶.

Исключительное место в этой группе источников принадлежит материалам собрания 1484 г., которое в известном смысле подвело итоги большого периода в истории сословной монархии в средневековой Франции. В них вошли Дневник депутата и секретаря собрания Масслена, который оставил почти протокольную запись хода заседаний и выступлений участников, а также указы депутатов сословий и списки депутатов²⁷.

Материалы собраний рассматривались в сопоставлении с ранее исследованными нами документами первых Генеральных штатов во Франции. Их публикация Ж Пико донесла до нас уникальные данные по организационной истории Генеральных штатов, которые позволили, в частности, проследить принципиальные изменения в характере выборов депутатов к концу интересующего нас периода²⁸.

Важно сопоставить этого рода материалы с королевским законодательством, многие ордонансы которого издавались под прямым воздействием представительных собраний (Великий мартовский ордонанс 1357 г. или ордонансы 1498 г. служат только наиболее яркими тому примерами). Любопытные свидетельства причастности работы депутатов собрания 1484 г. к деятельности высшего государственного органа Королевского Совета дала публикация протокольной записи его заседаний за август 1484 г. — январь 1485 г. Эти месяцы завершили тревожное для страны время начала правления Карла VIII, когда обострилась, в частности, борьба за влияние на короля и дела государства в среде ближайшего окружения юного монарха²⁹.

V. Нарративный материал. Традиционную его часть составили отдельные хроники XIV в., содержащие ценные данные о событиях социальной и классовой борьбы середины и конца века (Парижское восстание 1357 г., городские волнения 70—80-х годов, восстание тюшенов) и организации народного сопротивления английскому вторжению³⁰.

Характер полученной информации зависел в значительной мере от социальной принадлежности или социальных симпатий хронистов. Откровенное сочувствие Жана де Венетта крестьянам позволило ему создать образ не только страдающего народа, но народа-труженика, способного на героический ратный подвиг во имя родины. Анонимный автор хроники Четырех первых Валуа, очевидно, горожанин по происхождению, высветил роль горожан в событиях XIV в. Большие французские хроники в качестве государственного рукописного свода позволили выявить цельную политическую концепцию государственной независимости Франции и суверенитета монархии. Особый интерес в этом плане представляет часть хроники, принадлежащая перу канцлера и ближайшего советника Карла V Пьера д'Оржемона (1350—1380).

Прекращение в 1380 г. рукописной традиции свода Больших французских хроник, вновь начавших свое существование после почти 100-летнего перерыва и уже в виде печатного издания, красноречиво отразило глубину потрясений, которые пришлось преодолеть обществу на пути к восстановлению государственной целостности Франции в конце XIV — середине XV в.

Исключительное место среди хронистов XV в. принадлежит Т. Базену³¹. Выходец из горожан, получивший блестящее образование (знаток канонического и гражданского права, мэтр искусств), дипломат, причастный к политической игре англо-французского двора и Римской курии, посвятивший себя церковной службе в качестве каноника Руана и епископа Лизье, он испытал превратности судьбы церковно-политического деятеля, жившего в бурные годы царствования Карла VII и Людовика XI.

В очень богатом информацией жизнеописании правления Карла VII хотелось бы выделить свидетельства о завершающем этапе Столетней войны. Они позволили оценить масштабность народно-освободительной борьбы, связанную с общинной организацией в городе и деревне. В них отразилось сложное переплетение этой борьбы с социальным протестом, а также роль объединенных усилий ее участников и армии в победоносном завершении войны. Эти свидетельства обладают убедительностью не только очевидца, но и участника событий, выработавшего, в частности, условия мирной капитуляции и перехода под власть французского короля города Лизье — рези-

денции епископа с целью его сохранения — условия, принятые затем во многих других местах.

Не меньшее значение имеют попытки Т. Базена разработать теорию королевской власти с образом идеального монарха, в которой он осмыслил военную и налоговую реформы Карла VII. Анализ ее позволяет, в частности, уточнить имеющую распространение в литературе оценку Т. Базена как выразителя идей крупных феодалов. Он был сторонником централизованной и самостоятельной страны, признавшим в целом необходимость постоянной армии и постоянных налогов и пытавшимся лимитировать королевскую власть законами во имя общественного блага. Следует также учесть, что тот современный Т. Базену и переломный во многом период, являвшийся преддверием XVI в., в котором окончательно определился переход к абсолютистскому государству, делал вполне реальными его опасения перед угрозой тирании. Все это исключает возможность его уравнивания с теми феодалами, которые в Лиге общественного блага не столько выступали против крайностей монархии, сколько пытались ограничить ее в свою пользу.

XV век принес с собой новый тип нарративного источника — дневники частных лиц, отразившие процесс индивидуализации сознания и повышения уровня светской культуры в обществе. Один из них — анонимный Дневник, принадлежащий, как полагают, перу жителя Парижа и отразивший события в стране за период с 1405 по 1449 г.³² Его ценность — не столько в характере содержащейся в нем информации, которая не отличалась ни достаточной точностью, ни широтой охвата событий, ни тем более их глубоким пониманием, сколько в возможности оценить восприятие горожанином происходящих событий. Автор не принадлежал к верхам городского общества, но был достаточно образован для того, чтобы пожелать вести Дневник, светский по своему характеру. Динамизм происходящих событий любопытным образом отразила меняющаяся позиция автора Дневника — вначале если не сторонника герцога Бургундского, то человека, принявшего, как и Париж в целом, его власть, осуждающего действия дофина, осмелившегося выступить против короля Карла VI. Однако, одоблив позорный мир в Труа как меру борьбы с бесчинствами арманьяков, он желал тем не менее освободить Францию от англичан. Это обстоятельство, очевидно, помогло ему позднее признать дофина в качестве короля Карла VII

и осудить теперь уже дофина Людовика, будущего Людовика XI, и крупных феодалов за участие в движении против законного короля (Прагерия). В Дневнике мы находим подробные сведения о налогах и их раскладке, свидетельства сложного переплетения действий бригаантов с движением социального протеста, а также осуждение дворянства за просчеты в войне. По мнению автора, дворяне были заинтересованы в войне и потому не желали довести дело до победного конца. Автор подчеркивал стремление народа в противовес дворянству к миру и вызванный этим успех народно-освободительной борьбы.

Уже в конце XIV в. во Франции появились дневники чиновников Парламента, среда которого демонстрировала сравнительно высокий уровень образованности. Они представляли собой хронику судебной жизни с более или менее подробными записями конфликтов и внутренних событий.

Один из наиболее известных и ранних по времени сборников такого типа принадлежит перу королевского адвоката Жана Лекока, самого яркого представителя династии судебных и финансовых чиновников, известной с первой половины XIV в. и вплоть до XVIII в. Отец его добился дворянского звания в 1363 г. благодаря государственной службе. Сам Ж. Лекок находился на службе у графа Блуа, герцога Бургундского, архиепископа Реймса, прежде чем в 1387 г. стал адвокатом короля, что явилось апогеем его карьеры. Его Дневник, который издатель называет «сортом парламентской газеты», близок к регистрам Парламента, так как содержит почти протокольную запись дел, в которой автор особое внимание, естественно, уделяет аргументации защитника³³. Как досье практика он великолепно отражает особенности развития права, в том числе соотношение обычного и римского права, роль судебного процесса в эволюции права (юридический прецедент) и сферу притязаний королевского суда. Достоинством источника является точность автора (из 10 упомянутых им ордонансов оказались не найденными 4, из 353 постановлений Парламента 235 обнаружены в регистрах).

Автор второго Дневника, Николай де Бэ, являлся секретарем Парламента (должность, введенная в 1254 г.), в функции которого входила запись процесса, регистрация и хранение документов, редактирование и переписка актов и т. д. Бывший серв сеньора де Конфлан из Бэ в Шампани, он получил личное освобождение в 1373 г.,

изучал право в Орлеане и стал бакалавром канонического и гражданского права и магистром свободных искусств, секретарем, затем советником Парламента. После смерти, однако, его имущество подпало под действие права «мертвой руки», как бы символизируя исключительность его судьбы для серва.

Дневник Николая де Бэ был составлен в 1401—1417 гг., в трудные годы жизни Франции³⁴. Основное внимание автора привлекает внутренняя жизнь парламентской среды — выборы и назначение чиновников, противоречия дворян с ротюрье в связи с этим, состав палат, взаимоотношения с университетом. В этом источнике меньше, чем у Лекока, данных о судебных делах, хотя некоторые из них представляются чрезвычайно интересными, в частности тяжбы в ремесленной среде, связанные с имущественной и социальной дифференциацией и попытками к укрупнению производства (конфликты с булочниками; тяжба 140 членов корпорации суконщиков против 6 красильщиков, в зависимость от которых они попали). Любопытна реакция автора на налоги, на бесчинства «людей войны», его отношение к королевской власти и многое другое.

Изучение литературы и источников побудило нас обратиться к анализу государственного механизма сословной монархии и показать взаимодействие его основных звеньев — юрисдикции, налоговой системы, военной организации и практики сословно-представительных учреждений.

Главным объектом исследования стала не традиционная проблема сословно-представительных учреждений как наиболее характерного признака этой формы государственности, но проблема сословности в классовой и социальной структуре феодального общества. Основную задачу исследования составила попытка определить социальную природу французской сословной монархии, оценка которой должна конкретизировать не только феодальную классовую сущность государства, но и характер взаимодействия монархии со всей совокупностью социальных сил, в том числе с городским сословием и классом крестьянства.

ГЛАВА I. ДУАЛИЗМ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ В УСЛОВИЯХ СОСЛОВНОЙ МОНАРХИИ: ВЛАСТЬ ГОСУДАРЯ И ИММУНИТЕТ СОСЛОВИЙ ВО ФРАНЦИИ XIII — НАЧАЛА XIV ВЕКА

Изучение сословной монархии во Франции XIV—XV вв. ставит перед исследователем некоторые предварительные задачи, решению которых посвящена данная глава.

К их числу относится задача теоретического рассмотрения проблемы сословной монархии как особой формы феодального государства, сложившейся в странах Западной Европы в условиях развитого феодализма и процесса централизации. Вторую задачу главы составит характеристика особенностей процесса формирования сословной монархии и ее раннего этапа во Франции XIII — начала XIV в. Ее решение должно облегчить понимание и оценку XIV и XV веков — периода наиболее существенных сдвигов в развитии этой формы государственности, обозначивших перспективы перехода к абсолютной монархии в следующем XVI в. Материалы главы, таким образом, должны послужить введением к основному содержанию работы.

Теоретическое рассмотрение проблемы сословной монархии целесообразно начать с уточнения понятийного аппарата, в частности, уточнения самого понятия «формы феодального государства». Отражая общую для всех этапов феодальную сущность средневековой политической организации, оно предполагает возможность ее эволюции в рамках феодальной формации. Систематизация этого развития позволила исследователям выделить в качестве особых политических форм раннефеодальное государство, государство периода феодальной раздробленности и две стадии централизованного госу-

дарства — сословную и абсолютную монархии. Очевидно, что выработанные в литературе определения конкретных государственных форм в одних случаях учитывают в первую очередь временные характеристики политической эволюции, в других — степень централизации общества, силу монархии или активности общественных сил. Отмеченная разность классификационных признаков (при том условии, что все названные формы действительно представляют собой последовательные этапы средневековой государственности) не случайна и отражает множественность аспектов общего понятия «государственная форма».

Один из них характеризует определенный способ реализации государством политической власти или определенную форму государственного управления. С этой точки зрения история средневекового общества демонстрирует бесспорное преобладание принципа монархического управления — будь то в рамках раннефеодального государства, сословной монархии или абсолютизма. Даже в условиях того закономерного этапа политической эволюции, каким явилось государство периода феодальной раздробленности, характеризующее крайним рассредоточением политической власти земельных собственников, общество не изжило монархический принцип управления, сохранив титул верховного суверена в качестве объекта притязаний наиболее крупных феодалов. Что касается известного средневековым республиканского устройства, то оно получило распространение в условиях государственной децентрализации, было связано, как правило, с развитием города и имело временный характер в случае, если централизаторские или абсолютистские тенденции одерживали верх. Примером может служить история итальянских городов-республик, не достигших уровня общегосударственного объединения. С точки зрения общегосударственного республиканского устройства в масштабах Европы исключение составила, пожалуй, Швейцарская конфедерация, которая не знала монархических форм власти. Наиболее существенным, однако, в понятии «форма феодального государства» является характеристика социально-политической структуры общества. Такая характеристика может быть дана только с учетом основной и общей особенности этой структуры в условиях феодализма, которой изначально свойственна дисперсия политической власти. В реальности это приводило к параллельному сосуществованию и разви-

тию центральной власти и власти на местах вотчинника, городской корпорации или сословия. Подобный дуализм политической структуры был присущ самой природе феодализма, в котором собственность на землю или орудия труда могла быть реализована только с помощью внеэкономического принуждения. Совокупность же политических прав являлась главным его средством¹.

Дуализм политической структуры оформился с окончательным установлением феодального способа производства, т. е. на завершающем этапе раннефеодальной государственности. Специфика этой общей особенности политической структуры зависела от степени зрелости феодального способа производства и предполагала не только особое взаимоотношение между центральной властью и властью на местах, но также особую природу той и другой власти. Будучи связаны обратной зависимостью, эти два направления политической эволюции неизбежно вступали в противоречия, динамика и исход которых определялись этапом феодального развития и конкретно-исторической ситуацией.

Следовательно, при анализе любой формы феодального государства, в том числе сословной монархии, следует иметь в виду состояние центральной власти и общественных сил страны, а также характер их взаимодействия.

ПРОЦЕСС ЦЕНТРАЛИЗАЦИИ СТРАНЫ И ФОРМИРОВАНИЕ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОЙ ПРИРОДЫ КОРОЛЕВСКОЙ ВЛАСТИ

Процессу централизации во Франции и оформлению сословной монархии, как и повсюду в Европе, предшествовал довольно длительный период значительного ослабления центральной власти, которая в борьбе с земельными собственниками, ранее шедшей с переменным успехом, уступила последним, не будучи в состоянии ни удержать власть над ними, ни обеспечить внеэкономическое принуждение по отношению к попавшему в феодальную зависимость крестьянству. Эту задачу почти целиком взял на себя класс феодалов, особенно в лице его наиболее крупных представителей. Названное явление нашло материальное воплощение в процессе «озамкования», развернувшемся по всей Европе, в том числе и во Франции, т. е. в строительстве феодальных замков-

крепостей как центров реализации постоянного и относительно прочного принуждения с помощью собственного аппарата (управление, армия, суд, тюрьмы)².

Феодалная раздробленность, имевшая своей экономической основой господство натурального хозяйства во Франции, развивалась под влиянием особенностей процесса становления класса феодалов, который шел здесь более быстрыми темпами в сравнении с другими странами Западной Европы и завершился в наиболее законченных формах. Уже в XI в. класс феодалов на севере страны превратился в наследственную группу, монопольно владевшую землей, с последовательно развитой иерархической структурой и значительными политическими прерогативами вплоть до права высшей юстиции. Политический опыт общества, формирующегося в самом сердце бывшей франкской империи, не мог не вобрать в себя развитую здесь уже на этапе раннего феодализма практику института частной власти, которая во франкском варианте исключала для государства возможность доступа на иммунитетную территорию, а также практику непосредственного участия светской и духовной знати в управлении. Это участие реализовалось в Королевском Совете, исполнительных органах и, наконец, в периодических (2 раза в год) собраниях феодалов (так называемая демократия знати). Центральная власть в условиях практически легального сосуществования суверенитетов потеряла значительную долю уже приобретенных на этапе раннефеодальной государственности возможностей, связанных с публичной стороной ее природы, обнажив тем самым сеньориальную основу своей власти. Король действовал не столько как суверен, сколько как сюзерен, верховный сеньор своих вассалов. Тождественность природы центральной власти и власти феодала в домене нашла отражение в практической нерасчлененности понятий публичного и частного права.

С развитием феодальных отношений и глубинными изменениями феодальной формации в период ее расцвета мог либо упрочиться локальный суверенитет, либо побеждала в условиях государственной централизации королевская власть. Из двух вариантов политического развития, которые знала средневековая Европа, Франция дала блестящий пример последнего, имевшего несомненно прогрессивное значение: тенденция к созданию национальных государств, по словам Энгельса, служила одним из важнейших рычагов прогресса в средние века, явля-

ясь залогом экономического процветания страны и ее политической независимости³.

На начальных этапах процесса централизации во Франции королевская власть находилась в крайне затруднительных условиях, хотя и преходящего характера. Среди них следует назвать ограниченные материальные возможности правящей династии и компактную структуру земельных владений крупных феодалов, создающую наиболее благоприятные условия для политической автономии. Домен Капетингов представлял собой сравнительно небольшую полосу земли по Сене и Луаре, тянущуюся от Компьеня до Орлеана и стиснутую со всех сторон феодальными княжествами — герцогствами Нормандия, Бургундия, Бретань, графством Шампань, — во много раз превосходившими по своим размерам его территорию еще в XII в.

Специфика вассальной системы во Франции с ее принципом, согласно которому король должен был рассчитывать лишь на помощь непосредственных вассалов, а также отсутствие дополнительных социальных резервов типа свободного английского, шведского, испанского или черносошного крестьянства в России, существенно ограничивали ее возможности. Королевская власть имела выборный характер. Местные династии на юге страны, как, например, герцоги Аквитанские, не признавали Капетингов. Экономическое и социально-политическое своеобразие юга и севера страны, подкрепленное наличием двух народностей, усугубляло политическую раздробленность. Тем не менее процесс государственной централизации самым убедительным образом реализовался во Франции благодаря решающим для него факторам, которые возникли в ходе развития самой феодальной формации и имели, таким образом, общий характер. Из них определяющее значение имело возникновение и развитие городов и товарно-денежных отношений — этой сущностной особенности феодальной структуры начиная с эпохи ее расцвета.

Развитие городов и товарно-денежных отношений в принципе нарушило замкнутость хозяйственных единиц и областей, подготовив оформление экономического единства страны — необходимого экономического условия для политического объединения. Развитие городов вызвало оформление в обществе новой социальной силы — сословия горожан, прямо заинтересованных в усилении королевской власти, которая должна была ликви-

дировать феодальную анархию и обеспечить внутренний мир, создать благоприятные условия для торговли (устранить таможенные границы и внутренние поборы, ввести единство монеты, мер и весов, защитить от конкуренции иностранных купцов). Постепенно сложившийся политический союз городов с королевской властью приобрел исключительное значение в процессе централизации во Франции в силу отмеченной специфики социальной базы королевской власти.

В этом союзе города всегда находились на положении подчиненного и неполноправного партнера, который платил налоги, покупал хартии привилегий и их подтверждение новым королем, предоставлял государству займы, как правило, становившиеся безвозвратными ссудами. Король получал от городов военную, денежную и политическую помощь в борьбе с внешним врагом и во внутренней политике, направленной на ослабление политического могущества крупных феодалов.

Союз оформился как осознанная линия внутренней политики монархии на базе освободительного движения городов, принявшего выраженные формы с конца XI в., особенно в северных районах Франции. Позиция королевской власти при этом не всегда была последовательной. Она зависела от того, как складывались ее взаимоотношения с церковными или светскими феодалами; центральная власть старалась не допустить серьезного усиления городов, поэтому результативность борьбы городов за самостоятельность определялась не только их экономическими возможностями и экономической или политической значимостью, но их принадлежностью королю или сеньору. Поощряя борьбу городов в землях феодалов вплоть до установления в них коммуны, т. е. города с правом самоуправления и юридического лица (высшая форма городской самостоятельности в условиях централизованного государства), центральная власть пресекала подобные попытки на территории своего домена. Усилившись, она попыталась ликвидировать коммунальные вольности во Франции, открыв тем самым с конца XIII в. новую фазу в развитии этого политического союза.

Другим фактором, способствовавшим процессу централизации, служили изменения в расстановке сил внутри господствующего класса. Этот класс в целом составлял социальную опору монархии. В свою очередь, государственный аппарат, растущий в условиях централизации,

при некоторой его отчужденности от господствующего класса, в конечном счете представлял и обеспечивал его интересы. Однако взаимоотношения внутри феодалов и их отношения с центральной властью были весьма сложными. В любом феодальном государстве, по словам Ф. Энгельса, король представлял собой главу иерархии, без которой вассалы не могли обойтись и по отношению к которой они одновременно находились в состоянии непрерывного бунта⁴. Наличие внутриклассовых неантагонистических противоречий определяло политику лавирования, которую осуществляла монархия, вступая в борьбу с одной группой феодалов и поддерживая другую. При этом наиболее верной и последовательной опорой монархии должны были бы служить мелкие и средние феодалы, которые сами страдали от злоупотреблений со стороны крупных феодалов и, будучи ограничены в средствах, могли искать материальной помощи от короны. Однако сплочение класса феодалов вокруг королевской власти шло с большими трудностями во Франции благодаря отмеченной выше особенности вассального права. Ситуация изменилась в условиях развития товарной экономики и наметившегося процесса централизации. От монарха, вооруженного атрибутами власти, феодалы ждали помощи в решении классовых задач угнетения зависимого крестьянства, так как в новых условиях усложнялась реализация внеэкономического принуждения. Эту потребность не могли не ощущать французские феодалы, в чьих землях в связи со сменой форм ренты и процессом личного освобождения крестьян в XIII—XIV вв. укрепились самостоятельность крестьянского хозяйства и выросла его экономическая значимость в качестве основной производственной ячейки.

Усиление роли государства в решении классовых задач угнетения зависимого крестьянства во Франции, как и повсюду в Европе, было связано также с обострением классовой борьбы. Подавление крупных восстаний пастушков в 1251 и 1320 гг. способствовало консолидации господствующего класса и его сплочению вокруг центральной власти⁵. Усложнение и углубление классовой борьбы в XIV и XV вв. должно было увеличить воздействие этого фактора. Более того, второй период развития феодализма во Франции прибавил новые импульсы процессу централизации. Важным их источником служил фактор обратного влияния государства на расстановку сил внутри класса феодалов, лишь слабо обозначенный

в конце XIII — начале XIV в. Служба в наемной армии и государственном аппарате делает возможным для феодалов доступ к той части феодальной централизованной ренты, которую аккумулировало государство. Дополнительный источник дохода приобрел особую важность в обстановке усиливающегося расслоения в среде господствующего класса и перестройки феодальных хозяйств в условиях товарно-денежных отношений.

Наконец, применительно к Франции события Столетней войны, неблагоприятный поворот которых в начале XV в. поставил под вопрос само существование французского государства, вызовут к жизни еще один существенный для централизации фактор внешней опасности и защиты собственной территории.

Процесс государственной централизации под действием отмеченных сдвигов развивался постепенно и прошел не без трудностей и отступлений через несколько этапов. До конца XII в. французские короли решали проблему усиления собственной власти в пределах домена. На первых порах результатами развития городов воспользовались, подобно королю в его домене, владельцы крупных феодальных территорий — герцогств и графств. Поэтому централизация прошла через два этапа — по провинциям и на уровне общегосударственного объединения. Оба этапа были не всегда четко разъединены во времени, что существенно осложняло процесс утверждения центральной администрации над местными органами управления.

Начало решительному увеличению домена было положено правлением Филиппа Августа (1180—1223). В середине и второй половине XIII в. территориальное расширение домена было закреплено заметным прогрессом в области государственного управления. Дальнейшее развитие процесса централизации в XIV и XV вв. совершалось уже в условиях сложившейся к тому времени в основных чертах новой формы государственности.

Усиление королевской власти сопровождалось развитием ее прерогатив публично-правового характера. Оно происходило теперь в условиях господства феодальной формации и поэтому в наиболее убедительных по сравнению с раннефеодальным периодом формах. Суть этой метаморфозы заключалась в постепенном преодолении центральной властью своей сеньориальной основы и превращении ее во власть для всех, во власть, которая в качестве *volonte generale* была предназначена

обеспечить общее благо. Подобное превращение определил ряд реформ и преобразований, среди которых следует в первую очередь назвать тенденцию к замене выборной власти короля наследственной. Представители правящей династии Капетингов пытались отстоять наследственный принцип, коронуя наследника при живом отце.

Патримониальный характер королевской власти предполагал в положении и действиях монарха преобладание частноправовых элементов, когда государство рассматривалось им как личное имущество, могущее быть подаренным частным лицам или разделенным между наследниками. Отправление высших государственных функций было сосредоточено в королевском дворце. Реформы, результатом которых явилось, в частности, создание бюрократического аппарата, существенно изменили ситуацию. Его важнейшую и, так сказать, исходную часть составили органы центрального управления, выросшие из королевской феодальной курии, — королевский совет, верховный суд, финансовое ведомство. Местный аппарат, находящийся в непосредственной близости к местной автономии, складывался постепенно, параллельно или с некоторым отставанием от центральных органов, которым приходилось в силу этого нести основную тяжесть по реализации внутренней государственной политики. Основы местного управления были заложены реформами Филиппа II Августа, разделившего страну на государственно-административные округа со штатом чиновников низшего и среднего звена — прево, бальи и сенешалей. Во Франции государственный аппарат обнаружил тенденцию к разветвлению и усложнению, встретив активное сопротивление со стороны местных феодальных органов. Генеральной и перспективной для центральной власти линией в эволюции аппарата управления являлась постепенная замена феодально-вассальной службы на оплачиваемую государственную службу с предпочтительным использованием специально обученных чиновников — легистов, знатоков законов и права, часто не благородного происхождения. На этом этапе отчетливо проявили себя попытки монархии к ограничению прямого участия церкви в управлении государством, столь характерного для раннефеодального периода.

Одним из основных условий политического могущества королевской власти и обретения ею публично-правового характера явилось право высшей судебной вла-

сти, которое она пыталась реализовать, создав королевский суд в качестве высшей судебной и апелляционной инстанции. Первые шаги в этом направлении были сделаны судебными реформами Людовика IX, которые способствовали постепенному превращению всего населения в подданных короля.

Существенную роль в изменении природы королевской власти имел начавшийся процесс выработки общегосударственного права, вытесняющего или унифицирующего местный обычай с помощью государственного законодательства и римского права. Король перестает рассматриваться как частное лицо: некоторое время французские короли были вынуждены, например, признавать сюзереном сеньора, во владении которого они делали земельные приобретения. Пытаясь избежать унижительной процедуры принесения оммажа, они перекладывали ее на своих чиновников, пока не утвердилось исключительное положение короля в системе обычного права. Будучи ранее ограничен обычаем, король теперь сам становился источником права. Утверждаются постепенно понятия о священной природе королевской власти и государственной измене, а также понятие о неотчуждаемости домена.

К началу XIV в., в частности во время правления Филиппа IV Красивого, наметились первые заметные сдвиги в оформлении двух других важнейших условий преобразования политической природы королевской власти — в централизации военных сил страны и складывании системы государственных налогов.

Правовой мыслью, вдохновленной римским правом, была разработана уже к середине XIV в. доктрина политического могущества королевской власти. Суть этой доктрины составили положения о высшей власти короля, которая была приравнена к власти императора в своем королевстве. Вооруженная подобной доктриной и реформами в таких звеньях государственного механизма, как суд, армия, налоги и исполнительный аппарат, монархия, казалось, действительно могла претендовать на высшую власть в государстве. Однако процесс централизации и усиления монархии не устранил своеобразия социально-политической структуры феодального общества, т. е. свойственный ей дуализм в эволюции господства и подчинения. Он только изменил соотношение феодального и центрального суверенитетов, а также природу их взаимоотношений. Последнее обстоятельство было свя-

зано с другой, не менее существенной, чем усиление центральной власти, тенденцией в образовании новой формы государства — активным оформлением на базе централизации страны сословий, т. е. общественных групп с определенными юридическими правами и обязанностями.

ПОНЯТИЕ «СОСЛОВИЕ» И СОСЛОВНАЯ СТРУКТУРА ФРАНЦУЗСКОГО ОБЩЕСТВА XIII — НАЧАЛА XIV ВЕКА. РОСТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ СОСЛОВИЙ

Сложная социальная структура феодального общества, в котором присутствует как классовое, так и сословное деление, служит одним из характерных его признаков. Факт сословного деления, осмысленный в средневековой идеологии уже на рубеже развитого феодализма, связывался с разностью общественных функций. В тройственной схеме общества, разработанной в начале XI в. епископом Жераром Камбрезийским и Адальбероном Ланским, каждое сословие — молящиеся (*oratores*), сражающиеся (*bellatores*) и трудящиеся (*laboratores*) — объявлялось частью единого тела, а служба каждого — условием службы другого. При этом трудящиеся назывались сервами, предназначенными ради общего блага к труду и страданиям. Схема усложнилась с оформлением городской общности, и тогда сословие трудящихся стало подразделяться на ремесленников и работников деревни. Отражая более или менее точно процесс общественного разделения труда, эта схема иногда фиксировала даже дробные профессиональные группы городского населения, выделяя в нем торговцев и ремесленников с учетом их внутренней специализации, а также судейских лиц и медиков⁶. В современной исторической науке проблема социальной структуры феодального общества принадлежит к числу наиболее спорных и злободневных. Признание уже историками XIX в. сословного деления средневекового общества выводило буржуазную историческую мысль в исследовании социальной истории за узкие пределы взаимоотношений только внутри господствующего класса. Однако, как правило, этот сюжет оказывался сопутствующим главной теме исследования — изучению истории городского сословия, государственных институтов или такой формы государства, как сословная монархия⁷.

Принципиальный поворот в изучении сословной

структуры феодального общества связан с оформлением и развитием начиная с 30-х годов XX в. направления корпоративистов, заложившего основы нынешних представлений в зарубежной историографии о природе сословий и их участии в сословно-представительных органах. Новый импульс к углублению названной темы был дан определившимися к 60-м годам интересом в буржуазной зарубежной историографии к проблемам классовой и социальной борьбы при феодализме. Появившаяся в последние десятилетия литература обнаруживает в решении этих проблем как известную близость марксистской и буржуазной историографии, так и принципиальные расхождения, иногда усиленные открытой антимарксистской направленностью некоторых работ⁸. В исследованиях последнего рода присутствует не только неприятие принципа классового деления, связанное в конечном счете с недостаточно глубоким пониманием социально-экономических основ феодального общества, но и неточное знание марксистской теории классовой борьбы и социальной структуры при феодализме. В общем виде в оценке немарксистской историографией социальной структуры феодального общества вызывает возражение неадекватное понимание характера связи классового и сословного деления или их противопоставление; признание в качестве наиболее существенных для сословия его правовых признаков; ограниченное представление о социально-экономической природе сословия, которое обычно сводится к упоминанию о социальной функции и экономическом статусе сословия.

Марксистское понимание социальной структуры феодального общества включает в себя несколько принципиальных положений. Первое и главное — признание ее сложности, объясняемой наличием в обществе сословного и классового деления, вопреки распространенному в современной зарубежной историографии утверждению об историках-марксистах, якобы признающих социальной реальностью только класс.

Если оценка класса, связанная с определением для той или иной общности ее места в производстве и отношения к средствам производства и орудиям труда, имеет выраженные экономические характеристики, то сословное деление обнаруживает себя в первую очередь в сфере правовых признаков и юридического положения группы в обществе. Однако, согласно марксистской теории, классовое и сословное деление оказываются нераз-

рывно связанными таким образом, что сословные различия служат одной из форм проявления классовых различий, юридически закрепляя последние в обществе. В докапиталистических общественных формациях, по словам В. И. Ленина, «различие классов фиксировалось и в *сословном* делении населения, сопровождалось установлением особого *юридического* места в государстве для каждого класса»⁹.

Для общества, в котором классовое деление скрывалось за социально-правовыми категориями, а эксплуатация осуществлялась с помощью внеэкономического принуждения, включая сословное неполноправие, В. И. Ленин считал возможным применять термин «класс—сословие». Таким образом, основным в этой связке классов и сословий было классовое деление, определявшее как юридический статус группы, так и ее экономическую и социальную функцию.

Сословие оказывается более подвижной общностью, чем класс. Оно могло возникнуть не одновременно с классом и не в результате эволюции собственно этого класса, как, например, случилось с чиновным дворянством во Франции. Сословие могло изменить свой юридический статус, увеличив сумму привилегий. Однако в любом случае мобильность сословия определялась рамками существующего в обществе классового деления, в частности принадлежностью сословия к господствующему классу. Поэтому развитие городского сословия, в ходе которого оно добилось известного политического признания в обществе, тем не менее не смогло уравнивать его с тем же дворянством.

Приближаясь именно к такому пониманию взаимосвязи классового и сословного деления, один из крупнейших представителей направления корпоративистов Ж. Лагард подметил несовпадение иерархии положения с иерархией функций, показав его на примере с дворянством и крестьянством. Привилегированное положение первого, по его словам, не могло быть оправдано военной функцией, поскольку дворянство не являлось единственной военной силой. Крестьянство же, хотя и выполняло самую необходимую функцию в обществе, не смогло подняться до положения сословия, т. е. общности, добившейся политического признания. Один из основоположников направления корпоративистов и крупнейший его теоретик бельгийский ученый Э. Лусс в свою очередь напишет о том, что экономический статус и социальную

функцию сословной группы определяет право собственности, хотя он не уточнит при этом своего понимания собственности при феодализме¹⁰. Приведенные примеры связи классового и сословного деления действительно отражают зависимость последнего от отношений собственности на землю и орудия труда. Отмеченную связь сословной структуры с собственностью можно углубить, подчеркнув тем самым социальную наполненность сословного деления и его качество сущностной черты при феодализме. Для этого следует поставить вопрос не о праве собственности, которым располагает то или иное сословие, как в случае сопоставления класса и сословия, но о характере или природе собственности при феодализме. Анализ под этим углом зрения работ К. Маркса и Ф. Энгельса дал интересные, с нашей точки зрения, результаты. Особое внимание было уделено нами «Экономическим рукописям 1857—1859 годов», в том числе части их, носящей название «Введение», а также первому черновому наброску «Капитала» — «Критике политической экономии» с очерком «Формы, предшествующие капиталистическому производству» и новой публикации первой главы из «Немецкой идеологии»¹¹.

В этих трудах Маркс и Энгельс подчеркивали общинную обусловленность собственности в докапиталистических формациях. «Чем дальше назад уходим мы в глубь истории, тем в большей степени индивид, а следовательно и производящий индивид, выступает несамостоятельным, принадлежащим к более обширному целому...», — писал Маркс, объясняя эту особенность «принципиально ограниченным» развитием производительных сил и связанной с ним слабостью отдельной человеческой личности¹².

Характеризуемые Марксом в «Формах, предшествующих капиталистическому производству» три типа общины — восточная, античная и германская — оцениваются им как последовательные этапы выделения человека из природы. В этом процессе Маркс в соответствии с конечной целью исследования — анализом капиталистического способа производства — прочерчивает в первую очередь линию разложения естественно сложившейся общности и постепенного высвобождения безусловной, полной частной собственности. Только капитализм, по его мнению, уничтожит все основанные на непосредственной общности отношения, превратив труд и продукты в меновые стоимости¹³.

Что касается германской формы общины, то, по мысли Маркса, еще до развития в ней феодальных отношений она выглядела более динамичной по сравнению с предшествующими ей формами благодаря выраженной в ней тенденции к развитию свободной мелкой собственности¹⁴. В особом единстве двух борющихся начал — частного и общинного — вариант восточной общины оставял отдельному лицу лишь право владения, тогда как право собственности воплощала сама община. В античную эпоху отдельный член общины, став частным собственником и владельцем земли, окажется уже в более свободном отношении к ней, но только в германской общине, по характеристике Маркса, индивидуальная аллодиальная земельная собственность выступит не как форма, противостоящая земельной собственности общины или ею опосредованная, а наоборот, община будет существовать только во взаимных отношениях друг с другом этих индивидуальных собственников, позднее — крестьян-держателей. Отношения в ней как бы переворачиваются, общинное начало, являющееся предпосылкой производства, выступает как производное, подчиненное индивидуальному началу, опосредованное этим началом¹⁵.

Феодализм, который возникает в результате разложения родовых и коллективных начал в германской земледельческой, а затем соседской общине, не уничтожает ее до конца, но лишь модифицирует и множит формы ее проявления, которые Маркс называет производными, исторически сложившимися или вторичными, — под ними он подразумевает касту, сословие, корпорацию¹⁶. Иными словами, в отличие от капитализма с его безусловной частной собственностью собственность на землю и орудия труда при феодализме реализовалась в условиях общинно-корпоративных связей.

Действительно, это соединение частнособственнических и корпоративно-общинных или коллективных связей проявляется во всех сферах феодального общества: в среде феодалов — класса-сословия в целом, где земельные собственники были связаны условным несвободным характером земельной собственности, и в его отдельных сословиях — духовенстве и дворянстве, на которые изначально распадался класс феодалов; в среде горожан — городской общины в целом, и в ее отдельных частях — ремесленных и торговых корпорациях, а также классе-сословии крестьянства, судьба которого была свя-

зана с сельской общиной¹⁷. При этом корпоративные начала в сфере социальных или политико-административных отношений во многих случаях по степени их выраженности и значимости опережали те же начала в производственной сфере.

Сословное деление являлось своеобразным проявлением в сфере надстройки корпоративного характера собственности, не свободной от ограничений политико-юридического характера. Для индивида обладание юридическим статусом и реализация связанных с ним прав и обязанностей определялись его принадлежностью к сословию и, следовательно, также носили ограниченный характер. Само же приобретение юридического статуса той или иной общественной группой являлось логическим закреплением ее социально-экономического статуса, который характеризовался определенной функцией и специфическим отношением к средствам производства и орудиям труда.

На этапе развитого феодализма, и особенно в условиях централизации, наблюдается процесс оформления и постепенной консолидации сословий, а также рост их политической активности. Социальные коллективы утверждали свои права и привилегии в хартиях — процесс, который постепенно привел к выработке общественных требований вначале в рамках отдельных провинций, затем государства. Индивидуальные контракты службы, верности, протекции, повиновения постепенно вытесняются и дополняются связью государя с автономными корпоративными группами и сословиями, в которых коллективный договор обеспечивал право индивида только по соучастию.

В качестве сущностной черты феодализма сословное деление в свою очередь подчеркивало неразрывную связь феодальной собственности с политической властью и значительное влияние этой особенности на социальную структуру общества.

Политическая автономия сословий имела договорную юридическую базу и, предполагая их право на диалог и соглашение с монархией, ставила существенные ограничения притязаниям королевской власти. Государь мог с помощью легистов объявить и пытаться применить в своей внутренней политике формулу римского права «*Quod principi placuit, legis habet vigorem*» — что угодно государю, имеет силу закона. Однако на данном этапе государственности формула была лишена реального со-

держания. Отсутствовали система постоянных налогов, постоянная армия, достаточно действенный исполнительный аппарат; требовались согласие и помощь сословий на крупные государственные внутренние и внешние акции.

Не всякая общественная группа, располагавшая юридическими привилегиями, приобретала статус сословия, подобно тому, как и контакты монарха с общественными силами страны имели самые разнообразные формы — от частных консультаций и частного договора повседневного характера до самой яркой формы диалога — в рамках сословно-представительного учреждения на местном, провинциальном и общегосударственном уровнях. Участие в нем институционно завершало процесс сословного оформления.

Оценка сословной монархии как особого этапа в развитии феодальной государственности, не может быть сведена, таким образом, к вопросу о судьбах и особенностях сословного представительства. В литературе часто совершается такая подмена, хотя сословное представительство отнюдь не исчерпывает, как мы старались показать, характеристики сословной монархии в качестве специфической формы феодального государства.

Учитывая важность в этой характеристике факта оформления и развития сословий, можно утверждать, что термин «сословная монархия» имеет право на существование, хотя принятое в советской медиевистике определение «феодальная монархия с сословным представительством» точнее передает классовую сущность этой государственной формы. И хотя сословно-представительное учреждение составляло наиболее характерный признак новой формы государственности, его судьба, как и судьба государства, зависела от степени консолидации и активности сословий, от их позиций по отношению к центральной власти.

После общетеоретического экскурса в проблему сословности попытаемся выделить основные черты сословной структуры французского общества, оформившиеся к началу XIV в. В соединении с отмеченными выше линиями развития центральной власти они позволят определить характерные особенности раннего этапа сословной монархии во Франции.

Процесс сословного оформления во Франции получил особенно активное развитие в среде горожан. Хотя отправной точкой этого процесса послужили отделение ре-

месла от сельского хозяйства и его дальнейшая эволюция в качестве самостоятельной сферы производства, оформление сословия как общественной группы, обладающей юридически закрепленными правами, было определено коммунальным движением. Несмотря на неодинаковые результаты движения, известную растянутость процесса приобретения городами политических и экономических привилегий, юридический статус городского сословия во Франции установился сравнительно рано — в XII — начале XIII в. Именно городская община, в рамках которой реализовалось единство мелких профессиональных корпораций (цехов, гильдии), а также более крупных социальных групп (патрициата, бюргерства), формировала в целом социальную общность горожан. Не чуждая производственно-экономическим функциям (регулирование ремесла и торговли, контроль за ними), городская община, однако, занималась главным образом административно-политическим устройством своих членов, выступая как коллективное лицо во взаимоотношениях горожан с окружающим их внешним миром — феодальными сеньорами, королем и государством, сельскими общинами, другими городами. Она послужила исходным организующим началом в коммунальном движении, определившем оформление горожан как сословия. Ее автономия, уровень которой, как известно, колебался от весьма малой величины в городах, имеющих только отдельные экономические и политические свободы, до максимума, которым обладали города-коммуны во Франции, обеспечила разрыв прямой поземельной связи ее членов с сеньором, их личную свободу, право выборного управления, городской суд и т. д. При этом разница в правах существовала не только между коммунами Севера и пользовавшимися большой независимостью городами Юга страны, между коммунами и городами «буржуа», но и между самими коммунами.

Существенной особенностью становления городского сословия была возникавшая уже в ходе коммунального движения связь северных городов Франции с центральной властью, что позволило им раньше, чем городам юга страны, влиться в общегосударственный процесс централизации и испытать на себе последствия этого процесса.

Процесс консолидации сословия в общегосударственном масштабе, неизбежно связанный с выравниванием прав отдельных городских общин и, следовательно, с

ликвидацией коммунальных вольностей, которая последовала с конца XIII в., не устранил тем не менее групповых привилегий до конца феодализма. Городские общины останутся важным элементом сословной структуры горожан — особенностью, которая послужит как источником слабости сословия, питающим частный сепаратизм, так и средством формирования его политической активности и сознательности. Эта противоречивость результатов коммунального движения отчетливо проявит себя в событиях середины XIV в. и в XV в., о чем пойдет речь ниже.

Важной общей особенностью средневекового городского сословия была его внутренняя гетерогенность и подвижность социальной среды¹⁸. Дробные мелкие коллективы, объединенные профессиональными занятиями и экономическим статусом, принадлежностью к цеху, гильдии, городскому управлению, организовывались на какое-то время в более крупные противостоящие друг другу страты — патрициат и ремесленную массу, чтобы вскоре пережить новую перегруппировку сил, в которой патрициат и верхушка бюргерства объединятся против широких городских масс обедневших ремесленников и «вечных» подмастерьев¹⁹. Этот союз разнородных эксплуататорских элементов населения французского города установился сравнительно быстро. XIV столетие в известной мере отодвинуло на второй план противоречия между патрициатом и бюргерством. Этому способствовал прогресс в области ремесла и связанное с ним расслоение цеховых мастеров, а также усиление королевской власти. Установление ею контроля за муниципальным управлением, начавшееся с конца XIII в., и последующая активизация налоговой политики часто поднимали все городское население на антиправительственные выступления, которые, однако, неизбежно осложнялись протестом городских низов против имущего населения. Специфика городских восстаний и повседневные трудности в сборе государственных налогов заставляли патрицианские и ремесленные зажиточные круги объединяться против основной массы городского населения. Этот политический союз имел глубокую экономическую основу в феодальной природе и эксплуататорской сущности обеих прослоек, в получившей широкое развитие в их среде тенденции к инвестициям в недвижимость (земельная собственность, домовладение). Социальную эволюцию городского населения отразит смена ведущих

сил и форм управления в городской общине, а также изменения в статусе полноправия, ставшего постепенно достоянием весьма узкого круга лиц, не только владеющих недвижимостью, но и имеющих доступ к городскому управлению. Городская община в конечном счете будет конституировать корпус городских представителей в органах сословного представительства, практика которых содействовала консолидации сословия в общегосударственном масштабе, знаменуя вместе с тем политическое признание его в обществе и завершая в общих чертах процесс сословного оформления горожан. И хотя политическое признание городского сословия в феодальном государстве будет существенно ограничено в пользу господствующего класса феодалов, однако оно отчетливо продемонстрирует тот уровень социальной организованности, которого не смог достичь основной эксплуатируемый класс крестьянства.

Тем не менее сословное оформление затронуло и французское крестьянство, в среде которого возникали сельские коммуны. Стимулируемый в известной мере коммунальным движением в крупных северофранцузских городах процесс личного освобождения крестьян совпал с ним по времени, способам борьбы и общей антифеодальной направленности и был связан с активизацией форм общинной жизни²⁰.

Процесс самоопределения общин усиливал организованный характер противостояния крестьянства феодалам, содействовал юридической нивелировке класса, а также расширению влияния на него государства в области юрисдикции и налогов. Однако поземельные связи крестьянства с феодалами в условиях господства цензисты продолжали цепко удерживать его в рамках сеньории. Связи же французского крестьянства с государством уже к концу XIV в. обернутся для него главным образом резким усилением налогового гнета. Заметное улучшение экономического, социального и юридического статуса крестьянства приведет к тому, что словарь французского общества XV в. объединит горожан и крестьян одним термином «третье сословие» (*tiers etat*), хотя юридическо-правовое положение этих двух общественных сил останется неодинаковым²¹. Тем не менее к этому времени, т. е. к концу XIV и особенно в XV в., сословное оформление крестьянства, характеризующееся не столько юридическими правами, сколько ограничением или отсутствием таковых, выдвинет крестьянский воп-

рос на одно из первых мест не только в государственной политике, но в социально-политической борьбе и общественном мнении Франции.

Процесс становления класса феодалов, как отмечалось выше, завершился в общих чертах уже к XI в. Принадлежность к нему определялась в основном по рождению. Класс получил четко выраженное сословное деление на светских и духовных феодалов (*noblesse et clerge*). Наиболее организованным, как и повсюду, являлось сословие духовенства, располагавшее собственной церковной иерархией и дисциплиной, а также суммой привилегий, резко отделивших его от светского мира. Последнее обстоятельство вызывало активные выступления против него дворянства. В конфликтах этого рода уже в XIII в. имели место альянсы различных сословных групп — дворянства и горожан. Конфронтация духовенства и дворянства нашла отражение в структуре Генеральных штатов, где духовенство сформировало отдельную палату. Она была закреплена практикой государственного аппарата, в частности высшего судебного органа — Парламента, с характерной для него тенденцией к секуляризации его состава в XIII и XIV вв.

В среде феодалов к середине XIII в. заметно изживаются различия между шателенами — владельцами замков (*dominus, sir*) — и простыми рыцарями (*milites, chevaliers*), обязанными им службой. В этой постепенной эволюции дворянства знатный сеньор становится рыцарем, в то время как последний иногда приобретал отличия, присущие владельцам замков — шателенам. Тенденция к некоторой «демократизации» (по выражению Ж. Дюби) в среде дворянства возникала не без влияния процесса усиления центральной власти, который вел к сокращению местной автономии крупных сеньоров²². Институт рыцарства способствовал консолидации класса в целом и выработке классового самосознания, в том числе сознания монопольного обладания «благородством». В первой половине XIV в. насчитывалось 40—50 тыс. дворянских семейств (1—2% от численности всего населения)²³.

Экономические трудности феодалов в связи с развитием товарно-денежных отношений, с ростом дороговизны самой процедуры посвящения в рыцарство порождали новую прослойку — сыновей рыцарей, дворян по происхождению, но не получивших звания рыцарей (*domicel-lus, damoiseau* — на юге, *armiger, esuyer* — на севере).

Оттягивание этой процедуры было чревато потерей привилегий. Статусы Фрежюса, изданные в XIII в. графом Прованса, ликвидировали привилегии для сыновей и внуков рыцарей, если те до 30 лет не прошли процедуру посвящения. Несмотря на наличие различных прослоек, класс французских феодалов был более однородным, чем в Англии. Мы не можем выделить мелких и средних феодалов как особую сословную группу, отличающуюся своей привязанностью к экономической деятельности, от крупных сеньоров. Это обстоятельство имело важные последствия в социально-политической жизни общества, в частности отразилось на характере взаимоотношений дворянства с сословием горожан²⁴.

Обычно, характеризуя класс феодалов во Франции, исследователи отмечают, опять-таки в сравнении с Англией, его большую замкнутость в целом, даже в нижней границе, — специфика, связанная как с особенностями феодальной эволюции, так и с политикой центральной власти, препятствовавшей попыткам освободиться от налогов. Это не исключало, однако, несомненно имевших место фактов аноблирования и самой возможности ослабления (в определенные периоды) правовой границы между знатными и незнатными. Последнее явление наблюдалось, например, в связи с развитием в обществе товарно-денежных отношений. Эту прогрессивную для класса в целом тенденцию нарушает Столетняя война.

Уже на этапе сложившейся сословной монархии процессу аноблирования содействует рост государственного аппарата. С конца XIII в. становится обычной практика продажи должностей, вызывавшая протесты в Генеральных штатах, главным образом со стороны представителей привилегированных сословий. Постепенно оформляется право на дворянское звание по службе (пожизненное и наследственное в случае, если должность занималась в двух поколениях или была значительна). Позднее это приведет к выделению выходцев из горожан в сословную группу чиновного дворянства, предшественников дворянства мантии, которая не сольется с военным дворянством, сохранив свою исключительность.

Анализ социальной структуры дает основание отметить в числе особенностей становления французской сословной монархии известную соотнесенность, совпадение по времени и силе проявления начальных процессов усиления центральной власти, с одной стороны, и оформления и консолидации сословий — с другой (XII—

ХІІІ вв.). В дальнейшем некоторая замедленность в развитии этого процесса для сословий позволит центральной власти опередить их в своем усилении. Тем не менее сравнительно ранняя активность сословий обеспечит уравновешенные формы их взаимодействия с монархией во Франции.

Существенной особенностью социальной базы французской сословной монархии на начальном этапе являлась ее сравнительная узость, показателем которой служил, в частности, аристократический состав духовенства и особенно дворянства на ассамблеях ранних Генеральных штатов²⁵. Эта особенность была связана с отмеченной спецификой вассального права, которое ограничивало контакты монархии с классом феодалов.

В ХІІІ и особенно ХІV в. в реализации этой политики для королевской власти наметились благоприятные сдвиги благодаря практике фьеф-ренты, сложившейся под влиянием товарно-денежных отношений. Фьеф-рента изменила отношения внутри господствующего класса, которые перестали быть связанными непосредственно с землей, что облегчило для монархии задачу сплочения феодалов вокруг трона²⁶.

Процесс личного освобождения основного эксплуатируемого класса феодального общества в ХІІ—ХІІІ вв. также создавал возможности для установления связей с ним государства и тем самым превращения зависимого крестьянства в резерв монархии. Однако политический союз монархии с городским сословием продолжал сохранять исключительное значение в государственном развитии страны.

Отмеченная замедленность во Франции процесса консолидации сословий в общегосударственном масштабе была связана со спецификой централизации страны, начальным этапом которой явилось объединение по провинциям. Это обстоятельство наложило существенный отпечаток на активность сословий, принявшую заметные формы уже в конце ХІІІ — начале ХІV в. и послужившую фоном, на котором началась в 1302 г. история общегосударственного органа сословного представительства — Генеральных штатов. Сепаратизм провинций заметно проявил себя в период борьбы Филиппа IV с Бонифацием VIII, когда король оказался перед лицом оппозиции духовенства, части дворянства и городов. Впервые проявившаяся на собрании 1302 г. и затем на ассамблее 1303 г., где рассматривался вопрос о созыве

собора для осуждения папы как еретика, она нарастала по мере удаления от центра к областям, сохранившим большую самостоятельность, и обрела особенно четкие формы на юге страны. С особой силой сепаратизм сословий сказался в событиях 1314—1315 гг. Непосредственным поводом к оформлению оппозиционного движения послужило возобновление налога для похода во Фландрию, а точнее, то, что его продолжали собирать после бесславной военной кампании. Движение рисовалось потрясенному воображению современников как всеобщее и согласованное действие, в действительности оно было локализовано по провинциям. Это не исключало организованных его форм в виде провинциальных лиг, объединивших на какое-то время феодалов и горожан, а также попыток к установлению союза между некоторыми областями—Бургундии, Шампани, Вермандуа, Бовези, Понтье, Корби, Оссер, Тоннер, Артуа. В него, однако, не вошли Нормандия, Овернь и Лангедок, тоже бывшие участниками оппозиции. Индивидуальность провинций отразило разнообразие требований сословий и уступок со стороны короля, выраженных и подтвержденных в провинциальных хартиях, которые участники движения не смогли свести в одну общую. Однако тем общим, что объединяло хартии, были свидетельства в них о наличии локального суверенитета, ставшего преградой в попытках монархии реализовать высший суверенитет. Бароны Нормандии, например, требовали от короля доказательств необходимости экстраординарных налогов, с которыми они могли не согласиться, и напоминали ему, что будут свободны, выполнив обычные военные обязанности. Прелаты Лангедока отказывались от участия в войне лично или путем выкупа, который охотно взимал Филипп IV, нарушая церковный иммунитет. Дворяне Шампани выражали желание нести службу за свой счет только в границах графства. Особенно нетерпимы были бароны в тех случаях, когда король стремился обратиться через голову непосредственных сеньоров к арьер-вассалам и зависимым от феодалов людям и т. д. Любопытной подробностью движения провинциальных лиг явилась руководящая роль баронов в нем, оттеснивших мелкое и среднее дворянство, не обеспечивших себе самостоятельной позиции.

Активность сословий на провинциальном уровне отразила и практика провинциальных собраний в графствах Ажене, Керси, сенешальствах Тулузы, Каркассона,

Бокера. Характерно, что отзвук этих ассамблей, ставших нормой для Лангедока уже в XIII в., можно встретить в хартии этой провинции в 1315 г., где специальная статья ограничила действия короля по вывозу хлеба решением провинциальных штатов²⁷. Отмеченный провинциализм на этапе ранней сословной монархии сохранялся не только до конца XV в., но и много позже. Королевская власть, вынужденная считаться с этим обстоятельством, будет конституировать местное управление по образцу центра. Дублируя, в частности, парламенты по образцу парижского — в Тулузе, Гренобле, Бордо, Дижоне, Руане и Эксе, она стремилась сохранить при этом приоритет центра.

Весьма важной особенностью сословной структуры Франции являлась специфическая расстановка социальных сил, также определившаяся уже на этапе ранней сословной монархии. Социальная рознь двух привилегированных сословий с горожанами, имевшая глубокие корни в особенностях социально-экономического развития французского феодального общества и усугубленная крайними формами коммунального движения, делала возможным лишь кратковременный союз между ними.

Замедленная консолидация сословий на общегосударственном уровне, а также специфическая расстановка социальных сил определили относительную слабость ранних Генеральных штатов (организационную неформленность органа, отсутствие у него права регулярного представительства).

Появление в начале XIV в. общегосударственного органа сословного представительства завершало в общих чертах процесс складывания сословной монархии во Франции. Дальнейшее развитие этой формы государственности пришлось на XIV и XV в., т. е. на второй этап зрелой стадии феодализма. На этом этапе эволюция города и товарного производства, с которой был неразрывно связан расцвет феодализма, привела к сдвигам, заметно изменившим и осложнившим жизнь средневекового общества. Они трансформировали до известной степени отношения собственности, что нашло отражение в положении господствующего класса, а также в формах держаний и социально-юридическом статусе крестьянства. Они усилили гетерогенность классовой и сословной структуры общества, связанную с ростом имущественного и социального неравенства. Развитие наемного труда в городском ремесле и сельском хозяйстве уже в первой

половине XIV в. потребовало регламентации условий и оплаты труда работников. Оно было осуществлено с помощью правительства в специальном Рабочем законодательстве, хотя и произошло это в особой демографической ситуации, связанной с Черной смертью.

Обращает на себя внимание факт необычайно резкого обострения и усложнения классовой и социальной борьбы в XIV—XV вв. Разнообразие ее форм: городские и крестьянские движения, подчас переплетающиеся, их частота и массовый характер, двуединая направленность — антисеньориальная и антигосударственная, осложненность внутрисословными и внутриклассовыми противоречиями — все это придавало ей угрожающий оттенок и стимулировало в конечном счете, хотя и не без отклонений, объединение страны.

Отвлекаясь от событийной последовательной листики периода, не отметить сложный и не прямой ход исторического процесса на этом отрезке времени. Экономический и политический подъем страны, имевший место в XIII в., сменяется в XIV в. довольно глубоким и продолжительным хозяйственным упадком. Усугубленный Столетней войной, Черной смертью и феодальной анархией, этот упадок дал основание многим западным историкам ошибочно объявить XIV и XV века эпохой общего кризиса феодализма. В социально-экономическом плане этот упадок, однако, был вызван явлениями внутриформационного характера и свидетельствовал не о кризисе системы, а о ее дальнейшем развитии в условиях товарно-денежных отношений. Попытки к укрупнению производства, наблюдаемые в ремесле во второй половине XIV и особенно в XV в., предвзялая поздний феодализм, останутся тем не менее только попытками. К тому же они были связаны преимущественно с общественным разделением труда, в то время как решающим условием генезиса капитализма явилось усложнение орудий труда и изменение их природы.

Уже со второй половины XV в. в стране вновь наблюдается подъем, и Франция выходит из трудностей, окрепшая как централизованное государство. По мнению современников, не было в конце XV в. страны более объединенной, чем Франция. Этот ход развития красноречиво отразил жизнеспособность феодального общества, органическую часть которого составляла эволюция его политической организации.

ГЛАВА II. ГОСУДАРСТВО И СОСЛОВИЯ В ПРАВОВОЙ ПРАКТИКЕ ПАРИЖСКОГО ПАРЛАМЕНТА XIII—XV ВЕКОВ

Право в качестве одного из так называемых вторичных общественных явлений занимает, как известно, исключительное место в эпоху средневековья. Эта исключительность объясняется своеобразной ролью политического фактора в системе феодальных отношений и связанного с ней дуализма в эволюции господства и подчинения. В этих условиях право как основа суверенитета и норма юриспруденции, как выражение законов, регулирующих принуждение и свободу, имело решающее значение в политической атмосфере и жизни средневекового общества. Наряду с фьефом право юрисдикции приобрело ценность вотчинного имущества и способность существовать отдельно от него, когда фьеф находился в руках одного сеньора, а право юрисдикции в нем — в руках другого. Во Франции только обычное право провинций Анжу и Мэн исключало эту возможность¹.

Этап сословной монархии во Франции XIII—XV вв., когда центральная власть начинает заметно теснить локальный суверенитет, дополнительно активизировал действие правового фактора. Это явление было связано в первую очередь с процессом сословного оформления общества, который получал свое логическое завершение в юридическом оформлении социально-экономического статуса сословий, подтвержденном письменным договором.

Хартий, в письменном виде закрепляющие юридические права группы или сословия, не меняли природы обычая, но устанавливали условия, без которых кутюма не имела авторитета. Не случайно поэтому некоторые исследователи наиболее примечательным феноменом этой эпохи называют хартии свобод и привилегий — духовенства, дворянства, провинций, города, цеха, гиль-

дни, сельского сообщества или коммуны, — которые составили бесконечное разнообразие политической и юридической ситуации.

В представлении средневекового человека даже понятие «город» окажется связанным с наличием у населения не только укрепленных стен, рынка, хартии, но и юриста, способного отстоять прерогативы коллектива и личности².

Развитие права во Франции способствовало усложнению социальной структуры общества благодаря оформлению особой социальной прослойки чиновников-юристов, заполнивших растущий государственный аппарат. И хотя значительную их часть составляли выходцы из городского сословия, государственная служба, в том числе в судебных органах, и прежде всего в Парижском Парламенте, позволила им занять особое положение и даже аноблироваться. На Генеральных штатах 1484 г. современники посчитают возможным отрицать их принадлежность к третьему, т. е. податному, сословию, обязанному кормить и одевать остальную часть общества, поскольку, по их мнению, адвокаты и судейские не трудились вместе с крестьянами и ремесленниками и не платили налогов³. Дополнительным фактором юридической активности служила и практика сословного представительства, стимулировавшая не только развитие политико-правовых теорий, но и деятельность легистов на общегосударственной арене уже в качестве депутатов сословий. На собраниях 1302—1308 гг., открывших собой историю общегосударственного сословно-представительного режима во Франции, обращает на себя внимание наличие большого числа юристов в качестве депутатов городского сословия⁴. На собрании 1484 г., которое условно как бы замыкало собой этап сословной монархии, они составляли уже треть общего состава депутатов от трех сословий⁵.

Легисты олицетворяли организационные и идейные начала процесса государственной централизации и усиления монархии. Хотя один из известных средневековых юристов Жак Ревиньи назвал своих собратьев «рыцарями невооруженного воинства», они тем не менее владели оружием одновременно разрушительной и созидательной силы. Им являлось римское право. Опираясь на него, легисты сформулировали к середине XIV в. правовую доктрину политического могущества королевской власти. Суть ее составили следующие положения: признание.

высшей власти короля, которую он «держит только от Бога», и ее приравненность власти императора в своем государстве⁶; принцип неотчуждаемости и неизблемости прав короля⁷; несвязанность его законом, когда воля короля была противопоставлена всемогуществу кутюмы⁸, и даже тождество его желания с законом («что хочет король, — то хочет закон»⁹).

Особое внимание правовая мысль обращала на обоснование истинно публичного характера королевской власти, которая: в отличие от патримональной представляла интересы всех¹⁰.

Любопытно, что: в доктрине королевской власти среди трех ее исключительных прерогатив — права налога, права войны в желаемых границах (отсюда право иметь постоянное войско в XV в.). — названо право высшей судебной власти¹¹.

ИНФРАСТРУКТУРА КОРОЛЕВСКОГО СУДА. РОЛЬ ПАРИЖСКОГО ПАРЛАМЕНТА В РЕАЛИЗАЦИИ СУВЕРЕНИТЕТА КОРОЛЯ

Королевский суд составил инфраструктуру судопроизводства в стране, которая покрывала и теснила сеньориальную, церковную, городскую, провинциальную (типа Палаты шахматной доски Нормандии) юрисдикцию и была призвана реализовать теоретические построения легистов. Все нити этой инфраструктуры сходились в Парижском Парламенте, высшей судебной и апелляционной инстанции страны. Это положение он сохранял почти монопольно до второй половины XV в., с небольшим перерывом в 18 лет, когда в период королевской схизмы (1418 — 1436) в стране существовали два парламента — один в Париже под властью англо-бургиньонов, другой в Пуатье, верный дофину и затем Карлу VII. После победы в Столетней войне французская монархия смогла более гибко решить задачу территориальной централизации, и рядом, с Парижским Парламентом возникли парламенты провинций — Лангедока (с 1443 г.), Дофине (с 1453), Гиени (с 1462), Бургундии (с 1477). Однако до этого времени деятельность Парижского Парламента в качестве высшей судебной инстанции страны особенно важна для понимания вопроса о формировании публично-правовой основы королевской власти и ее усилении. Как институт, представляющий суверенитет короля в действии. Парижский Парламент был объявлен амана-

цией королевской власти; убийство его советников рассматривалось как *lese-majeste*, — преступление против королевского величества, так как при исполнении служебных функций они составляли как бы «часть тела короля»¹². Идентификация его с персоной короля явилась выражением его верховенства над всеми другими куриями, в том числе и королевского суда. Исключение составила юрисдикция Палаты счетов, добившейся автономии от Парламента и права прямого обращения к королю. С оформлением постоянной армии ряд вопросов, связанных с ее функционированием, стали объектом армейской юрисдикции.

Не сразу Парижский Парламент достиг такого положения. Подобно Палате счетов, Генеральным штатам и Королевскому Совету, Парламент выделился из королевской курии. Уже с конца XIII в. имеют место попытки монархии ввести регулярные судебные заседания каждые четыре месяца, пока еще в рамках феодальной курии¹³. Существенной вехой в формировании практики королевского суда были судебные реформы Людовика IX, запретившего судебную дуэль и установившего процедуру судебного расследования. Провозглашенное им право апелляции на любое судебное решение сеньориального суда или низших звеньев государственного судопроизводства сделало Парижский Парламент верховной судебной инстанцией.

С 1254 г. секретари судебной палаты начинают вести регистры Парламента, т. е. протокольную запись его расследований и судебных решений (*arrets*). Только за период с 1255 по 1262 г. при 3—4 заседаниях в год в регистрах было зафиксировано 611 актов. В целом исследователи выделяют от времени правления Людовика IX 1560 судебных решений, времени Филиппа Смелого — 1500 и Филиппа IV — 2150 — цифры, которые, можно думать,¹⁴ ниже действительного числа рассмотренных исков.

В 1278 г. Филипп Смелый издает первый ордонанс, специально посвященный проблемам внутренней организации Парламента. Он регламентировал правила для слушания дел областей обычного и письменного права и сроки их прохождения, порядок представления сторон, поведение свидетелей и адвокатов. Принципиальную структуру органа, его состав и периодичность определили 8 ордонансов Филиппа IV, особенно два из них — 1291 и 1303 гг.¹⁶ Парламент должен был заседать 1 раз

в год в условиях войны и 2 раза в год — на пасху и праздник всех святых — в мирное время. Он окончательно подразделился на 3 палаты. Собственно судебное разбирательство сосредоточилось в Палате расследований (Enquetes), которая готовила дела, поступающие в Парламент по апелляции, и в Палате ходатайств (Requetes), к компетенции которой относились дела, разбираемые в Парламенте как в первой инстанции. Третья, Большая палата (Grand' Chambre), будучи рудиментом феодальной королевской курии, не являлась рабочим органом в собственном смысле слова, располагая тем не менее правом окончательного решения судебных вопросов¹⁶. Она была открыта для всех вассалов короля, из которых по списку, утвержденному королем, 20—30 прелатов, принцев и баронов составляли неперенное ее ядро. Ее наличие в структуре Парламента служит примером того, насколько медленно изживала себя сеньориальная основа королевской власти. Уже с начала XIV в. шли отдельные заседания по уголовным делам, фиксированные в специальной серии регистров. Они проходили в башне Людовика IX — La Tournelle, которая дала название четвертой палате по криминальным делам, окончательно оформленной в 1453 г. ордонансом в Монтиль-ле-Тур.

Контуры института в общих чертах завершал ордонанс Филиппа VI от 11 марта 1345 г., называемый исследователями Хартией Парламента, который определил верхние лимиты его численного состава, а также правила внутреннего распорядка каждой из палат¹⁷. К середине XIV в. в парламентской среде, насчитывающей 100 человек, обозначились заметные социальные сдвиги, сказавшиеся на последующей истории этого учреждения. Рабочую часть Парламента представляли легисты, имеющие университетские дипломы. Численность этой профессиональной части парламентских кадров приобретает тенденцию к росту уже со времени Филиппа IV. Среди легистов были лица духовного и дворянского звания. Изучая списки участников заседаний разных лет (данные носят приближенный характер), можно отметить, что в работе Парламента при Людовике IX и Филиппе Смелом в общей сложности приняли участие 67 прелатов и духовных лиц, при первых Валуа — 100, при Карле V — примерно 300, Карле VI — около 500. Число только крупных феодалов со второй половины XIII до середины XV в. колебалось от 32 до 80 человек при общей числен-

ности состава Парламента в 100 членов. По спискам членов Парижского Парламента, опубликованным в работе Г. Дюкудрея, социальный состав легистов выглядит приблизительно следующим образом: при Людовике IX — 30 лиц духовного звания, 25 дворян; при Филиппе IV — соответственно 39 и 24; при сыновьях Филиппа IV — 32 и 75, что составляло примерно $\frac{1}{4}$ часть общего состава участников заседаний разных лет. Положение остальных не было обозначено, и можно думать, что ими были выходцы из горожан¹⁸.

Таким образом, уже в XIV в. наметился процесс вовлечения представителей господствующего класса в работу судебного ведомства. При этом на высших ступенях служебной иерархии возрастало число лиц дворянского звания. Вместе с тем имели место попытки количественного уравнивания светских и духовных лиц в составе судебного аппарата и даже сокращения общей численности последних главным образом за счет аббатов и приоров¹⁹. По сравнению с Англией в государственном аппарате Франции было больше выходцев из городского сословия, хотя за счет аноблирования это соотношение могло меняться — особенность, заметная в следующем, XV веке. Из известных нам 211 судей, адвокатов и прокуроров Лангедока в 1280 и 1320 гг. $\frac{3}{4}$ вышли из горожан, остальные были дворянского звания²⁰. При Карле V и Карле VI в списках Парижского Парламента разных лет в общей сложности упомянуты без обозначения их социального статуса 417 и 494 человека при общей численности в 600—650 членов. Можно думать, что эти цифры относятся к выходцам в основном из горожан. Подобное предположение согласуется с вышеприведенными данными по Лангедоку.

Уже в XIV в. определилось политическое могущество Парижского Парламента, что объяснялось исключительно ролью данного учреждения в реализации притязаний самого монарха. Юстиция служила главным средством и выражением собственно «правления» короля, облакающего в силу этого Парламент большим политическим авторитетом. По этой же причине учреждение смогло стать причастным к законодательной политике монархии, приобретя право ремонстрации. Последнее предполагало контроль за соответствием нового указа духу законов и обычаев страны и возможность «указания», т. е. политического демарша в случае его несоответствия. Существенную пользу для себя Парламент извлек из обще-

ственного движения середины XIV в. Будучи одним из главных объектов критики и решительных акций со стороны депутатов Генеральных штатов и участников движения, а затем восстания Этьена Марсея, он не только выстоял, но и укрепил свои позиции благодаря политике дофина, а позднее короля Карла V. При нем были изданы 9 ордонансов, касающихся процедуры Парламента и отразивших настоятельную необходимость превращения его в постоянно действующий орган. Учтя, в частности, критику Генеральных штатов, указавших на крайне медленное прохождение дел в Парламенте (иногда более 20 лет), в 1358 г. дофин санкционировал, чтобы в перерыве между двумя сессиями президенты завершали наиболее срочные дела. Окончательное решение этого вопроса относится уже к концу XIV в. В преамбулах своих ордонансов Карл V объявил Парижский Парламент представителем королевского величества, «зеркалом юстиции» для всего королевства, источником, опытом и мудростью которого должны руководствоваться все другие суды.

Серия королевских ордонансов конца XIV в. и особенно XV в. дарует исключительные права членам Парламента— освобождение от налогов, военной службы и т. д.²¹ Изменяется также порядок конституирования членов Парламента благодаря постепенному введению принципа избрания. С начала существования Парламента его члены назначались королем, причем каждый год список общего состава утверждался им вновь. Это создавало ощущение временности в отправлении должности и определяло зависимость органа от монарха. Со времени правления Карла V ставится вопрос об избрании президентов Парламента. Ордонанс 5 февраля 1389 г. оговаривал возможность выбора самого достойного в случае, если несколько человек претендуют на вакантную должность. Ордонанс 7 января 1401 г. санкционировал принцип выборности для советников и президентов Парламента. Выборы совершались членами Парламента, в присутствии канцлера, причем оговаривалось предпочтительное право дворянства и соблюдение представительства в составе учреждения по возможности всех областей страны, отличающихся разными обычаями. Авторы кабош-енского ордонанса в 1413 г. попытались поставить под контроль выборы, создав комиссию для проверки кандидатов в советники Парламента из членов Королевского

совета (4 человека), Большой палаты (4 человека), Палаты расследований (2 человека), Палаты прошений (2 человека), Палаты счетов (2 человека), а также еще двух представителей, избранных вышеназванными членами комиссии. Однако ордонанс этот был, как известно, отменен, и Парламент с начала XV в. рекрутирует себя в основном сам. Часто выборы сводились к назначению на должность решением короля из числа кандидатов, предложенных членами парламента. Весьма существенно при этом, что ни практика назначения на должность, ни даже введение принципа выборности не исключали возможность покупки должностей,— явление, квалифицированное обществом как бедствие уже в XV в. Но, как бы то ни было, с XV в. начинается новый этап более автономного существования парламентской корпорации, которое ставит ряд новых проблем.

Главные из них для XV в. связаны с социальной историей Франции. Несомненно, особую для этого века проблему составляли взаимоотношения центральной власти и Парламента, поскольку в это время между ними имели место довольно острые в ряде случаев противоречия. В данном случае, однако, важно оценить роль Парламента в укреплении центральной власти особенно с того момента, когда завершилось организационное оформление этого учреждения.

Анализ парламентских актов позволяет выделить несколько каналов судебной практики, по которым осуществлялась государственная политика по отношению к условиям. Наиболее важным из них являлась практика апелляций, которая хотя и не ликвидировала сеньориальной, церковной или городской юрисдикции, тем не менее лишала их прежнего авторитета. Не менее существенным был канал изъятия государством из компетенции неко-ролевского суда так называемых королевских дел, связанных с идеей королевской власти как хранительницы общественного порядка. Королевские чиновники избегали точно определять и классифицировать эти дела, употребляя расплывчатую формулу — «дела, относящиеся к королевскому суверенитету», и оставляя, таким образом, возможность ее расширительного толкования: преступления на больших дорогах, убийство, чеканка фальшивой монеты, оскорбление короля или его чиновников, вообще дела, квалифицированные как *lese-majeste*. Ордонансы, перечисляя их, никогда не ставят точку — «и все другие...»

Далее следует назвать практику *jus retenu*, т. е. «удержанной» королем юрисдикции. Она была связана не с характером дел, а с судопроизводством, и предполагала, что вся полнота власти принадлежит королю, любая же другая юрисдикция только переуступлена им.

В случае, если исполнитель плохо выполнял свой долг, король был вправе отозвать дело в Королевский Совет (право *evocation*). В этом случае дело рассматривалось экстраординарной комиссией.

Материалы работы Королевского Совета за **1484—1485** гг., опубликованные А. Бернье, содержат неоднократные указания на конфликты Парламента и монархии в связи с отзывом дел в Королевский Совет. Последний под давлением Парламента вынужден организовать, в частности, комиссии по проверке отозванных дел по случаю церковных бенефиций и государственных служб. Королевский Совет форсировал ситуацию, принуждая Парламент в присутствии короля как его президента согласиться с тем, что он захочет²².

Государство использовало систему перехвата дел (*la prevention*), которая допускала возможность для королевского суда в конкуренции с сеньориальным или любым другим судом решать тяжбу самому, если первым схватит преступника, используя для этого малейший юридический повод. Отсылка дела после этой акции обычно не допускалась. Таким образом, у сеньоров отнималось значительное число дел, например, все контракты, заверенные королевской печатью, ручательство со ссылкой на королевскую юрисдикцию и т. д.

Тесно примыкали к практике отзыва дел помилования, представляющие собой дар короля, не отвечавший никакому праву и даже противоречащий ему. Как выражение воли государя, считалось, что они не нарушали генеральный закон в целом. Парламент пытался контролировать достоверность писем помилования (форма, печать). Ни король, ни Парламент не могли при этом противостоять рассмотрению какой-либо уступки в качестве прецедента, формирующего правило. Примером могут служить многочисленные дела в Парламенте, связанные с правом жаловаться через прокурора (прокуратора). В результате появляются королевские ордонансы 1344 и 1386 гг., регламентирующие эту привилегию, т. е. превратившие милость в норму жизни.

Приведенный пример отразил способность судопроиз-

водства к правотворчеству, в связи с чем следует обратить внимание на такую особенность парламентской практики, как юридический прецедент. Именно он оказал прямое влияние на древнейший источник права — кутюму, которая являлась едва ли не главным препятствием на пути формирования общего права в стране.

Следует сразу сказать, что процесс государственной централизации и оформления сословной монархии, результаты которого отчетливо определились в стране к концу XIII в., оказал самое решительное воздействие на судьбы права — его источники, формы и особенности развития.

К обычаям-кутюмам и каноническому праву в качестве источников права в гражданском обществе добавляются государственное законодательство и римское право, рецепция которого в обществе была вызвана потребностями социально-экономического и политического развития.

Множественность юридических установлений, в основе которых в период феодальной раздробленности лежал местный, затем провинциальный обычай, все заметнее теснится и перекрывается государственным правом с выраженной тенденцией к его унификации.

В принципе сама юриспруденция не рассматривалась как источник юридических норм. Суд действовал по праву, т. е. в соответствии в первую очередь с обычаем и далее — с законодательством, римским или каноническим правом. Однако с усложнением государственной жизни и судебной практики число явных, безусловных обычаев не исчерпывало судебных казусов. В связи с этим возникает необходимость в доказательстве обычая.

К доказательству обычая начиная с XIV в. активно подключается наряду с судьей и защитник. Оба опираются при этом на повторяемость акта в течение длительного времени (ок. 40 лет) и показания свидетелей (*par turbe*). Кутюма, таким образом, получала юридическое освещение, а решение суда приобретало значение юридического прецедента. С конца XIV в. ссылки на некогда имевшие место юридические процессы перед Парижским Парламентом становятся обычным явлением. Прецедент в данном случае служил элементом, конституирующим право не сам по себе, но как условие для «проявления» обычая. Судебная практика при этом пыталась обойти формулу римского права, согласно которой судят «не примером, но законом».

Новое в жизни обычая вело к появлению нового типа судебных источников — судебных хроник, дневников практиков с подробными записями условий дела, выступлений сторон, аргументации защитника и заключительного постановления.

В одном из наиболее известных сборников такого типа, уже цитированном выше «*Questiones Johannis Galli*», принадлежащем перу королевского адвоката Жана Лекока, в 400 приведенных в нем судебных расследованиях содержится около 50 ссылок на юридический прецедент. Примеры, к которым апеллировали стороны, могли иметь противоположный исход. Суду, таким образом, давались широкие возможности выбора, который формировал юридическую традицию. В произведении Жана Лекока нашла отражение парламентская жизнь 1383—1397 гг., трудных для страны из-за последствий Столетней войны и междоусобицы герцогов Бургундского и Орлеанского. Поэтому содержащиеся в сборнике свидетельства жизнедеятельности централизованной традиции имеют особую ценность. На их основании можно судить о результативности процесса, о конструктивной роли права.

По данным этого источника, государственное судопроизводство к концу XIV в. действительно превратило население страны в подданных короля, контролируя все сферы сеньориального, церковного и городского суда. Парламент решал дела, возникшие в связи с интерпретацией статей коммунальной хартии (qu. 33, 40, 390) или с вопросом о налогообложении горожан для нужд обороны, как правило, не признавая при этом исключений (qu. 42, 146, 334, 352). Парламент менее требователен в отношении жителей пригорода, освобождая их от подобных обязанностей или лимитируя их (qu. 135, 352, 142). Многочисленны в Парламенте персональные тяжбы горожан по делам имущества, домов, обязательств и завещаний. Судебные дела города и горожан в Парламенте красноречиво свидетельствовали об ограничении городской автономии со стороны государства.

Сеньор по отношению к своим подсудным оказался связанным королевской протекцией, т. е. необходимостью решать конфликт в королевском суде, что не рассматривалось как нарушение права его собственной юрисдикции (qu. 126).

Еще. ордонансом 1287 г. сеньор был лишен права судить лично и принужден действовать через знающих пра-

во чиновников, при этом не церковного звания. Он остался покровителем своих подсудных, и за ним сохранилось право исполнения *police*, но под контролем королевской администрации. Так архиепископ Реймса в 1385 г. выговаривает себе право исполнить карательные санкции Парламента по делу некоего клирика Иоганна в связи с избиением им четырех жителей виллы, находящейся в юрисдикции архиепископа (qu. 44).

Парламент признавал иерархию сеньориального суда, в частности отличие от сеньориального обычного суда — трибуналов крупных феодалов (*Grands jours*) в Бретани, Бургундии, Пуатье, Анжере и т. д. Он запрещал игнорировать эту инстанцию перед апелляцией в Парламент (*ommiso medio*). Однако в ряде случаев и здесь могли быть исключения, как, например, в деле с герцогиней Орлеанской, которой было отказано в получении апелляции по делу о сервах, зависимых от капитула Тура²³. Вообще Парламент исходил из принципа, что сеньор не может быть судьей в собственном деле, если это не дело, связанное с земельным держанием и его правом сеньориальной собственности («*nouvelete*», qu. 49, 25, 109).

Наибольшие притеснения со стороны государства испытывала церковная юрисдикция. В ее конфликте со светской юрисдикцией относительно светского человека она уступала светской юрисдикции (qu. 321). В случае если преступление относилось к числу тяжких (нарушение права королевского покровительства, вооруженное сопротивление, просто ношение оружия), расследование его передавалось в Парламент, даже если виновник был клириком (qu. 3, 302, 357, 370). Женатый клирик использовал судебные привилегии, если носил тонзуру и соответствующую одежду, но Парламент присвоил себе право уточнения принадлежности к клерикальному сословию, находившееся до сих пор в компетенции церковного суда (qu. 378, 45).

Вообще Парламент покушался на дела, казалось бы, находящиеся исключительно в компетенции церкви, — примером может служить дело о двух женщинах, обвиненных в волшебстве, которые решением Парламента были сожжены, или дела об отступничестве. Королевская юстиция вмешивается в дела о предоставлении церковных бенефициев, отдавая предпочтение кандидату — дворянину по происхождению (qu. 249, 34).

Иными словами, Парламент формирует, не без участия такого выдающегося практика-правоведа, каким был

Жан Лекок, теорию двойного преступления: преступления общего характера, относящегося к ведению церковного суда, и преступления особо тяжелого, затрагивающего общественный порядок и относящегося к королевскому суду (qu. 34, 86, 284).

Парламент существенно ограничивает, судя по «*Questiones Johannis Galli*», принудительную силу епископской юрисдикции: в ее праве ареста, изгнания клирика в ссылку, а также вообще его преследования в светских и духовных делах. Аргументом служит утверждение об отсутствии у епископа светских средств принуждения для реализации своих решений, что на юридическом языке называлось «отсутствием территории». В этом плане представляет интерес дело 1392 г. между прево и епископом Парижа, занявшее у Лекока 23 страницы текста и связанное с арестом клирика Стефано де Боско людьми епископа в городском квартале Темплъ, находившемся в светской юрисдикции. Епископ утверждал, что имеет право на тюрьму в Париже, а его юрисдикция — «соседка» королевской юрисдикции и не подчинена ей. Прево после двух решительных попыток сумел вернуть клирика под свою власть, объясняя, что епископ не располагает необходимыми средствами для реализации процедуры (отсутствие у него тюрьмы в Париже) и что он (прево), таким образом, действовал во имя общего интереса и защиты прав короля (qu. 284).

У епископа было отнято право составлять инвентарь имущества умершего клирика, а также наследовать его выморочное имущество в силу аргумента, согласно которому тот терял свой статус после смерти (qu. 219).

Церковная курия почти не имела в своей компетенции «реальных» дел, т. е. дел по имущественным вопросам: светский суд разбирал даже тяжбы по возмещению убытков за имущество церквей и вопрос о спорных пребендах, который, по определению Парламента, относился к компетенции светского суда.

Долго дискутировалось сначала в Королевском совете в 1384 г., затем на 7 заседаниях Парламента в 1385 г. дело епископа Шалона против королевского прокурора и герцога Бургундии, по которому королевский суд решил, что епископ не может претендовать на дознание «реальных» (т. е. имущественных) дел. Жан Лекок, комментируя постановление, называет его знаменитым решением, которым следует восхищаться, но не удивляться, потому что другой исход побудил бы короля и светских сеньоров об-

ращаться в Рим по вопросу о рентах и фьефах и, следовательно, нанес бы им большой ущерб (qu. 47, 140, 193, 233, 301).

Весьма знаменательным следует признать дело 1338 г., в котором Парламент отказал герцогу Бургундскому действовать вместе с его сервами в земельном конфликте, возбужденном против них церковниками Реймса. Герцог претендовал на участие в деле, ссылаясь на свою заинтересованность в улучшении положения этих людей, ибо «их бедность уменьшала его талью» (qu. 162).

Исход этого конфликта показывает, что в XIV в. королевская власть уверенно заняла позицию посредника даже во взаимоотношениях между сеньорами и зависимым от них крестьянством.

Динамика дел в Парижском Парламенте за XIII—XIV вв. обнаруживает рост числа крестьянских конфликтов, касающихся статуса и интересов отдельных крестьян или сельского коллектива (использование альменды, ба-налитетные права, налоговые обязательства, земельные и долговые конфликты). Регистры Парламента примерно за 100 лет (середина XIII в.— начало XIV столетия) позволили нам выделить 250 актов, в которых крестьяне являлись активной действующей стороной (истцами и ответчиками), что составило $\frac{1}{12}$ часть общего числа дел²⁴. Со страниц Олимов перед нами предстают в этот период различные категории крестьян — лично свободные, обычно именуемые *homines* или *franci-homines*, госпиты (*hospites*), колоны (*libery*) и люди сервильного состояния — *homines de corpore*. По данным уже середины XIV в., только за 8 лет (1343—1350) число крестьянских дел составило 338²⁵. Обращает на себя внимание тот факт, что их участниками могли выступать и сервы, правда, чаще всего в качестве ответчиков. Таким образом, Парламент, формально подтверждая выработанный еще в XIII в. статус серва, согласно которому тот не мог начать судебную акцию или быть свидетелем без разрешения господина, в своей практике нарушал эту установку. Однако главными участниками конфликтов были свободные крестьяне — основная категория сельского населения в это время. Любопытно, что в XIV в. юридическая мысль, очевидно отражая потребности времени, пытается определить более полно и точно, чем это сделал в предшествующий век Ф. Бомануар, статус незнатного, но свободного человека²⁶.

Обращает на себя внимание незначительное для вто-

рой половины XIII и начала XIV в. число дел, участниками которых являлись крестьяне-одиночки (менее двух десятков от общего числа). Во всех остальных случаях действовали группы лиц, объединенных общностью статуса, «взаимным согласием», т. е. община, иногда обладающая правом сельской коммуны. Это обстоятельство является показателем существенных сдвигов, которые произошли в положении французского крестьянства в XIII в. и были связаны с коммутацией ренты, постепенным сокращением или ликвидацией барской запашки. Повышая экономическую значимость крестьянского хозяйства, ставшего в этих условиях основной производственной ячейкой в деревне, они повлекли за собой социальные изменения, характеризовавшиеся не только процессом личного освобождения крестьян, но также возрождением и активизацией общинных форм их жизни, к которым оказался причастным Парламент. С учетом значения такой реалии феодального общества, как община или корпорация (в данном случае сельской общины) в процессе определения его сословной структуры, вопрос о взаимоотношениях социальной организации крестьянства и государства в судебном ведомстве заслуживает специального рассмотрения.

Не менее существенна при этом оценка государственной политики по отношению к крестьянству. Если отношения монархии с городским сословием определились уже в период коммунального движения и в условиях сложившейся формы сословной монархии речь могла идти главным образом об укреплении и углублении союза с ним, то вопрос с крестьянством выглядит для этого времени гораздо сложнее. Французской монархии еще надо было включить его в орбиту своего влияния, добиться возможности использовать в качестве резерва своей политики.

Динамику взаимоотношений государства с крестьянством позволило восстановить сравнительное сопоставление судебных актов середины XIII — начала XIV в. и затем середины и второй половины XIV в. в упоминавшихся выше изданиях А. Беньо и А. Фуржео.

КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС В ПАРЛАМЕНТЕ. ПРОБЛЕМА СОСЛОВНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ КРЕСТЬЯНСТВА

Община-марка, выделив на раннефеодальном этапе из своей среды земельных собственников и встав по от-

ношению к ним в положение зависимости, на длительное время свернула формы своей коллективной жизни. Выступая как территориальная и производственная общность, в политико-юридической жизни община на раннем этапе феодализма покрывала собой крайнее разнообразие в положении крестьян, связанное с неодинаковыми условиями установления феодальной зависимости и характером повинностей. Внутреннюю общность крестьянства как класса в его производственных отношениях с феодалами организовывали индивидуальные, частные по преимуществу контакты. В подобных условиях механизм внеэкономического принуждения особенно эффективно вуалировал действительное единство крестьянства как класса мелких производителей, владеющих орудиями труда и безраздельно реализующих феодальную земельную собственность. Иными словами, община под властью феодала на том этапе не обеспечивала полного социального, а тем более юридического самоопределения крестьянской общности. Это не исключало ее проявлений в социальной жизни и прежде всего в борьбе против феодалов²⁷.

Ситуация изменилась в период развитого феодализма, когда отвоеванные крестьянами у феодалов коллективные экономические и политические свободы получили юридическое и конституционное оформление, наиболее ярким выражением которого явилась сельская коммуна. Отмеченная особенность лежала в русле общего развития общества, отличительным признаком которого в этот период служило сословное определение социальных групп. Конституционное закрепление общинной автономии в деревнях, как и в городах, в первую очередь было связано с личным освобождением крестьян.

В процессе сословного самоопределения крестьянства община могла приобрести относительно большую степень хозяйственной и административной самостоятельности, где правила коллективной дисциплины определяли устройство территории и ее эксплуатацию (использование альменды, контроль за мерой сеньориальных поборов и право самостоятельного сбора их с помощью выборных лиц, поборы на общественные нужды, в том числе на судебные тяжбы), а также автономию ее юридического и политического статуса -- право низшей юрисдикции, связанной с внутриобщинными конфликтами по вопросу о крестьянских держаниях, право коллективного юридического лица, в частности право иметь

коллективное доверенное лицо — прокуратора для взаимоотношений с внешним миром.

Приобретая фактическое право юридического лица, общины получают возможность обратиться непосредственно к королевской власти. Рамки замкнутого на вотчину сельского мира оказываются распахнутыми как для крестьян, так и для королевской власти, которая в свою очередь получает прямой доступ к зависимым от феодалов людям и возможность использовать их организацию в своих административных, военных и налоговых целях.

Судя по документам Парижского Парламента, процесс юридического оформления общинной автономии был довольно длительным. Возникновение конфликтных ситуаций в связи с этим втягивало высший судебный орган в развитие этого процесса.

Следует отметить, что Парламент очень четко различал юридический статус общины как поселения непривилегированного (*villarum non privilegiatarum*) или имеющего статус коммуны (*communia*). В последнем случае он рассматривал ее как «*villa legis*», «*villa regente se per legem*»²⁸. Принимая то или иное решение, Парламент тщательно сверяет претензии сторон с хартией²⁹. Ссылки на срок давности для обоснования своих притязаний, на «незапамятное время» или на естественно сложившийся обычай оказываются менее убедительными, чем письменный договор. В этих условиях хартия, закрепляющая права общин, становится объектом их особых забот, в частности забот о ее сохранности.

Положительный для крестьян исход спорного дела в Парламенте, особенно если при этом отсутствовала письменная хартия, создавал тот самый юридический прецедент, о котором шла речь выше и который формировал статус данного коллектива.

Особый интерес в этом плане представляет дело, разбиравшееся в Парламенте в 1301 г., когда аббатство св. Виктора (Парижский диоцез) и его приор из Брайо подали иск на своих госпитов из двух деревень Руиль и Шамисси, которые, по их утверждению, несправедливо и без причины присвоили себе право избирать должностных лиц для ведения судебных дел и охраны своих прав. В протоколе зафиксировано, что они также захватили в общинное пользование пастбища на болотах, охрану эталона мер для вина, контроль над мерой поборов, причитающихся религиозным лицам, и право само-

стоятельного сбора их. Эти многочисленные функции должны были выполнять несколько должностных лиц, избираемых сроком на 1 год, с помощью многостепенных выборов, когда их состав частично определяла вся община, частично сами избранные. Должностные лица должны были, совершенно в духе своего времени, причести клятву господину, что будут «честно и верно» выполнять возложенные на них общиной обязанности. Парламент принял решение в пользу крестьян, освободив их от обвинения церковников³⁰.

Опыт борьбы за коммуны госпитов нескольких деревень приорства монастыря св. Петра оказался менее успешным, хотя пособником их, по утверждению сеньоров места, являлся сам бальи Вермандуа. Он не только мешал им (приору и аббату монастыря) реализовать свои права на высшую и низшую юстицию, талью, барщину, выморочное имущество и т. д., но разрешил этим госпитам созывать собрания и избирать прокураторов³¹. Парламент, несмотря на позицию бальи, удовлетворяет иск церковников.

Одно из судебных разбирательств показывает, насколько глубоко в сознании крестьян укоренилась идея общности, их одержимость ею — одержимость, источником которой были естественные потребности крестьянской жизни. В протокольной записи от 1273 г. фиксируется, что группа крестьян, не имеющая юридического лица и квалифицированная как «сообщество бедных людей», в своем требовании от некоего сеньора права пользования водоемом прибегла к насильственным действиям против него. Суд препозита Монтис-Аргис осудил их на штраф, который он потребовал от каждого в отдельности под тем предлогом, что они не имели коммуны. Крестьяне же, обратившись в Парламент и ссылаясь на общее для всех них дело, общую акцию против сеньора, просили коллективной уплаты штрафа. Парламент идет на это, очевидно, руководствуясь соображениями о более справедливой раскладке штрафа в общине, бедность которой отмечена в протоколе. Но нельзя не обратить внимания на мотивировку решения, в которой Парламент, по существу, повторяет доводы крестьян — общая петиция, общий для всех факт, общий штраф, — тем самым признав их коллективом³².

Судя по имеющимся материалам, участие Парламента в коммунальном процессе очевидно не столько в случаях появления новых коммун, сколько подтверждения

и развития коммунального статуса. Последнее обстоятельство лишний раз обнаруживает ошибочность представлений об общине как искусственном образовании, созданном, в частности, деятельностью государства. Хотя и в случаях новообразований бесспорна инициатива самой общины, как бесспорен и объективный конфликт во взаимоотношениях феодального сеньора и крестьян.

Так, Парламент подтверждает принцип членства в коммуне, который обеспечивал соучастие общинников в использовании коммунальных прав, — наличие домовладения и собственности в вилле, поддерживает попытки коммун ввести внутренние поборы с ее членов, иногда вопреки их желанию предназначенные для общинных нужд — укрепления и безопасности виллы или ведения судебных дел в курии короля.

Через Парламент проходят дела, исход которых способствует формированию юстиции, установлению правопорядка и административного управления сельских общин. Некоторые из общин просят юрисдикции короля или расширения собственной юрисдикции в ущерб сеньориальной. Их просьбы не всегда удовлетворяются, но в ряде случаев исход дела оказывается благоприятным для них. Особое значение в самоопределении сельских общин имел институт прокураторов, предназначенный для защиты их прав и интересов прежде всего в судебных инстанциях.

Документы Парламента создают впечатление всеобщности этого института, который можно рассматривать в качестве своеобразного знака эпохи представительного режима. Прокураторы могли действовать в качестве уполномоченных от отдельных лиц — духовных и светских сеньоров, короля, представителей коллектива лиц — общины или коммуны, даже лиц сервильного состояния.

В одном из судебных разбирательств дворяне и народ из Сегйни в совместной просьбе по поводу королевского заповедника были представлены отдельными прокураторами³³.

Функции прокуратора рассматриваются как обязанность и служба, возложенная на них. Их полномочия должны подтверждаться грамотой, составленной по определенной форме, нарушение которой лишает ее юридической силы. В мандате, фиксирующем полномочия прокураторов, должны быть оговорены их имена³⁴.

Отсутствие указаний на наличие прокуратора не может служить основанием для того чтобы считать, что община не располагала таким лицом³⁵. Вместе с тем очевидно, что не всякая община имела такую возможность и что наличие прокуратора служит, таким образом, показателем степени свобод, которыми располагала данная агломерация.

Права иметь прокуратора общины добивались часто не сразу и в борьбе с сеньором. Не все из них самостоятельно избирали прокуратора, он мог назначаться феодалом.

Характеристику института прокураторов по материалам Парламента хотелось бы завершить анализом судебного разбирательства с людьми церковного прихода де Морето. В 1304 г. приор места добивается того, чтобы люди этого прихода подчинялись его мельничному бану. Однако в 1311 г. люди одной из деревень этого прихода заявили о том, что они не подчинятся судебному решению 1304 г., так как не участвовали в той судебной тяжбе. Представляет интерес мотивировка, которую выдвигает Парламент, отказываясь удовлетворить их иск: прокураторы, написано в решении, действовали в 1304 г. от имени всего прихода де Морето, поэтому люди нескольких деревень этого прихода, желающие поставить себя в особые условия, должны подчиниться судебному заключению о мельничном бане³⁶. Представительство прокураторов, таким образом, оказывается достаточным для Парламента основанием, чтобы связать всех членов коллектива общими обязательствами.

Дела по поводу статуса коммун, их административных и судебных притязаний можно рассматривать как показатель борьбы крестьян за политические права. Это обстоятельство в совокупности с самим фактом коллективных выступлений, несмотря на их локальный характер и легальную, судя по тем документам, которые были привлечены, форму, оценивается в советской историографии как показатели нового этапа в развитии классово-вой борьбы крестьянства и роста его сознательности и организованности. Само по себе коллективное обращение в королевский суд имело важное политическое значение, выводя крестьянство за пределы вотчины и определяя его место в общегосударственной жизни.

Процесс самоопределения крестьянских общин привел не к одинаковым результатам. Отнюдь не все общины добились права коммуны — с выборами долж-

ностных лиц и зарегистрированными в хартиях свободами, дающими право юридического лица. Чаще всего это были объединения, определяемые термином «коммунитас», с ограниченными правами, которые также могли быть зарегистрированы в хартиях, или, наконец, общины, в которых власть сеньора контролировалась обычаем и носила выраженные формы.

Любопытно отметить, что коммуны или коммунитас иногда объединяли жителей нескольких деревень и местечек. Хартии свобод при этом могли устанавливать определенную иерархию внутренних взаимоотношений. Например, коммуна Брюйер объединяла территорию, где кроме собственно поселения Брюйер, очевидно, административного центра, находились еще 5 местечек, люди которых по апелляции судились в ее курии³⁷.

В общем движении к созданию крестьянской общности четко определился в качестве ячейки экономической и социальной общности церковный приход, который также объединял обычно несколько деревень и местечек. Примером этому служит уже упомянутая выше тяжба людей прихода де Морето с приором этого места. Религиозные связи в этом случае должны были подкреплять и действительно подкрепляли социальное и экономическое единство. Усиление этого единства приведет к оформлению церковного совета с должностью церковного старосты, куда войдут представители крестьянства и функцией которого явится контроль за церковным имуществом (ремонт церкви, управление ее фондами, в том числе земельными, госпиталем, приютом для бедных, лепрозорием). Это обстоятельство породит частые конфликты общины с кюре, разбор которых по ордонансу 1385 г. будет подлежать ведению Парламента, а не епископа³⁸.

Борьба крестьян за политические права была теснейшим образом связана с борьбой за их экономические интересы. Социальное самоопределение крестьянских общин служило залогом и условием их экономического развития. Поэтому, хотя наиболее многочисленными в сравнении с тяжбами по так называемому политическому вопросу были иски по экономическим делам, их исход находится в прямой зависимости от юридического статуса коллектива. Судебные конфликты этого рода были связаны с сеньориальными поборами, выкупными платежами за свободу и десятиной³⁹, баналитетными правами, связывающими хозяйственную самостоятельность

крестьян⁴⁰, с поборами с продажи товаров и дорожными пошлинами⁴¹, с земельными исками и правом пользования общинными угодьями. Любопытно при этом изменение значимости и содержания того или иного конфликта по мере развития французского общества. Для второй половины XIII и начала XIV в. самой острой и общей для всех крестьян являлась все-таки проблема коллективной собственности на общинные угодья, на которой базировалась сама община.

Нами выделены 48 судебных тяжб сельских общин по данному поводу, т. е. обычаю использования лугов и леса в качестве пастбищ для выпаса скота — свиней, овец, коров, лошадей; леса — для рубки деревьев и сбора валежника с целью обогрева или строительства, сбора трав, плодов и охоты; водоемов — для рыбной ловли или строительства мельниц. Тяжущимися сторонами могли при этом выступать соседние деревни или общины. Однако подавляющее число случаев — это тяжбы общин с феодалами, светскими и духовными, или с королем.

В борьбе за общинные угодья в Парламенте решался вопрос о праве пользования (*jus utendi*), которое определялось термином «сэзина» (*saisina*) или о праве собственности (*proprietas*). По отношению к крестьянству оно понималось чаще всего как право пользования при сохранении верховной собственности на луга, лес и водоемы феодала (*salva jure proprietatis*). К концу XIII в. плата за пользование альмендой становится обычным явлением.

Анализ протоколов Парламента за указанный период подтверждает справедливость высказываемого в литературе мнения об обострении борьбы за общинные угодья и о том, что сложившаяся во французской деревне уже в конце XIII в. ситуация могла служить источником серьезных противоречий и классовой борьбы в середине XIV столетия. Анализ земельных исков позволяет утверждать, что вопрос о владельческих правах крестьян на пахотный надел, о правах на наследственное держание еще не приобрел в XIII — начале XIV в. той остроты, с какой он встанет перед ними в более позднее время, хотя факты имущественного расслоения крестьян, дробления мансов и углубления социальных противоречий в его среде являются общепризнанными в литературе для этого периода.

За вторую половину XIII — начало XIV в. выявлено

только одно дело по поводу залога земли. По судебным регистрам 40-х и 50-х годов XIV в. нами выделены примерно 40 земельных конфликтов. Они касались обмена, покупки и уступки земли, в том числе виноградников, нарушения права владения и аренды земли, ее заклада. Особую группу среди них составляют конфликты, связанные с продажей и перепродажей рент; с недоимками по их взиманию, выплате долгов и сюрценза, в частности по причине девальвации монеты и т. д.⁴²

Вместе с тем очевидно, что основная волна дел, вызванных возникновением коммун и коммунитас, к середине XIV в. прошла, хотя и встречаются судебные конфликты по поводу их утверждения. Чаше, однако, речь идет о расширении уже имеющихся прав — права иметь прокуратора, права контроля по церковным вопросам (отстранение священника и конфискация его права распоряжаться бенефицием, назначение мэтра лепрозория, где архидьякон был уличен в использовании подложных грамот)⁴³; а также о приобретении некоторых прав, как например, права собраний или права иметь рынок и место для общих заседаний; о вопросах территориального размежевания и имущественных приобретений общин⁴⁴. Знаком времени, очевидно, явились несколько конфликтов, которые отразили внутреннюю борьбу и раскол в коммунах, связанные с установлением и избранием консулов⁴⁵. Не менее показательными для данного периода были частые судебные иски, связанные с практикой самообложения жителей коммуны для обеспечения судебных издержек, которую Парламент активно поощрял. Эта практика вызывала сопротивление лиц, не причастных к судебному конфликту или принадлежащих к беднейшей части населения общины.

Приобретенный крестьянами опыт социальной жизни и активности сельских коммун в XIII — первой половине XIV в. проявит себя в ходе Столетней войны. Вопрос о роли народных масс в конечной военной победе Франции будет специально рассматриваться в главе, посвященной организации армии. Об активном использовании монархией крестьянских организаций в своих административных и финансовых целях пойдет речь в III главе работы.

Здесь только отметим, что контакты с внешним миром и в первую очередь с государством не только укрепляли крестьянскую общность, но и содействовали внутриорганизационному оформлению этой более аморфной,

чем городская корпорация, сельской ассоциации. Они усложняли и обогащали опыт ее действия в качестве коллективного лица, практику собраний и выработки решений с участием большинства жителей, фиксировали и закрепляли иерархию членов с выделением «наиболее достойной и здоровой части общинников»⁴⁶.

Суммируя вышеприведенный материал, можно сказать, что сельская община, объединяя мелких производителей деревни, обеспечивала крестьянству определенный опыт организованности и сознательности, необходимый для того, чтобы оно в противовес феодалам ощутило себя некой общностью.

В условиях успешного в целом развития процесса личного освобождения крестьян, активизация сельской общины содействовала нивелировке юридического статуса крестьянства, юридической гомогенности его как класса, основной фигурой которого стал крестьянин-цензитарий, обладавший правом наследственного держания. Этот процесс имел особое значение для французского крестьянства, ранее отличавшегося крайним разнообразием форм зависимости. Однако полной завершенности эта тенденция не получила: освобождение часто бывало неполным, статус свободного был легко обратим, например в случае сервилльного держания (в ряде районов страны, как известно, серваж не был изжит и в XIV—XV вв.). Следует также иметь в виду, что известное повышение и нивелировка социального и юридического статуса крестьянства, обнажив генеральную линию взаимодействия его с феодалами — поземельную, т. е. экономическую, зависимость, — не смогли предотвратить экономической и социальной дифференциации этого класса мелких производителей. Поэтому юридические и политические достижения в процессе сословного самоопределения крестьянства становились достоянием зажиточных элементов деревни. Среди качеств, которыми должен был обладать церковный староста, документы называют не только скромность, честность и предусмотрительность, но богатство и достоинство. С конца XIV в. в документах судебной практики все больше встречается индивидуальных актов, которые свидетельствуют не столько о свертывании общинных форм жизни, сколько о процессах внутреннего расслоения общины. Вероятно, не случайно меняется сама форма судебного коллективного иска. Составленный от имени всех жителей коммуны, он, как правило, перечисляет поименно несколько

лиц, очевидно, представляющих наиболее влиятельную часть общины. Объединительные тенденции, таким образом, были не единственной линией социального развития крестьянства, и в дальней его перспективе параллельно существующие индивидуальные, частнособственнические, разъединяющие крестьянство тенденции должны были взорвать эту общность.

Завершая рассмотрение вопроса о процессе сословного определения крестьян, необходимо отметить, что этот процесс был ограничен узколокальными рамками, хотя ученые находят свидетельства легальных проявлений сословной солидарности крестьянства в рамках более крупных территорий, в частности одного или нескольких графств. Такой акцией была, например, общая судебная тяжба деревень Шампани в 1365 г. В том же XIV веке сельские жители провинций Анжу, Мэн, Турень, наряду с дворянством и горожанами, принимают участие в переговорах с правительством. Аналогичная коллективная акция имела место в Бургундии. Особый случай политической активности крестьян произошел в шателлении Краон в 1386 г., когда крестьяне 30 приходов обратились в Парламент с протестом против решения трех сословий относительно субсидий в пользу Изабеллы, госпожи де Сюлли и Краон⁴⁷. Однако отмеченный масштаб консолидации крестьянства оказывается недостаточным для сословного определения угнетенного класса в рамках государства. Крестьянство не смогло преодолеть местной или в лучшем случае провинциальной ограниченности, показателем чего служит характер или степень его политического признания феодальным государством. Несмотря на заметное улучшение его социального и юридического статуса, крестьянство не смогло уравнивать себя с городским сословием. Добившись незначительной в конечном счете политической автономии, с правами в лучшем случае низшей администрации и юрисдикции, крестьянство не поднялось до положения действительно сословия, хотя и выполняло в обществе крайне важную функцию, связанную с реализацией главного средства производства — земли. Сословная неполноправность крестьянства отражала его положение основного эксплуатируемого класса в обществе. Последнее обстоятельство подтверждает определяющее значение классовой структуры в качестве основы сословного деления.

Наиболее ярким показателем сословной неполноправности крестьянства служит его отношение к сословному

представительству, которое в феодальном государстве являлось институциональным выражением сословной структуры общества. Свободные французские крестьяне за редким исключением не получили прямого доступа даже на провинциальные штаты, не говоря уже о Генеральных. В сословно-представительных органах крестьянство могло рассчитывать в лучшем случае на косвенную защиту своих интересов, главным образом через представительство горожан. Тем не менее представительство на Генеральных штатах в конце XV в. от общности, именуемой третьим сословием, отразит сдвиги в сословном оформлении класса крестьян.

Общегосударственное признание и возможность вступить в прямой диалог с правительством крестьянство получило в другом судебном органе — Парламенте, который сыграл, таким образом, особую роль в судьбе французского крестьянства. Нельзя не обратить внимание на ту особенность, что в вопросах коммунального статуса, администрации и юстиции общин, их альменд и сеньориальных поборов, согласно данным Олимов, примерно половина дел была решена Парламентом или в пользу крестьян, или с определенными уступками для них. Государство, и в частности королевская власть, в исследуемый период весьма активно и твердо выполняли роль арбитра во взаимоотношениях феодалов и крестьян. К такому важному каналу воздействия центральной власти на зависимых людей, каким являлся институт *advocatum* (*avoques*) короля, т. е. лиц, помещенных под его охрану, добавилась деятельность Парламента, в которой часто принимал личное участие сам король.

Отмечая известную благожелательность Парламента по отношению к крестьянству, которая отражает специфическую особенность государственной политики во Франции, следует тем не менее иметь в виду, что Парламент и сам король стремились не столько вводить новшества и ломать обычай, сколько, проявляя осторожность, руководствоваться обычаем (*non obstante usu contrario*). Парламент гарантировал право феодальной курии, если крестьяне в обход ее обращались прямо в королевский суд по делам, не относящимся к его компетенции в первой инстанции; он мог не поддержать королевских людей, один из которых поощрял стремление крестьянской общины к самоуправлению, а другой выступал на стороне крестьян против несправедливой тальи графа; он ограничивает число новых «присоединений»,

переход под королевскую юстицию и т. д. Подобные примеры можно было бы продолжить. Парламент особенно осторожен, когда в деле бывали затронуты интересы короля.

Тем не менее столь же несомненны частые случаи откровенной защиты крестьянских интересов. С укреплением государственности контроль королевской администрации усиливался, часто неся с собой благоприятный для крестьян исход дела. Следовательно, Парламент обеспечивал определенные гарантии судебной защиты и поощрял крестьянство обращаться к его помощи при соблюдении судебной процедуры. Все это давало основание крестьянству видеть в государстве и прежде всего в короле защитника их интересов, хранителя правопорядка и справедливости и нередко служило источником иллюзий о королевской власти. Материалы судебных протоколов объясняют в значительной мере тот монархизм, который так отчетливо проявил себя в бурных событиях истории Франции середины XIV в.

Однако «защитные» функции государства по отношению к крестьянству не снимали основного классового противоречия феодального общества. Более того, усилившаяся королевская власть в условиях централизации государства в известной мере усложнила обстановку, в которой реализовалось это противоречие. Судебные акты того же Парламента открывают нам важную особенность, определившуюся на этом этапе развития в жизни французской деревни.

Включение крестьянства во взаимоотношения с государством, сопровождая и в определенном смысле содействуя его утверждению в экономическом и социальном плане, было тем не менее связано с оформлением государственной налоговой политики. Подробный анализ этого процесса, в частности по парламентским актам, будет дан ниже. В данном контексте важно отметить, что налоговая политика уже к концу XIV в., а тем более в XV в. приобретает для французского крестьянства значение первостепенного фактора в процессе его раскрестьянивания и подчеркнет его положение как основного угнетенного класса.

Не менее убедительными свидетельствами классовой направленности парламентской политики являются те судебные тяжбы (21 по данным Олимов), объектом разбирательства которых являлись случаи насильственных коллективных акций крестьян против представителей

господствующего класса. Причиной конфликтов служили вопросы личной свободы крестьян, юрисдикции, притязания сеньоров на общинные угодья, печной и мельничный бан, многочисленные поборы. В большинстве случаев акции крестьян были направлены против церковных феодалов. Иногда конфликты глухо квалифицируются Парламентом как факты несправедливого отношения крестьян к своим сеньорам и их неповиновения (например, неявка в суд). В других случаях регистры четко фиксируют насильственные акции — нападение на дом и хозяйственные постройки феодала, разгром и поджоги их — с оскорблением членов семьи, ранением слуг и т. д.

Некоторые указания в документах позволяют говорить о том, что судебное разбирательство не всегда могло предотвратить более тяжелый конфликт, когда одна из сторон бралась за оружие. Так, например, аббат де Шеминон в 1306 г. через суд пытался осуществить свои притязания на мэнморт с жителей своей виллы вопреки их утверждению, что они издавна свободны. Вопрос был решен в пользу сеньора. Однако в том же году в октябре месяце Парламент разбирает уже дело о насилии и ущербе, которое нанесли этому аббату зависимые от него люди. Жертвой их акций стали и королевские чиновники, которые пытались воспрепятствовать преступлениям и несправедливостям крестьян, когда те подожгли виллу⁴⁸.

Обращает на себя внимание подчеркиваемый в протокольных записях факт участия в конфликтах большого числа крестьян, т. е. факт их коллективных действий. В конфликте, зафиксированном в парламентском акте 1343 г., крестьяне используют не только палки и пращи, но и арбалеты⁴⁹.

Не менее показательны также единодушно отмечаемые в судебных протоколах известные согласованность и организованность в действиях крестьян⁵⁰. В парламентских расследованиях, касающихся вооруженных столкновений крестьянства с феодалами, виновными всегда оказывались крестьяне, и Парламент применял по отношению к ним только карательные меры. Часто они сводились к назначению штрафов в пользу потерпевшего, а также потерпевшего и короля или его чиновников. Протокол одного из столкновений фиксирует арест нескольких зачинщиков, упоминая при этом более 20 человек⁵¹.

Таким образом, притязая на судебные права светских и церковных феодалов, королевский суд вместе с тем стоял на страже их классовых и сословных привилегий. Судебное ведомство четко соблюдало и формировало разделительную линию в статусе знатного привилегированного и податного населения, охраняя монополию класса феодалов на землю (затруднения в приобретении земли для незнатных), наследственность их статуса и сохранение его даже в случае несостоятельности, исключительность в праве быть рыцарем и иметь доступ к некоторым должностям, освобождение от налогов, достигнутое к середине XV в., особое персональное право по вопросам наследования, совершеннолетия, брака и т. д.

Не менее красноречивым показателем феодальной сущности Парламента служит его социальный состав. Частично затронутый при анализе нами процесса организационного оформления судебного ведомства, этот вопрос заслуживает специального рассмотрения, особенно в связи с некоторыми новыми тенденциями, которые определились в социальной и политической истории Парламента в XV в.

ПАРЛАМЕНТСКАЯ КОРПОРАЦИЯ. СОЦИАЛЬНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ

Выше отмечалось, что законодательная деятельность французской монархии на протяжении более чем столетнего периода (начиная с 1345 г.), положив конец ежегодному обновлению Парламента и внедрив принцип выборности или кооптации нового члена главным образом внутренним решением судебного ведомства, создала условия для стабилизации института и оформления парламентской среды в собственном смысле слова.

Социальная история Парламента конца XIV в. и особенно в XV в. в силу ряда особенностей, на наш взгляд, выходит за рамки истории только судебного ведомства, отражая общие закономерности в эволюции государственного аппарата сословной монархии и ее социальной базы.

Эти особенности, в частности, отодвигают на второй план, как некую данность, проблему рекрутирования состава Парламента за счет выходцев из горожан, столь существенную для предшествующего этапа государст-

венной истории. Теперь они оказываются связанными в значительной мере с последствиями этого явления.

В числе новых, имевших принципиальное значение тенденций следует назвать длительность карьеры и родственные связи, объединявшие членов Парламента, которые готовили общество к принятию в будущем принципа наследственности должностей. Любопытно, что современники видели злоупотребление не столько в факте длительного исполнения должности, практически становившейся пожизненной, сколько в том, что королевская юстиция превращалась в «дело семьи». Оба явления конституировали дух парламентской корпорации. Цифровые подсчеты Ф. Отран в ее лучшей из работ последнего десятилетия, посвященных «людям Парламента», свидетельствуют о быстром росте числа мест, занятых родственниками: в период с 1345 по 1355 г. — 32,4% мест, с 1405 по 1417 г. — 73,8, наконец, от одной трети советников Парламента — до 60% его членов в 1454 г. (общее число лиц, подвергнутых анализу, составило 678 человек)⁵². Практика рекрутирования всегда оставляла возможность для проникновения в Парламент новых элементов, но не более 30% от общего числа, хотя в годы государственной схизмы 1418—1436 гг. и отдельного существования парламентов в Париже и Пуатье этот процент существенно вырос. Любопытно, что по приведенным в работе подсчетам родственный элемент в среде светской части Парламента увеличивался более интенсивно, чем в среде духовенства: от общего числа родственников клирики составляли 59% в 1398 г., тогда как процент светских лиц вырос до 91 к 1413 г. В 1454 г. в родственных связях состояла 1/3 состава духовенства в Парламенте.

Вопрос о духовенстве в Парламенте XV в. имеет свои достаточно сложные аспекты, некоторые из них будут затронуты в этой главе. Что касается данных по социальному составу Парламента, то здесь главной проблемой является соотношение дворянства и выходцев из неблагородного сословия. Она усложнена для изучаемого периода оформлением прослойки «нового» дворянства или дворянства робы.

Особый интерес, на наш взгляд, представляют отмеченные Ф. Отран факты сокращения в составе Парламента представителей старинного дворянства (от 80% общего числа дворян в 1345 г. до $\frac{1}{2}$ в 1384 г. и $\frac{1}{3}$ к 1413 г.), с заменой их теми, кто получил дворянство по

службе или по милости короля; значительный в целом процент лиц неблагородного происхождения, главным образом из патрицианско-бюргерской верхушки города, так называемых нотаблей буржуа, а также факт рекрутирования новых членов Парламента (в частности, советников) в XV в. преимущественно из состава нового, а не старинного дворянства⁵³.

Социальная мобильность, связанная в первую очередь с судебным ведомством, прошла несколько этапов. Уже в период правления Филиппа IV признание авторитета и значимости легистов, адвокатов короля привело к появлению «сеньоров в законах», «шевалье короля» («seigneurs es lois», «chevalier du roi»).

На время с 1366 по 1388 г. приходится самое большое число лиц, аноблированных королевским пожалованием. Однако с конца XIV в. формируется статус парламентской группы, члены которой независимо от происхождения имеют титул «honorable homme et sage», «maitre», а сделавшие наиболее блестящую карьеру аноблируются по службе⁵⁴.

Во второй половине XV в. происходит новое повышение статуса членов Парламента и их сближение с дворянством. Советники и адвокаты Парламента стали рассматриваться в качестве дворян, точнее, приобрели «род дворянства». Это оказалось возможным благодаря государственной политике, которая даровала им привилегии, свойственные дворянству, что способствовало утверждению и развитию корпоративности судебного ведомства. Главными из них были фискальные привилегии. Освобождение от косвенных и прямых налогов в конце XIV в. шло постепенно, благодаря временным и частным уступкам в виде освобождения от отдельных видов налогов для некоторых членов Парламента — советников, нотариусов и секретарей. Освобождение от косвенных поборов с продажи продуктов собственного урожая для членов Парламента стимулировало вложение ими капитала в землю, что также способствовало сближению их с дворянством.

Следует иметь в виду, что люди Парламента часто компенсировали предоставленные им государством налоговые льготы при выплате городской тальи для внутренних нужд города, а также личными дарами королю, или безвозмездными займами. В качестве мотивов для освобождения от налогов в королевских ордонансах фигурировали указания на низкую заработную плату, большие

усилия и время, целиком отданное службе королю и обществу и даже на величие юстиции. В 1415 г. впервые при отказе Парламента платить талью на заседании Королевского совета упоминается слово «franchise» — свобода от нее для судебного ведомства.

Помимо фискальных льгот парламентская корпорация добивается других привилегий, приближающих ее членов к статусу дворянства, в частности в области семейного права, некоторые из положений которого для дворян обеспечивали преимущества при получении наследства вдовой или родителями умершего человека. Особого внимания, на наш взгляд, заслуживают попытки приравнять статус советника Парламента к дворянскому при решении спорного дела о получении апостолических бенефиций. Эти попытки были возможны благодаря королевской политике раздачи церковных пребенд членам государственного аппарата. Рост подобной практики раздачи бенефиций за службу должен был регулировать тенденцию предшествующего периода по сокращению числа лиц духовного звания в судебном аппарате.

Значение отмеченных явлений тем не менее не следует преувеличивать, поскольку приобретение собственно дворянского статуса требовало определенных условий и процедуры; дворянство по должности могло быть пожизненным или наследственным в зависимости от места в служебной иерархии. Во французском обществе ни в XV в., ни позже не произошло слияния наследственного дворянства и дворянства рабы. Ф. Отран, однако, в своей работе акцентирует главным образом факт роста социальной значимости членов Парламента, упуская из виду отмеченное обстоятельство. В то же время приведенный ею материал предостерегает от подобного преувеличения. По ее собственному свидетельству, судебная практика и парламентский язык отчетливо выделяли старинное дворянство — родовитое и наследственное (*de noble lignee, de noble generation, de noble lignee de par pere et de par mere, noble d'anciennete*), происходящее от военных служилых дворян, имеющее титул шевалье — рыцарский и т. д. Она, наконец, отмечает заметные трения между новым и старым дворянством в Парламенте. Изученные нами материалы свидетельствуют о не менее напряженных отношениях в Парламенте между дворянами и непривилегированными его членами. В Дневнике секретаря Парламента Николая де Бэ от 13 декабря 1410 г. сохранилась любопытная запись об

избрании 5 новых членов в Палату расследований, в том числе и Клемента де Фокемберга, который впоследствии сменит Николая де Бэ на посту секретаря Парламента и подобно ему оставит свой Дневник. Выборы происходили на вакантные места с большой задержкой из-за претензий дворян, жалующихся на отсутствие среди кандидатов лиц дворянского звания и ссылающихся на королевские ордонансы относительно преимущественных прав для себя в комплектовании состава Парламента. Николай де Бэ замечает, что избирателей, однако, волновала главным образом профессиональная подготовленность кандидатов, поэтому они действовали вопреки желанию дворянства⁵⁵. Это дает основание признать сомнительным утверждение Отран о том, что современники не видели эволюции дворянства в XV в., и в частности различия между сельским дворянином и адвокатом Парламента, живущим согласно дворянскому статусу. В действительности подвергнутые нами анализу королевское законодательство по налоговым вопросам и документы сословно-представительной практики выразительно фиксируют факты социальной мобильности и живую реакцию в связи с этим общественного мнения.

Нельзя также не обратить внимание на скромное, согласно ею же приведенным данным, число аноблированных в составе государственного аппарата и Парламента за период с 1345 по 1454 г. — 36 советников из 678 человек, которые заседали в Парламенте, или 36 членов Парламента из 1877 вообще аноблированных, т. е. менее 2%. К тому же число аноблированных, судя по одной из приведенных в работе таблиц, составляло меньшую часть общего дворянского состава за тот же период — 46 человек из 245⁵⁶.

Силу дворянства в структуре Парламента выразительно отражали действующие в нем феодальные связи. С одной стороны, Парламент, как отмечалось выше, ломал вассальные связи, пытаясь небезуспешно сделать все население подданными французского короля. Парламент назвал абсурдным довод архиепископа Реймского, протестовавшего в 1384 г. против судебного иска по отношению к нему видама церкви Реймса и адвоката Жана Канара, по той причине, что он являлся его вассалом⁵⁷. С другой стороны, столь же очевидны попытки принцев крови и крупных феодалов контролировать действия королевской администрации, создавая, в частности, в Парламенте свою клиентелу, — обстоятельство, с

которым не могла не считаться монархия. Правда, в этом случае связи носили характер не только или не столько вассальных, сколько договорных контрактных связей; Погодные цифровые подсчеты Ф. Отран за период с 1348 по 1454 г. определяют численность бургиньонов в Парламенте общей цифрой 134, ар-маньяков — 100. По ее свидетельству, при восстановлении единства Парламента в 1436 г. Карл VII по соглашению с Филиппом Добрым, герцогом Бургундским, оставил 12 мест для его ставленников.

Высокая в целом численность феодалов в составе Парламента, а также наличие внутри феодальной группы значительной прослойки представителей высшей церковной и светской иерархии, сильных своими политическими связями и влиянием, существенно уточняют наши представления о механизме феодальной государственности.

Социальный спектр деятельности Парламента, охватывающий все классы и сословия французского общества, был шире его социального состава. Объединив в себе социальные силы, власть которых реализовало феодальное государство (духовенство и дворянство — старое и новое) или которые приобрели политическое влияние на службе у этого государства (прослойка судебных лиц, выходцев из горожан), Парламент отразил по линии судебного ведомства сложность и противоречивость процесса формирования социальной базы сословной монархии.

Сложившаяся в XV в. благодаря усилиям монархии автономия парламентской корпорации в свою очередь усложняла этот процесс. Помимо отмеченных выше привилегий, которыми располагал Парламент, следует сказать и о трех решениях общего характера, облегчавших для него возможность политических притязаний. Это был ордонанс 14 мая 1419 г., который обусловил действие некоторых писем-патентов, полученных в предшествующие годы, их регистрацией в Парламенте и который послужил формальным основанием для права ремонстрации. Два других ордонанса санкционировали исполнение «вооруженной рукой» постановлений Парламента (30 января 1466 г.) и несменяемость службы и магистратов (21 октября 1467 г.)⁵⁸. Однако редкие политические притязания Парламента в XV в. в конечном счете способствовали государственным интересам. Примером может служить отказ Парижского Парламента зарегистри-

ровать эдикт об отмене Прагматической санкции как противоречащий интересам Франции. Любопытно, что Людовик XI не настаивал на изменении позиции Парламента, очевидно, руководствуясь сложными политическими расчетами. Аналогичный характер носил отказ зарегистрировать договор, закончивший войну Лиги общественного блага, как бесчестный для Франции, с чем внутренне не мог, очевидно, не согласиться король. Договор был зарегистрирован после специального приказа короля. «Глазом и оком» короля показал себя Парламент в событиях 1484—1485 гг., когда в период малолетства Карла VIII первый принц крови герцог Орлеанский хотел использовать судебный орган в борьбе за власть против старшей сестры короля Анны Боже. Отказав герцогу в возможности выступить с ремонстрацией и тем самым не приняв участия в политической распре, Парламент сослался на отсутствие у него прав действовать без приказа короля. Позже он выразил готовность выступить против первого принца крови, если получит соответствующий приказ короля. Из этого ряда политических акций Парламента выпадает его отказ признать дофина Карла в качестве регента в наиболее острый для судеб Франции период Столетней войны и феодальной усобицы. Правда, некоторые исследователи ставят под сомнение его постановление об осуждении дофина в преступлении против королевского величества⁵⁹. Тем не менее Парламент дал клятву верности регенту Бедфорду и Генриху VI. Однако вряд ли стоит связывать с автономией корпорации или с ее политическими притязаниями действия, продиктованные объективными трудностями. Скорее их можно рассматривать как свидетельства преобладающего влияния партии бургиньонов в составе Парламента.

РОЛЬ КОРОЛЕВСКОГО СУДА В ФОРМИРОВАНИИ ОБЩЕГОСУДАРСТВЕННОГО ПРАВА

Прослеживаемое по источникам значительное расширение сферы королевской юрисдикции отразило конструктивную роль Парламента в процессе централизации страны. Существенную сторону этого процесса составила тенденция к унификации права. Парижский Парламент формулировал новые нормы на основе государственного законодательства и ревизовал с помощью того же законодательства, римского права и судебного прецедента

уже сложившиеся кутюмы, стремясь их генерализовать. В его регистрах можно часто встретить в качестве аргумента к принятому решению, отвергающему местный обычай, ссылку на «генеральный обычай». Парламент уничтожил некоторые дурные обычаи: в Вермандуа, например, — обычай под угрозой штрафа не поднимать без разрешения сеньора перевернувшуюся на дороге повозку; в Турени — обычай отсечения руки за воровство хлеба или курицы в доме сеньора; в Каркассоне — обычай, согласно которому лишалась наследства дочь, праздновавшая свадьбу после смерти родителей, и т. д.⁶⁰

Однако процесс унификации права развивался медленно и неоднозначно. Судебная практика исходила из факта признания обычая в качестве древнейшего источника права. Следует при этом учесть, что уже к XIII в. появились первые редакции кутюмов таких провинций, как Шампань, Бургундия, Нормандия, Анжу, Амьен, Бовези и др. Обычай нельзя было просто отменить — нужно было доказать его несостоятельность. В этой связи не стоит преувеличивать и роль римского права в развитии судопроизводства в стране, т. е. практики права. Генеральный адвокат XVII в. Ламуаньон, выражая мнение определенного направления в среде французских юристов, утверждал, что римское право являлось общим правом для всей Франции. Он ссылаясь при этом на одно из нашумевших в конце XIV в. дел, упоминаемое Жаном Лекоком (дело Дени Мишо), в котором тот в длинном тексте действительно не привел ни одного аргумента из ордонансов или кутюм, ссылаясь исключительно на авторитет Дигест, Кодекса Юстиниана, Новелл и т. д. (qu. 341).

Подобное мнение, однако, было сильным преувеличением. Несомненно, римское право глубоко проникло в обычное право южных областей Франции и обрело в них характер закона, хотя и там не смогло целиком вытеснить обычное право и варварский элемент в нем. Что касается севера страны, то оно действовало только как писанный разум (*ratio scripta*), но не как закон (*jus scripta*). Регулируя лишь некоторые разделы судопроизводства, как, например, дела по (контрактам и обязательствам, римское право в остальных случаях осторожно внедрялось в обычай, модифицируя его посредством интерпретации, а не радикальной ломки.

Действия правительства подтверждали жизнеспособность обычаев. Карл VII ордонансом 1453 г. предложил

организовать письменную редакцию кутюм с их последующим утверждением в Парламенте. Людовик XI, по утверждению Ф. де Коммина, высказывал уже идею унификации обычаев, желая иметь в стране одну кутю—му, одну меру, один вес. Но Карл VIII в 1497 г. действовал в русле начинаний Карла VII, предложив создать комиссию, которая опять-таки должна была собрать и издать местные кутюмы.

Людовик XII уточнит организационные формы этой работы, распорядившись об участии в ней трех сословий, в частности через провинциальные штаты, но основные результаты этих попыток приходится на начало и особенно вторую половину XVI в. В итоге отбора было выправлено около 300 кутюм, из которых 60 являлись провинциальными. Все они были письменно зафиксированы и получили характер закона, уже подтвержденного королем.

Крупные юристы XVI и XVII в., такие, как Дюму—лен, Кокиль, Ламуаньон, вынужденные признавать в своей теоретической и практической деятельности в области государственного права наличие местных и провинциальных обычаев, стремились выделить и подчеркнуть в них общее. Однако, когда в начале XVII в. королевский адвокат и советник Парламента Антуан Луа—зель сделал попытку слияния кутюм, его труд остался только предварительным проектом общего кодекса.

Подводя итоги, можно сказать, что право и юрисдикция, реализуемые в Парижском Парламенте в XIII—XV вв., сыграли исключительную роль в процессе централизации общества и складывания новой формы феодальной государственности. Правовая практика Парламента способствовала не просто усилению королевской власти, хотя сама по себе эта роль судебного ведомства, которое помогло французской монархии выйти окрепшей из тяжелых для нее потрясений XIV—XV вв., приобрела особое значение. Деятельность Парламента вместе с тем формировала публично-правовую природу королевского суверенитета в его наиболее существенной сфере проявления—сфере юстиции. В качестве важнейшего органа, в котором реализовались взаимоотношения монархии с сословиями и классами в области их имущественных, земельных, политических, юридических и социальных прав, в своей судебной деятельности и кадровом составе, Парламент не только отразил происходившие в обществе социальные сдвиги,

но также способствовал им: ломке вассальных связей и перестройке внутри господствующего класса, часть которого оказалась вовлеченной в работу судебного аппарата, формированию чиновного дворянства и расширению таким образом в целом социальной базы французской монархии. Парламент сыграл особую роль в сословном определении класса крестьян.

Сложившаяся в связи с развитием королевской юрисдикции парламентская общность отразила сущностную черту социальной структуры средневекового общества — корпоративность, — выработав общий статус членов Парламента, определивший, таким образом, статус каждого из них. Вместе с тем эта общность не смогла преодолеть внутренних противоречий, которые в данном случае носили выраженный межсословный и классовый характер.

Приведенный в главе материал дал любопытные, на наш взгляд, примеры соотношения права и действительности, в котором имелась их прямая и обратная зависимость, а также их расхождение. В процессе общественного развития Франции XIV—XV вв. эту триаду связей отличала внутренняя неразрывность. Поэтому потребности процесса государственной централизации часто трудно отделить от попыток их реализации в области права и правовой практики, а формулы правовых притязаний не менее часто существенно опережали объективную реальность, хотя последнее слово всегда оставалось за ней. Примером может служить победа наследственного начала над избирательным в вопросе о престолонаследии французских монархов.

Практика предварительного избрания старшего сына в качестве наследника престола при живом отце в условиях непрерывной мужской линии дома Капетингов в течение 3,5 столетий (987—1328 гг.) привела к тому, что самый факт приобрел значение права. Французские короли уже в XIII в. отказываются от предварительного избрания старшего сына, однако действительно признанной нормой наследственный принцип стал не сразу. Еще в XIV и XV вв. велись споры относительно того, следует ли считать королем наследника, если тот не был коронован. Современники, особенно правоведы, сомневались, например, являлся ли королем родившийся в 1316 г. после смерти отца и проживший только 8 дней принц Жан, который не был коронован. Известную сложность порождала неопределенность вопроса о

возможности коронования до совершеннолетия. Парижский Парламент в 1489 г., желая устранить ситуацию, при которой возникало как бы междоусобие или регентство без короля, подтвердил немедленное коронование наследника до его совершеннолетия и до реального управления страной. Когда в начале XVII в. Луа—зель, используя принцип старинного французского права о прямом немедленном наследовании (принцип «мертвый хватает живого»), запишет максимум: «Король не умирает никогда», или «Король мертв — да здравствует король!», — то за этой формулой будет стоять реальная мощь центральной власти, составной частью которой являлась не только королевская юрисдикция, но финансы и армия⁶¹.

ГЛАВА III. НАЛОГОВАЯ ПОЛИТИКА ФРАНЦУЗСКОЙ СОСЛОВНОЙ МОНАРХИИ И ОФОРМЛЕНИЕ НАЛОГОВОЙ СИСТЕМЫ В XIV—XV ВЕКАХ

Королевский адвокат Жан Лекок, отстаивая идею политического могущества монарха, сформулировал положение об исключительном и монопольном праве короля взимать налог (субсидии) со всех жителей королевства без чьего бы то ни было согласия и независимо от того, являются ли жители его прямыми или непрямыми подданными. Однако в столь категоричной форме и для того времени утверждение Лекока отражало скорее притязания центральной власти, нежели ее реальные возможности. В своей практике ей приходилось считаться с распространенным в общественном мнении XIV и даже XV в. правилом, согласно которому государь должен был существовать на «свое», т. е. на (ресурсы домена).

Усложнявшаяся в процессе централизации страны структура государственного управления, потребности внутренней и внешней политики уже с конца XIII в. и особенно в XIV в. обнаружили недостаточность домашних, или, как их называли, ординарных доходов, побуждая короля обратиться к кошелькам подданных всего королевства. В то время всякий побор, сверх положенного обычая, в том числе вассальным правом, рассматривался как экстраординарный побор, в необходимости или целесообразности которого следовало убедить общественные силы, располагавшие денежными средствами. Тем не менее финансовая проблема была решена в пользу монархии к середине XV в. созданием системы постоянных налогов, подразделявшихся на косвенные налоги эд и габель на продажу товаров и соли (*aides et gabelle*) и прямой налог — талью (*taille*).

Право короля на налоговое обложение в XV в. не выглядело столь безусловно, как этого хотели защитники его суверенитета. Налоги сохранили свое название экстраординарных, но были тем не менее признаны самостоятельной частью доходов государства, организованных «по королевскому распоряжению».

Оформление системы постоянных налогов было важнейшей составляющей длительного и сложного процесса становления и развития сословной монархии во Франции. Оно отразило, в частности, в материальной и потому наиболее выразительной форме изменения в природе королевской власти, постепенно обретавшей публично-правовой характер, что основывалось на выполнении ею функций гаранта общественного порядка. Вместе с тем именно налоговая система, отвечая на два наиболее существенных для понимания ее природы вопроса—кто платит и куда идут аккумулируемые государством доходы,—также убедительно обнажала истинное содержание формул об общественном благе и общей пользе, которые уже с XIII в. предлагала политическая мысль и которые так охотно использовала монархия в своей налоговой политике.

Попытаемся провести социальный анализ налоговой политики французской сословной (монархии и ее результатов, какими явилась система постоянных налогов, сформировавшаяся к середине XV в. Следует сразу признать, что решение даже отдельных задач этой большой темы представляет значительные трудности. Они вызваны в первую очередь спецификой документальной базы. Неоднократные пожары (в 1737 и 1776 гг.) в зданиях, где формировался архив Палаты счетов, а также превратности революции, в ходе которой пергамент, в том числе финансовых документов, использовался для нужд артиллерии, уничтожили большую часть центрального финансового архива Франции. К этому следует добавить сознательное стремление монархии скрыть состояние финансов, а также плохо организованный финансовый контроль и отчетность администрации². Очевидно, велики были и потери местных архивов, в частности в герцогстве Бургундия, где в 1464 г. были сожжены все бумаги, относящиеся к косвенным налогам эд.

Судя по имеющимся в литературе данным, для XIV и XV вв. оказывается невозможным более или менее сплошной анализ состава доходов и расходов француз-

ской короны в отличие от XVII в., историю государственного бюджета которого сохранили таблицы финансовой отчетности первого помощника генерального контролера Ж. Р. Малле³. Недоступны и наиболее ценные, по нашему мнению, для понимания характера налоговой политики списки налогоплательщиков в сельских приходах финансовых округов, а также регистры судебных трибуналов по налоговым конфликтам (так называемые *les memoiaux*). Они или утеряны навсегда, или еще ждут своего издателя и исследователя. Отсутствуют по изучаемому периоду также архивные материалы в отечественных библиотеках и хранилищах.

Немногочисленные публикации документов, в частности счета королевской казны (в том числе и от домена), налоговые регистры (прежде всего городские), дают в целом неполную и фрагментарную историю финансов XIV—XV вв., особенно если учесть крайнее разнообразие самой системы налогообложения в стране. Среди опубликованных источников следует особо выделить королевские законы. Этот цельный материал позволяет узнать не только о налоговой политике как таковой, но и о составных ее элементах. Эти материалы дополняет упомянутая выше подборка финансовой документации в издании Г. Жакетона. Часть ее публикуется впервые и представляет особую ценность, как, например, *Vestige des finances* — руководство по финансовой деятельности, трактаты или докладные записки о состоянии финансов.

Характер имеющихся в нашем распоряжении источников и литературы побудил автора поставить два основных вопроса: о природе государственных налогов и социальной направленности государственной налоговой политики во Франции XIV—XV вв.

МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ НАЛОГОВ. ЭТАПЫ ФИНАНСОВОЙ ПОЛИТИКИ

Решение вопроса о природе государственных налогов, которое даже в специальной литературе, посвященной налогам, обычно сводится к общему соображению о «феодальной» или «сеньориальной» их основе, мы хотели бы начать с попытки соотнести два различных источника доходов монархии — государственные (экстраординарные) и домениальные доходы. Особенности конституирования последних могут до известной

степени объяснить условия возникновения и механизм формирования государственных налогов.

Систематизация данных о домениальных или сеньориальных традиционных доходах короля, исторически предшествовавших государственным налогам и приведенных в трактате по финансам середины XV в.⁴, позволяет выделить доходы, как прямо, так и опосредованно связанные с земельной собственностью. К первой группе можно отнести рентные платежи — цензы, а также право *lotz et vente* — платежи за наследство и продажу цензив, связанные с особенностями реализации феодальной собственности в условиях мелкого производства; доходы от эксплуатации леса и природных богатств как проявление права монополии на землю; поборы при продаже фьефов и перемене собственника — *reliefz, quintz et requintz*; оплата процедур вассальной присяги — *fois et hommage*; поступления от конфискованных земель и четыре случая денежной помощи вассала сеньору — т. е. права, которые определялись иерархической структурой земельной собственности.

Вторую группу доходов составляли судебные штрафы, баналитетные права на мельницу и печи, доходы от эксплуатации мостов, дорог и крепостей, поступления от патроната над батардами (право *batardise*) и евреями (наследование выморочного имущества, брачный побор). Их трудно, точнее невозможно отделить от экономической основы. Самый факт материального обладания основным средством производства — землей — феодал должен был реализовать с помощью политической власти. Поэтому экономическое основание в конституировании поборов, например, с ремесла, торговых и ярмарочных пошлин, где земля есть только условие для занятия ремеслом и торговлей, дополняется защитными функциями сеньора, в данном случае государя, действовавшего как власть, обеспечивающая «мир», т. е. порядок, безопасное и «справное состояние дорог и мостов. В двух из четырех случаев денежной помощи вассала сеньору он должен был оплатить предприятие, связанное с общественными нуждами — расходами по участию в крестовом походе или по выкупу сеньора из плена в случае войны, которая могла вестись в целях общей безопасности. Следовательно, уже часть сеньориальных доходов шла на общественные нужды. Значительный интерес с этой точки зрения представляет высказывание известного легиста XIII в. Бомануара о

талъе — поборе, связанном с личностью зависимого человека (талъя произвольная или — после личного освобождения крестьян — фиксированная, *taille abonnee*), которое содержит указание на ее общественное предназначение: «...для покрытия их общих расходов», «со-размерно доходу каждого». Крестьяне «наряду с чиншем и оброком платят известную сумму денег под видом талъи, которая в Бовези существует как фиксированная талъя, по соглашению⁵. Более того, по мере усиления власти монарха растет число домениальных ресурсов, связанных с публично-правовой стороной его власти, расширяется сфера их воздействия. Это и сборы за утверждение хартий всех коммун королевства, специальные взносы в казну короля за личное освобождение или аноблирование, за покупку земли лицами неблагородного происхождения (ротюрье) или церковными корпорациями (право *franc-fiefs* и *amortissement*), поборы с батардов и евреев в масштабах всего королевства, взносы за оформление нотариальных актов, прошений и официальных бумаг, за использование печати канцелярии и суда и пр.

Дальнейший рост доходов монархии был связан главным образом с углублением и развитием публично-правового характера королевской власти. Этот процесс сопровождался «введением нового вида поборов — налогов в собственном смысле слова — как за счет трансформации некоторых домениальных повинностей, так и путем образования новых источников поборов. И тогда публично-правовая сторона приобрела исключительное значение, заслонив собой материальную, земельную основу и придав ей в значительной мере символический характер. Однако этот процесс был настолько сложным и постепенным, что в XIV—XV вв. государственные налоги рядились еще в сеньориальные покровы феодальной службы.

Составные элементы процесса; исключительная роль в нем арьер-бана и выкупа военной повинности. Исследователи истории финансов французской монархии часто начинают ее со времени правления Филиппа Красивого, что в известном смысле не лишено основания. Оно было ознаменовано не только количественным ростом государственных поборов, но и качественно новыми шагами монархии в этом направлении.

Политика Филиппа IV обозначила все составные элементы и особенности процесса формирования нало-

говой системы⁶. Процесс отличался крайним разнообразием форм государственного обложения, отразившим нужду монархии в дополнительных ресурсах в условиях войны во Фландрии и Гиени, активной внутренней политики, роста аппарата государственного управления и одновременно с ним роста хищений со стороны королевских чиновников. Для осуществления этой политики монарх шел на прямой или завуалированный грабеж в виде повторяющихся изгнаний евреев, сопровождавшихся конфискацией имущества, взысканием причитающихся им долгов и последующих поборов за право возвращения и проживания в королевстве; конфискацию имущества и особенно сознательного изменения курса или тяжести (т. е. содержания ценного металла) монеты. Давая казне быстрый и не требующий усилий по сбору денег выигрыш, эта мера была разорительна для населения, вызывая рост цен и спекуляцию на рынках, расстройство ремесла и торговли, подрыв военной и государственной организации, так как заработная плата чиновникам и армии выплачивалась неполноценной монетой⁷. Не случайно параллельно ордонам об изменении монет правительство пыталось регулировать размер заработной платы и цены на продукты. Также не случайно начиная с 40-х годов XIV в. в Парламенте растет число исков, связанных с беспорядком в выплате феодальных платежей, недоимок по конституированным рентам, превращенным в капитал, и постоянным рентам, в платежах по продаже и покупке продовольственных товаров, продаже и выплате долгов. Несмотря на попытки монархии в XIV и XV вв. упорядочить монетную систему, она так и не смогла отказаться от этой скрытой и эффективной формы налоговых изъятий. Беспрецедентной в этом смысле явилась акция 1420 г. Ассамблея этого года не только санкционировала позорный для Франции договор в Труа, лишивший будущего Карла VII короны, но и приняла решение о генеральном поборе (суть его сводилась к выкупу серебряной монеты стоимостью 7 ливров за марку серебра с последующей ее перчеканкой уже по 8 ливров за марку), причем никто не был освобожден от него — ни привилегированные сословия, ни корпорация университетов. Эта операция интересна не только размером материального выигрыша монархии, но и ее легальным характером.

Раньше подобные действия предпринимались лично

королем. Общественное мнение рассматривало «порчу денег» как злоупотребление, <и часто сословия на представительных ассамблеях санкционировали введение налога только при условии сохранения «доброй монеты». На этот раз монетная перечеканка имела характер открытой государственной налоговой операции.

Со времени правления Филиппа IV взимается церковная десятина в пользу государства, в нарушение постановлений церковных соборов 1172 и 1215 гг., предусматривающих добровольный характер поборов с духовенства и согласие на них папы⁸.

В многочисленных и потому кажущихся беспорядочными поборах монархии XIV—XV вв. тем не менее зримо просматриваются две конструктивные для процесса оформления системы государственных налогов линии развития — практика арьер-бана и выкупа военной службы. Поборы в виде феодально-сеньориальной помощи проводились под предлогом общественной необходимости, стали обычными для всего населения. Хотя обычай разрешал военную помощь только как службу прямых вассалов, а денежный побор или военную помощь только с ротюрье собственного домена, монархия использует право арьер-бана, т. е. право короля в случае военной необходимости обращаться ко всем вассалам и жителям королевства. Отдельные робкие попытки обложить данью были известны уже в XII и XIII вв.⁹ Так, в 1188—1189 и затем в 1191 г. Филипп II Август взял диму Саладина, которая составила 1/10 часть движимого и недвижимого имущества, со всех, кто не принял участия в крестовом походе. В 70—80-х годах XIII в. известный юрист Дюран, епископ Менга, в своем произведении *Speculum Juris* писал, что хотя люди баронов не есть люди короля, они находятся под его властью и тот имеет над ними высшую власть и юрисдикцию.

В те же годы Бомануар писал о праве короля в случае войны делать новые установления для пользы общества, в частности осуществить всеобщий призыв к военной службе¹⁰.

По парламентским искам 70—90-х годов XIII в. можно сделать вывод о всеобщности военной службы или выкупа за нее, которую требует король не только от феодалов и городов, но и от крестьян, не находящихся в прямой зависимости от него. Ссылки крестьян на освобождение их от талии собственным сеньором не при-

нимаются Парламентом — «non obstante carta predicta, ad exercitum tenebantur domino Regi»¹¹.

Уже в это (время требование служить и помогать королю даже в случае, если оно не (соответствовало местному обычаю, объявляется «главным всеобщим обычаем»¹². Изредка Парламент санкционирует освобождение людей от этой повинности, но оно выглядит как милость со стороны короля, является защитой от посягательств сеньоров или города, пытавшихся переложить на крестьян собственные обязанности.

Требование всеобщей военной помощи или ее выкупа, появившееся в правление Филиппа IV, получило развитие в ходе Столетней войны, поскольку для этого был удобный, естественный предлог. И хотя идея всеобщности налоговых обязанностей будет к середине XV в. в конечном счете подчинена классовому принципу, сами попытки, часто успешные, ее реализации в течение всего предшествующего периода окажут решающее воздействие на оформление именно системы государственных постоянных налогов. Знаменательной с этой точки зрения вехой явилось общественное движение середины XIV в. и (восстание Этьена Марселя, когда инициативу применения всеобщего налогового обложения взяло на себя не правительство, но общественные силы страны, в первую очередь городское сословие. Следует тем не менее иметь в виду, что отмеченная «всеобщность» носила характер некой исключительности. В реализации поборов присутствовал ярко выраженный договорный характер взаимоотношений монархии с группами феодалов, духовенства и городами¹³. Проявлением этой исключительности служила определившаяся также со времени Филиппа IV институциональная возможность сословий через Генеральные и особенно провинциальные штаты контролировать общественную необходимость и форму побора. Война активизировала деятельность этих органов. Частота созыва собраний, договоренность депутатов с королем о сроках новой встречи, казалось, способствовали утверждению принципа регулярности, столь важного для формирования сословно-представительного режима. Правительство не отказывалось признать экстраординарность испрашиваемых субсидий, подтверждая свое обязательство взимать их только с согласия сословий — «que les rois ne leveraient aucuns deniers extra ordinaires sur le peuple sens l'octroi et gre des trois etats...». Эта оговор-

ка была дежурной, но не формальной фразой в документах ассамблей середины и второй половины XIV в., как и идея временности налога.

Апогеем политической активности сословий были собрания 50-х годов XIV в., когда на короткое время сословия сумели реализовать контроль не только за установлением, но и за сбором и расходованием налога с помощью специальных лиц, делегированных депутатами сословий — по 3 от каждого (9 суперинтендантов)¹⁴.

В качестве составного элемента процесса утверждения государственных поборов необходимо, наконец, выделить определившуюся с конца XIII в. и традиционную для последующей социально-политической истории взаимосвязь государственных налогов и антиналоговых восстаний. Иногда последние соединялись с крупным общественным движением, в котором принимали участие привилегированные сословия, желавшие использовать в своих целях социальный протест широких народных масс (городские движения конца XIII и начала XIV в., движение провинциальных лиг 1314—1315 гг., общественные волнения середины — второй половины XIV и начала XV в.).

Что касается собственно налогов, то государство рано начинает взимать прямые и косвенные налоги. Их форма неопределенна, размеры варьируют; вначале они не сосуществуют, но сменяют друг друга, тем более что имеют временный характер.

Косвенные налоги, начиная с Филиппа IV, представляли собой побор с продаваемых товаров в 1, 6, 8—9 и даже 12 денье с ливра, который брался иногда и с продавца, и с покупателя. Особую статью составляли таможенные сборы, которые формировали монополию на экспорт¹⁵. Начиная с 1315 г. правительство делает первые шаги к установлению государственной монополии на производство и продажу соли. Согласно актам от 10 марта 1341 г. и 20 марта 1343 г., соль должна была храниться на королевских складах, а при продаже ее брался налог в 1/5 цены в пользу короля (габель)¹⁶. Этот налог, введенный как временная мера (и не по всей стране), стал с конца XIV в., по существу, постоянным и наиболее тяжелым из косвенных налогов.

Прямые налоги прошли более сложный путь развития и имели следующие формы: поборы с имущества в

1/100, 1/50 или 1/25 его стоимости или суммы дохода. Правительство соединяло имущественный побор (чаще всего в виде выкупа военной повинности) с поочаговым сбором (fouage) применительно к ротюрье — горожанам и людям, подсудным сеньору и платящим талью¹⁷.

Сословия иногда сопротивлялись косвенным поборам, предпочитая им прямые налоги. Так, в 1356—1357 гг. они попытались ввести подоходно-пропорциональный налог, объявив нижней границей его 5 ливров дохода (с 10 ливров дохода—10%, с 40 ливров — 5, со 100 ливров — 4, с 1000 ливров—1%). В правление Карла V прямые и косвенные налоги начинают сосуществовать.

Прямой налог в виде поочажного сбора крестьяне обычно платили в меньшей квоте, нежели горожане¹⁸. Однако, прежде чем практика двойного налога стала нормой, обществу пришлось пережить период крупных городских восстаний 70—80-х годов (в южных городах, восстания гарель в Руане, майотенов в Париже и сложное по социальному составу движение тюшенов), подавление которых и ликвидация, в частности, городских вольностей позволили правительству сделать следующий значительный шаг к созданию системы постоянных налогов¹⁹.

Начиная с конца 80-х годов XIV в. монархия вводит талью как главную форму прямого налога. Фуаж, предполагавший фиксированный побор с очага, одинаково не устраивал как налогоплательщиков, так и монархию. Монархию — потому что при такой форме налога она не могла знать, какая сумма поступит в казну, а также потому, что значительная часть доходов при этом ускользала от побора. Фуаж был глубоко несправедливым налогом и для налогоплательщиков, несмотря на применяемый при раскладке принцип «сильный несет слабого». Попытки учесть имущественные возможности очагов на практике оборачивались переложением основных налоговых тягот на средние слои города и деревни и освобождением от них не столько неимущих, сколько зажиточных элементов²⁰. Талья как налог «распределения» вобрала в себя поочажный принцип сбора, добавив к нему исходно фиксированную генеральную сумму налога. Последняя и распределялась затем, спускаясь по провинциям, округам и приходам к налогоплательщикам. Подобная практика, естествен-

но, требовала «обратной связи», т. е. осуществленной и отраженной в кадастрах оценки имущества. Однако эта сторона финансовой организации, как уже отмечалось, была весьма несовершенной.

В конце XIV и начале XV в. монархия облекала сбор талы в традиционные формы феодальной помощи—на брак королевы Изабеллы (1396), для помощи христианам и объединение церкви (1397), на военные экспедиции (1387, 1388, 1402, 1404, 1405, 1406, 1411, 1412). Принципиальная разница между налоговыми платежами непривилегированного и зависимого населения и военными обязательствами феодальных вассалов станет более очевидной позднее, в 30—50-е годы XV в., на которые приходится завершающая в общих чертах стадия в оформлении налоговой системы. В оценке этой стадии представляется необходимым уточнить и конкретизировать широко декларируемое в литературе мнение о введении Карлом VII постоянных налогов.

Налоговая реформа 1439 г. Вопрос о соотношении королевской и сеньориальной талы. Новый этап, который открывается налоговой акцией Карла VII, зафиксированной в ордонансе 1439 г. и одобренной ассамблеей Генеральных штатов, побуждает прежде всего поставить вопрос о том, что следует понимать под постоянным налогом.

Если иметь в виду принцип «необходимости» в качестве основания для налога, отстаиваемый сословиями, то он по-прежнему и даже более, чем когда-либо, мог быть использован и использовался центральной властью на том этапе Столетней войны, который переживала Франция. Проблема воцарения Карла VII соединилась с вопросом о самом существовании Франции в качестве самостоятельного государства. Взятие Бордо 19 октября 1453 г., по существу, не закончило войну. Высадка Эдуарда IV 6 июля 1475 г. в Кале была началом нового конфликта, который закончился перемирием на 7 лет.

При всей ординарности экстренных поборов, к которым, казалось, привыкло общество, в практике их взимания в XIV и XV вв. были интервалы. Ярким примером может служить принятое 16 сентября 1380 г. на смертном одре, как часто пишут историки, решение Карла V об уничтожении налогового сбора фуаж «с целью облегчить положение народа»²¹. Этот экстренный налог был отменен не из-за чувства «жалости и сострадания

к народу», которым мотивировалось решение, а в связи с перемирием в ходе Столетней войны, которое делало налоговые сборы как бы делом противозаконным, и, главное, в связи с народными волнениями в городах и сельских областях, которые начались уже в 70-х годах XIV в.

Под давлением общественного мнения, которое расширительно толковало ордонанс Карла V как решение об отмене всех налогов, правительство двумя ордонансами (январским и мартовским 1381 г.) подтвердило отмену всех поборов. Однако на практике оно продолжало осуществлять взимание налогов, действуя на местах через провинциальные собрания²².

21 января 1383 г. восстанавливаются эд и габель. Не рискуя восстановить фуаж, правительство тем не менее увеличивает сборы косвенных налогов, За ливр продаваемого товара берется налог в 12 денье (5%); побор с вина, продаваемого в розницу, вырос до 1/8 цены; габель составляла от 12 до 20 франков за мюид соли*. В 1385—1386 гг. габель поднимается до 40 франков за мюид. 23 мая 1388 г. правительство восстанавливает фуаж. Рост налогов был причиной того яростного и массового взрыва, который имел место в 80-е годы.

Практически традиционным было и обращение монархии к сословиям на уровне Генеральных, провинциальных или местных штатов, хотя эта традиционность не привела к оформлению институциональной регулярности общегосударственного органа²³. Однако и реализация принципа регулярности не отменила бы самого факта «постоянства» налога, причины которого лежали вне институциональной истории, уходя в глубь изменений в социальной жизни Франции. Для понимания изучаемого вопроса следует, по нашему мнению, выделить два наиболее существенных момента.

Необходимо, во-первых, сказать о соотношении королевской и сеньориальной тальи. Уже первые попытки центральной власти установить государственные налоги создали эту проблему. В 1190 г. Филипп-Август, объявив десятину Саладина перед отъездом для участия в крестовом походе, запретил в его отсутствие сеньорам и церковным лицам взимать талью в свою пользу. Любопытно, что церковь тогда, заинтересованная в крестовом походе, поддерживала светскую власть и поощря-

* В ряде областей Франции мюид равнялся 15 3/4 гектолитра.

ла неизбежное при этом вмешательство короля во взаимоотношения сеньоров с зависимым крестьянством и попытки их регулировать, дабы сеньоры не перегружали крестьян²⁴. В ордонансе 1302 г. Филипп IV запрещает взимать денежную помощь с зависимого населения в момент, когда он объявит бан и арьер-бан, так как нельзя вынести то и другое.

Представляют интерес случаи столкновения государственных и сеньориальных общественных поборов, которые дают материалы Парламента по XIII—XIV вв. Судебное разбирательство в нем обеспечивало королю возможность вмешательства во внутривотчинные и сеньориально-городские взаимоотношения. Иск, поданный крестьянами или горожанами на своего сеньора, часто был предлогом для того, чтобы государство решало вопрос, нужно ли им платить талью или ренту в пользу сеньора. Были часты случаи, когда Парламент решал дело в пользу зависимых людей, приняв их ссылки на имеющиеся хартии привилегий.

Любопытны случаи, когда церковные сеньоры стремились переложить причитающиеся им платежи по королевской талье на своих сервов, удваивая ее. Парламент предлагает не отягощать крестьян, оговаривая для них возможность повторного обращения в суд, если решение не будет выполнено²⁵.

Выше отмечалась причастность Парламента к оформлению права крестьянских общин на самообложение, главным образом в связи с судебными издержками. Парламент при этом санкционировал вмешательство чиновников с целью предотвращения ими возможного сопротивления сеньоров и прямого принуждения «упрямых» общинников, которые, очевидно, не хотели и не могли нести дополнительные тяготы²⁶. Следовательно, государство постепенно оказывалось регулятором всех местных платежей, предназначенных на общественные нужды. Оно было непреклонно в тех случаях, когда речь шла об уплате королевской тальи, не принимая никаких ссылок на привилегии, полученные от местной власти, и тесня сеньора в его общественно-политических функциях и связанных с ними поборах. В XIV и особенно в XV в. королевские чиновники уже руководствуются идеей о монопольном праве короля на талью. Прокурор в январе 1412 г. объявляет, что король может взимать талью и эд в своем королевстве как император, для его защиты, тогда как ни один

сеньор не может этого сделать без разрешения короля. Монархия закрепляет эту практику законодательной акцией. Именно в связи с созывом штатов 1439 г. монархия, желая обеспечить нормальное поступление государственных налогов в казну, законодательно запрещает сеньорам препятствовать взиманию королевской тальи и ограничивает своим согласием традиционное сеньориальное право на талью с зависимых крестьян²⁷. Она использует при этом многочисленные жалобы, высказанные «а ассамблее в связи с злоупотреблениями сеньоров в период феодальной анархии, которые умножили таможенные сборы, парализовавшие коммерцию, а также взимали талью наряду с тальей короля, захватывали или увеличивали последнюю в свою пользу. Законодательная акция монархии 1439 г. не ввела монополию на талью, но тем не менее отразила существенный сдвиг в соотношении сеньориальной и королевской тальи и тем самым в формировании государственного налога. В середине XV в. решительность налоговых чиновников уже диктуется правилами практического руководства, зафиксированными в учебнике по финансовой деятельности и отразившими изменения в соотношении сил²⁸.

Таким образом, в 30—50-е годы XV в. монархия действительно одерживает верх над сеньориальным суверенитетом, установив преимущественное право государственного налога, хотя эту победу ей приходится отстаивать в условиях более или менее ожесточенного сопротивления феодалов (восстание феодалов Прагерия в 1441—1442 гг.). Монархии придется неоднократно повторять указания с целью предотвратить посягательства сеньоров на денье короля.

Вторым и, пожалуй, более убедительным свидетельством решительного поворота монархии к проведению твердой налоговой политики в середине XV в. были военные реформы. Именно они способствовали созданию постоянной армии и сделали реальным постоянный налог.

Вассальная служба или выкуп ее стал лишь незначительной частью военных занятий и обязанностей населения. Основной их формой явилась оплачиваемая государством регулярная служба в королевской армии. И если реализация этой службы осталась в главной своей части делом служилого дворянства, то содержание ее пришлось оплачивать исключительно непривиле-

тированному зависимому населению. Введение постоянной армии, таким образом, способствовало утверждению не только публично-правовой основы государственных поборов, но и их классовой природы. Из ордонансов постепенно исчезает распространенная ранее идея «всеобщности» военной службы или выкупа ее «всеми, кто не носит оружия». Ее вытесняет идея исключений из налога. При этом формула «те, кто носит оружие» начинает наполняться новым содержанием, потеряв прежнее значение буквального участия в военных действиях. Достаточным основанием для того, чтобы не платить налог, является теперь принадлежность и к родовитому дворянству, и просто к дворянству, которое живет «noblement», занимается не ремеслом купца, но «ремеслом оружия»²⁹. Феодалы становятся, таким образом, своеобразным военным резервом государства и поэтому освобождаются от налогов.

Отмеченные изменения в государственной налоговой системе не устранили крайнего разнообразия в формах и способах взимания налогов. Косвенные и прямые налоги, например, не только сочетались, но взаимозаменились в налоговой практике. Косвенный налог мог заменяться выкупным, фиксированным по договоренности с государством, платежом (так называемый эквивалент), который осуществляла провинция или город.

С частым изменением тарифа и разным режимом для областей взималась габель. Области, где легко добывалась соль, использовали более легкий режим (Сентонж, Пуату, Лангедок, Бретань, Фландрия, Артуа). Режим для габели, который можно было бы назвать общим, распространялся на Нормандию и центральные и восточные провинции Лангедойля, т. е. половину королевства. Здесь на каждый мюид соли фиксировалось право ее продажи через склады или гренье короля.

В Лангедоке фиксировалось право не на продажу соли, а ее доставку в гренье. В западных провинциях Пуату и Сентонж платилась 1/4 или 1/5 цены от каждой продажи. Несколько областей Лангедойля — Лионне, Форэ и Бомон — подчинялись режиму Лангедока и позднее были в провинциях малой габели. Соляной режим для Бургундии был установлен только ордонансом 15 сентября 1474 г.³⁰

Отсутствовало единообразие и в способе взимания тальи. В XV в на севере при ее распределении учитывалось число очагов (персональная ответственность

главы семьи). На юге талью стали распределять по земле, что сделало ее «реальной». В том и другом случае при определении общей суммы пытались учесть реальное число очагов и возможности очагов или земли. Все эти уже ставшие обычными налоги и теперь иногда соединялись и дополнялись чисто феодальными платежами: штаты Лангедока 1426 г. (1425 г.?) санкционировали талью в 250 000 ливров и выделили 12 000 ливров на «удовольствия короля». Последняя сумма являлась чисто феодальным побором в связи с восшествием на престол (*de joyeux avenement*). Генеральные штаты 1484 г. в Туре, по существу, дали требуемую правительством сумму тальи—1500 000 ливров, так как, снизив ее до 1200000 ливров, они добавили еще 300 000 ливров на коронационные торжества Карла VIII³¹. Однако отмеченная нестабильность, отсутствие единообразия в налогах не могут скрыть того обстоятельства, что государственная налоговая система в общих своих чертах сложилась во Франции к середине XV в. Убедительным доказательством этому служила финансовая администрация, претерпевшая разительные перемены за период с конца XIII к середине XV в. и составившая костяк налоговой системы³². Краткой характеристикой ее мы закончим раздел, посвященный истории и природе налогов.

Организация финансовой администрации. Управление финансами претерпело заметные изменения за период с конца XIII к середине XV в., постепенно усложняясь и в известной мере совершенствуясь. Главным фактором его развития являлась политика центральной власти, стремящейся сделать финансовую организацию максимально эффективной и по возможности приемлемой для налогоплательщиков. Последнее обстоятельство побуждало государство бороться с злоупотреблениями, объясняя при этом административные меры заботой о благе подданных и даже о бедном народе. Существенное влияние на финансово-административную систему оказывали общественные силы страны, корректируя ее легально через органы сословного представительства или в форме прямого протеста, при этом иногда практическими мерами.

В условиях государственной централизации специализация административного аппарата и в первую очередь королевской курии стала исходным моментом в складывании финансового ведомства. Развитие и углуб-

ление этого процесса на уровне центральных и местных органов определило его самостоятельную структуру. Наряду с судебным аппаратом финансовое ведомство составило важнейшую часть государственной администрации.

Ордонанс 1256 г. сообщает о комиссарах королевской курии, в обязанности которых входит осуществление контроля за финансовой деятельностью бальи и сенешалей³³. Более определенные сведения о начавшемся выделении Палаты счетов из состава курии зафиксированы ордонансом 20 апреля 1309 г. В этот же период чиновники начинают вести ее регистры под названием *memoiaux*, имевшие столь печальную судьбу и отразившие контроль за доходами казны: сенешали и бальи должны были отчитываться в определенные дни дважды в год — на пасху и праздник св. Мартина. Формируется штат финансовых чиновников в виде казначеев (*tresoriers*) домена, собирателей (*collecteurs*) габели, мэтров вод и лесов и т. д. Создание Палаты счетов было санкционировано знаменитым ордонансом 1320 г. в правление Филиппа Длинного. Новый орган должен был осуществлять контроль над всеми должностными лицами короны, которые имели какое-либо отношение к финансам короля. Все расходы и приходы казны фиксировались клерками казначейства с указанием происхождения, назначения суммы и качества монеты. Оговаривались условия, ужесточавшие контроль за выплатой сумм. Сверх двух казначеев был поставлен суперинтендант финансов и введена должность секретаря (*clers de Tresor*). Контролю казны с 1318 г. подлежала армия, имевшая свой бюджет и специальных лиц, оплачивающих счета (клерки и гранмэтр арбалетчиков, маршалы кавалерии, капитаны городов в помощь бальи и прево). Создание института собирателей и получателей (*receveurs*) положило начало разделению финансовых и административных функции на местах. В конце 30-х годов XIV в. Палата счетов увеличивает свой состав (7—10 мэтров духовного и светского звания, 12—19 секретарей) и быстро набирает силу, так как Филипп Валуа в марте 1339 г. инвестировал ее, в связи с отъездом на войну, правами даровать письма милости, аноблировать, узаконивать батардов, возвращать изгнанных, разрешать городам обкладывать себя налогом для общественных расходов, т. е. правами, связанными с денежными делами короны. В 1340 г. он пере-

дал Палате счетов право чеканить монету, которым она воспользовалась уже в следующем году, изменив курс серебряных денег (с 7 на 8 су) и дублей (с 13 на 16 су). Она разделила вместе с Парламентом высокие прерогативы регистрации указов, которые позволили ей использовать право ремонстрации в период общественных волнений XIV—XV вв. Активность сословий на Генеральных штатах 1355—1357 гг., в частности в административных вопросах, привела к появлению лиц, уполномоченных ассамблеей контролировать сбор и расходование вотируемых ею налогов, — генералов — комиссаров финансов и их помощников — элю.

Монархия, укрепившая при Карле V свои позиции, сохранила эти должности, превратив их в назначаемые по королевскому решению. Они составили основу будущего финансового ведомства государственных налогов.

С ростом налогов углубляющийся процесс специализации внутри финансовой администрации разделил ведомства домениальных (ординарных) и государственных (экстраординарных) доходов. Эти ведомства получили право самостоятельной финансовой юстиции, до того времени находящейся в ведении Парламента. В период с февраля 1389 г. по апрель 1390 г. казначеи Палаты счетов объединились в Палату казны (*la Chambre de Tresor*), состоявшую из 3—4 человек. Они должны были инкассировать и производить платежи королевского домена. Генералы финансов, став государственными советниками, получили в свое распоряжение систему «экстраординарных» налогов — эд, габель, талью. Часть их — генералы-администраторы, которым было доверено руководство по взиманию налогов — составили Палату эд (*Chambre des aides*); другие сформировали новый орган — Курию эд (*Cour des aides*), осуществлявшую юстицию по «экстраординарным» налогам. Курия эд стала высшей и суверенной судебной инстанцией по отношению к судебным трибуналам местных чиновников элю, а также чиновников гренье.

В сфере домениальных финансов также оформился судебный орган *Cour de Tresor*, стоящий выше суда баляжа, но подконтрольный Парламенту³⁴. Судьба этих новых органов была подвергнута испытаниям в период правления Карла VI, точнее, регентства герцога Бургундского, по решению которого об уничтожении эд временно (в 1418—1420 гг.) исчезает Палата эд, а затем Людовик XI на два года прерывает деятельность

Курии эд (1462—1464). Однако устойчивость новых институтов обеспечивал постоянный рост государственных налогов.

Особый интерес в организации финансовой системы представляют ее местные звенья, также приобретшие оригинальные черты.

Если в начале XIV в. основными территориально-финансовыми единицами служили баляжи и сенешальства, а также церковные диоцезы и округа, то к концу XIV в. появились новые государственные деления — элексьон, связанные с деятельностью местных государственных чиновников элю. Два ордонанса, изданные 23 марта и 26 августа 1452 г., уже говорят об элексьон, число которых к этому времени равнялось 51³⁵. К 1461 г. их уже было 75, так как Карл VII создал 24 новых финансовых округа, к концу XV в. их число достигло 85. Рост элексьон был связан не только с территориальным расширением королевства, но и с сокращением территории каждого округа. Последнее обстоятельство объяснялось стремлением правительства усовершенствовать налоговую практику и работу местного судебного трибунала, приблизив его к налогоплательщикам и сократив, таким образом, время и расходы «бедных тружеников», чтобы те могли при рассмотрении конфликта «обернуться за один день». Ограничив радиус территории с 10—12 до 5—6 *лье*, правительство рассчитывало сократить разъездные расходы элю, которые оплачивались отдельно³⁶.

Немаловажное значение имело и стремление увеличить число должностей в условиях все расширяющейся практики их продажи.

По мнению А. Дюпона-Феррье, глубоко изучившего финансово-территориальную систему XV в., Францию в этот период нельзя было разделять на области провинциальных штатов (*roys d'etat*) и области с государственными налоговыми округами (*roys des elections*), как это произошло в XVI и XVII вв.

Во многих регионах имелись и элексьон, и местные штаты — в Аббевиле, Алансоне, Амьене, Анжу, Артуа, Авранше, Оссере, Берри, Блуа, Бурбонне, Кане и т. д. В 1482 г. из 47 действующих местных ассамблей 32 проходили в областях, подразделявшихся на элексьон. Некоторые из них еще в середине XV в. сами служили территориальной единицей для собрания трех сословий — в Амьене, Сен-Кантене, Перонне, Понтье, Ор-

леане, Маконе³⁷. Элексьон в этот период дополнили прежние деления на диоцезы, шателлени, превотства и виконтства, иногда совпадая с ними и являясь, по словам того же автора, истинной лабораторией территориального единства страны и зримым свидетельством королевского суверенитета.

Умножение элексьон привело к образованию *governments*, затем *generalitees* — финансовых областей (или *pays*), каждая из которых объединяла несколько элексьон и возглавлялась одним генералом финансов. На штатах 1484 г. Масслен называет 6 генералите Франции. Так обрела организационную структуру к середине XV в. налоговая политика французской сословной монархии.

СОЦИАЛЬНОЕ СОДЕРЖАНИЕ И КЛАССОВАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ НАЛОГОВОЙ ПОЛИТИКИ

Оценка социального содержания и классовой направленности налоговой политики оказывается не простой задачей благодаря отмеченному выше характеру имеющихся в нашем распоряжении источников. Тем не менее поиск в этом направлении не кажется нам бесполезным. Следует при этом сказать, что, хотя данная тема и не являлась объектом специального рассмотрения в литературе, имеющиеся в ней данные иногда прямым, но чаще всего косвенным образом оказываются способными облегчить задачу исследователя.

Одним из возможных путей решения поставленной задачи является попытка уточнения вопроса о том, кто и как платил налоги в средневековой Франции. Ее решение оказывается связанным с проблемой исключений из налогового обложения.

Принцип исключений из налогового обложения. Оформление податного населения. Создание постоянной армии если и не ликвидировало, то практически обесценило феодально-вассальную военную службу, в определенном смысле упростило систему налогообложения, так как исключило из него дворянство. Вместе с духовенством, поскольку оно жило согласно своему статусу в безбрачии и не принимало участия в торговле, дворяне претендовали на тотальное исключение из налогов. Однако реализация принципа исключения для светских и духовных феодалов характеризовалась многими особенностями. Правом полного налогового исключения во Франции пользовались светские феодалы, которые, будучи резер-

вом королевской армии, как предполагалось, платили обществу своей кровью.

С введением постоянных налогов духовенство, освобожденное от талей и эд, продолжало, однако, платить десятину и частично аннаты. Эта практика составила существенную часть государственной политики в отношении галликанской церкви и имела долговременные последствия для ее положения в обществе.

Что касается дворянства, то в условиях поочагового сбора, служившего основой распределения талей на севере Франции, где она была персональной, дворяне, даже если и владели ротюрной землей, освобождались от уплаты талей. На юге страны платежи шли с ротюрной земли (реальная талья). В случае, если ее обладатель оказывался дворянином, он был обязан платить с нее прямой налог — обстоятельство, которое, по нашему мнению, не столько нарушало классовый принцип, сколько подчеркивало его. Налоговые исключения для господствующего класса, реализуемые наиболее полно в части прямых налогов, не снимали противоречий между феодалами и центральной властью, поскольку последняя была серьезным конкурентом в эксплуатации их собственного крестьянства. Именно поэтому налоги с момента их введения превращаются в существенный фактор не только классовой, но и социально-политической борьбы. В ходе этой борьбы и монархия, и господствующий класс используют недовольство широких народных масс для решения собственных политических задач, спекулируя на идее защиты народных интересов.

Вместе с тем феодалам была выгодна оплачиваемая служба в армии, для содержания которой и вводились налоги. При этом следует учесть пристрастие дворян к войне.

Необходимо также отметить факты прямого дележа налоговых сборов между монархией и феодалами, и такие способы извлечения доходов из налоговой системы, как служба в аппарате и государственные пенсии. Последние стали во второй половине XV в. одной из причин чрезмерного увеличения налогов и были самым ярким свидетельством использования господствующим классом государственной казны³⁸.

Анализ королевского законодательства середины и особенно второй половины XV в. обнаруживает выраженную тенденцию к росту налоговых исключений, которые выглядят как общественное бедствие. Он объяснялся от-

части процессом активного аноблирования выходцев из городского сословия, которые оформили в составе господствующего класса к концу XV в. значительную прослойку чиновного дворянства. Однако главную опасность для государственной казны представлял выход налоговых исключений за рамки привилегированных сословий. Это было связано с претензиями отдельных лиц или групп и корпораций (городов, чиновной бюрократии, университетов, ремесленников некоторых специальностей, франк-аршеров и т. д.) на налоговые привилегии. Правительство отчетливо осознает ущерб, который приносит общественной пользе подобная практика, чреватая налоговыми перегрузками для других подданных, и пытается призвать к общественному долгу каждого, объясняя необходимость взимания налога нуждами государства. В этих условиях государство стремится четко очертить круг исключенных, по возможности сузив его. Поэтому в своих ордонансах оно уточняет социальный состав незнатных, которые обязаны платить налоги,— это купечество, ремесленники (*mecquaniques*), крестьяне (*laboueurs*), чиновники, в том числе сеньориальные (*procureurs, praticiens, officiers, tabellions, notaires*). Государство тщательно определяет круг лиц, могущих претендовать на исключения: это «настоящие» студенты и преподаватели университетов Парижа, Орлеана, Анжера, Пуатье, действительно пребывающие в их стенах; дворяне, живущие согласно своему статусу и исполняющие ремесло воина (*suivans les armes*), а также бедные и неимущие лица («*pouvres et misérables personnes*»)³⁹.

В королевском законодательстве уже в 80-х годах XIV в. отмечены отдельные случаи налоговых злоупотреблений со стороны подданных. Во второй половине XV в. правительство вынуждено признать эти злоупотребления как недопустимое с его точки зрения, но распространенное общественное явление. «Многие и почти большинство наших подданных, даже очень богатые и влиятельные, из различных сословий...»,— говорится об исключенных из налога в одном из ордонансов.

Королевское законодательство вынуждено назвать наиболее употребительные способы укрывательства от налогов: это приобретение лицами из числа ротюрье фальшивого статуса франк-аршера (вольного стрелка) или монетчика, пользующихся налоговыми привилегиями. Эти лица, будучи, как правило, людьми зажиточными, наносили ущерб государству не только незнанием

данных видов деятельности, но и нереализованной возможностью обеспечить большие налоговые поступления⁴⁰.

Денежные потери по причине налоговых исключений побуждают монархию даже выдвигать в своих ордонансах идею равенства подданных в их издержках и денежных обязательствах в пользу государства. Речь, однако, шла не о равенстве всех подданных перед налогом, а о равном распределении его между теми, кто входил в число податных людей (*contribuables*). Отсюда ее многочисленные распоряжения о соблюдении принципа «сильный несет слабого», стимуляция усилий администрации с целью учета численности очагов и населения, а также их возможностей⁴¹.

В ордонансах относительно тальи обращает на себя внимание действие имущественного фактора в качестве условия, влияющего на характер распределения налога. Имеющийся материал позволяет говорить о том, что он действовал в двух направлениях. Во-первых, государственная налоговая система при феодализме освобождала неимущих от налоговых изъятий. Порог налога варьировал и часто бывал достаточно низким, чтобы оказать разорительное воздействие на хозяйство плохо обеспеченного налогоплательщика⁴².

Во-вторых, в XV в. росло число исключенных из налога благодаря имущественному достатку, иногда связанному с влиятельной, внушавшей страх должностью в государственном аппарате. Ордонансы позволяют говорить об этих фактах как о распространенном явлении и в городской, и в сельской среде. Усиление имущественного и социального неравенства в среде городского населения, особенно в деле налогообложения, неоднократно фиксировалось и изучалось учеными. Особый интерес представляют свидетельства аналогичного характера в среде сельского населения, история налогообложения которого специально не исследовалась. В одном из ордонансов содержится указание на то, что в некоторых городах и деревнях было много «богатых и влиятельных людей», власть которых и манера держать себя не позволяли подвергнуть их обложению. Правительство рекомендует чиновникам под угрозой огромного штрафа облагать их налогом наряду со всеми другими⁴³.

Приведенный в главе материал подтверждает, таким образом, отмеченный в литературе факт, что основная тяжесть налогового гнета падала на средние слои города и деревни, стимулируя в них процессы имущественного и

социального расслоения и обостряя классовые противоречия в сфере налогообложения⁴⁴.

Представляют интерес в этой связи попытки французского исследователя Ги Буа определить долю изъятий из хозяйства крестьян Нормандии, связанных с государственным обложением, которое он называет одним из существенных факторов процесса их обеднения. При выплате Нормандией субсидии в 1347—1348 гг. в 450 000 ливров на каждый очаг, по его расчетам, в среднем пришлось по 30 су. Заработная плата сельского работника в эти же годы равнялась 1 су в день, городского работника — 15 денье. Таким образом, сельскому работнику надо было отработать 30 дней только для того, чтобы уплатить в государственный фиск. В перерасчете на земельный доход, который Буа определяет в 6 турецких су на гектар земли, налог в 30 су был равен земельному доходу от 5 га земли, тогда как многие крестьяне жили имея 2 и $1\frac{3}{4}$ га земли. Сумма прямого и непрямого налога к середине XIV в. составляла, по его оценке, в среднем на очаг минимум 2—3 турецких ливра. Уже для 60-х годов XIV в. Ги Буа считает возможным увеличить эту среднюю цифру до 3—4 ливров. В реальной жизни, с учетом принципа прямого обложения, когда «сильный несет слабого» и большинство сельских работников — мануврие — не могли выдержать фискальных тягот, он называет цифру в 4—5 ливров, которые падали по преимуществу на среднюю прослойку крестьян, составляя приблизительно 40—50% их личных доходов⁴⁵. Выдержать подобное налоговое бремя эта прослойка могла лишь повысив продуктивность хозяйства. Следовательно, неуклонный рост налогов, если за конечную точку расчета взять начало XVI в., проходил через подъемы и спады в соответствии с общим экономическим развитием страны, но в целом вел к разорению крестьянского хозяйства.

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы побуждают выделить еще одну сторону в проблеме обеспечения «равенства» при распределении налога в среде податного населения, а именно неодинаковое положение города и деревни в государственном обложении. Эта неодинаковость была связана в первую очередь с таким объективным обстоятельством, как характер налога — прямого или косвенного. Следует при этом сразу оговорить, что сколько-нибудь корректное решение вопроса о преимуществах или тяготах двух различных категорий податного населения невозможно из-за отсутствия доста-

точных данных по налоговой отчетности, численности населения и т. д. Поэтому придется ограничиться общими соображениями, хотя и подсказанными в ряде случаев данными источников.

Говоря о косвенных налогах, следует учитывать, что в основном бремя этих налогов несло городское население в силу более тесной связи горожан с рынком. Если ремесленник был заинтересован в продаже всего произведенного им продукта, то крестьянин выносил на рынок только ту часть продукции, реализация которой обеспечила бы ему платежи по ренте и налогу. Очевидно, это обстоятельство, в частности, имел в виду М. Рей, когда утверждал в своем исследовании государственных финансов времени правления Карла VI, что сборы от эд были в деревне ниже, чем в городе, подкрепляя свой вывод установленной им прямой зависимостью поступлений этого рода от экономической активности города или района⁴⁶. Тем не менее не следует на этом основании недооценивать обложение крестьянства косвенными поборами. Не случайно налоговый регламент предписывает чиновникам элю контролировать в разъездах по округам сборщиков-арендаторов эд в деревнях и приходах их округа. В нем говорится о контроле в каждом приходе или деревне применительно ко всем трем видам налога — талье, эд и габели.

Организация сборов эд, сдаваемых в аренду, считалась сложным делом даже в городе, где, казалось, проще было наладить контроль за продаваемой продукцией. Правительство в специальных постановлениях указывало на необходимость вести торговлю в определенных местах, стремясь таким образом предупредить необлагаемые сделки⁴⁷.

Сложен и вопрос о распределении прямого налога в городе и деревне. Персональный или поземельный сбор изменялся в зависимости от времени и места, а с момента введения тальи в октябре 1384 г. он зависел и от общего размера тальи, и ее разверстки по областям. Документы упоминают прямые поборы в 20—30 су, 2—4 франка, 2—4—6 ливров, иногда с преимуществом для сельских очагов. В 1386 г. представители Лангедока в Безье для похода за море утвердили в среднем 4 франка на очаг. Учитывая общее число очагов по Лангедоку — 30 000, — они предполагали обеспечить 120 000 франков поступлений. В 1388 г. сумма налога равнялась 5 франкам, в 1397 г. — только 2 1/4 франка. Депутат ассамблеи 1484 г.

викарий Кутанса, протестуя против чрезмерного обложения его бальяжа, утверждал, что каждый глава семьи при соблюдении принципа «сильный несет слабого» платит по 6 ливров тальи, тогда как в соседних областях эта сумма составляет 60 су. Депутат от бальяжа Орлеана оценивал налог как двойной в сравнении со временем Карла VII — 18, а не 9 турецких ливров⁴⁸.

М. Рей, анализируя способ распределения тальи в начальный период ее существования, считает, что в сравнении с городами жители сельских мест щадились и частично освобождались от прямых платежей. Более активное обложение города тальей было продиктовано, по его мнению, уже сложившейся привычкой и опытом получения самых крупных косвенных доходов именно от городов. Рей полагает, что и сумма тальи в тот период определялась по совокупности косвенных доходов.

Однако судя по ордонансам, по крайней мере с середины XV в. монархия активно стремилась в определении исходной суммы тальи исходить из данных об очагах и имущественном состоянии налогоплательщиков, что уравнивало сельских тружеников с городскими жителями по крайней мере с точки зрения принципа их участия в прямом поборе. Следует сказать, что отмеченная французским ученым более низкая квота прямого налога в деревне компенсировалась для государственной казны преобладанием в стране аграрного населения, хотя это не меняло самого факта более льготных для сельского населения условий обложения. Тем не менее нельзя не учесть и того обстоятельства, что государственные поборы сильнее сказывались на бюджете крестьянской семьи, так как соединялись с платежами сеньориальной ренты. Наконец, обращают на себя внимание отмеченные депутатами Генеральных штатов 1484 г. факты частого освобождения и льгот, предоставляемых государством городам в налоговом вопросе. Последние, по их свидетельствам, освобождались в силу их положения как военных центров, морских портов и по ряду других причин. В податном округе Парижа, по свидетельству одного из депутатов, ни один город с укрепленными стенами (*munitata villa*) не платил налога, тогда как маленькие местечки (*villagia*) несли тяготы тальи⁴⁹. Вероятно, то обстоятельство, что города имели прямое представительство в Генеральных штатах, облегчало им задачу получения привилегий при раскладке налога, тем более что торг по

раскладке утвержденной депутатами суммы тальи начался уже на ассамблее.

Наличие даров и налоговых льгот городам подтверждают королевские ордонансы. Однако особый интерес представляет документ, позволивший проверить впечатление, сложившееся на основании свидетельств в работе ассамблеи, не лишенных субъективного свойства и могущих быть отголоском противоречий между городом и деревней. Этот документ второй половины XV в., опубликованный в коллекции Жакетона, представляет собой инструкцию долговременного назначения с указанием мест и характера налоговых поступлений, составленную на основании счетов по нескольким генералите — Лангедой-лю, Верхней Сене, Лангедоку, Нормандии и Пикардии⁵⁰. Он содержит названия мест, входящих в налоговые округа. Данные по 89 округам (исключая Лангедок) позволили выделить 18 городов (центров налоговых округов), которые оказались освобожденными от тальи или получили право выкупа ее с последующей свободой в выборе способа сбора выкупной суммы. Любопытно, что многие из них — Париж, Реймс, Труа, Орлеан, Амьен, Шартр, Руан, Дьепп — являлись крупными экономическими центрами страны. Проявляя разумную осторожность, можно и в этом случае предположить, что налоговые льготы городам не означали устойчиво-сознательной линии в государственной политике, были связаны с событиями Столетней войны и намерением правительства содействовать экономическому подъему. Такого рода льготы известны во Франции во второй половине XV в. и по отношению к крестьянству. Тем не менее получившее отражение в ряде материалов известное неравенство города и деревни в налогообложении их прямым налогом — тальей — вполне объяснимо с точки зрения положения крестьянства как основного угнетенного класса феодального общества.

Стремление достичь равенства в распределении налогов, забота о котором диктовалась стремлением правительства обеспечить максимальные доходы казны, ставилось им в зависимость не только от ликвидации злоупотреблений со стороны налогоплательщиков, но и чиновников госаппарата. Поэтому особое направление законодательной политики государства составили инструкции, целью которых было упорядочение и совершенствование работы финансового ведомства. Реализация подобной задачи была делом трудным, если не невозможным,

прежде всего по причине его масштабности. Уже для времени Филиппа VI М. Рей пишет о громоздкой машине, в которой служба только чрезвычайных налогов требовала 600—700 человек. Усложнение аппарата и продажность служб, принявшая особенно широкие размеры в правление Карла VI, способствовали этому процессу. В конце XV в. правительство пытается ограничить аппарат управления в налоговых округах шестью чиновниками, из которых двое были элю. Следовательно, без службы габели, центральных органов финансового ведомства, крайне многочисленного низшего звена сержантов и армии получателей—откупщиков эд—численность только органов областного управления должна была составить не менее 500 человек (в пересчете на 85 округов). В действительности, однако, эти инструкции не выполнялись и сословия в конце XV в. справедливо оценивали многочисленность аппарата как общественное зло наряду со злоупотреблениями чиновников⁵¹.

Традиционное внимание государства к процедурным вопросам работы финансового ведомства усилилось с середины XV в., когда появилась возможность восстановить былой порядок, нарушенный войной. Ордонансы регламентировали регулярность и время работы, в частности процедуру судебного разбирательства по налоговым конфликтам в центре и на местах, обеспечение скорого прохождения дел, оформление счетов и отчетности, фиксацию размера заработной платы и разъездных платежей и т. д.

Государство стремилось, чтобы лица, причастные к финансовому ведомству, были людьми вне подозрений, добрыми, честными и не берущими дары.

Представляют интерес предъявляемые к чиновникам требования правительства под страхом конфискации имущества и отстранения от службы не брать у налогоплательщиков больше положенной суммы налога. Невыполнение этого требования вело, по его утверждению, к ухудшению положения населения. В целях гарантии государство пыталось отделить чиновников контролирующие органов от непосредственных сборщиков налогов, в частности запрещая элю участие в сборе тальи, а также участие в торгах и откупах по сбору эд. За укрывательство собранных сумм и мошенничество со списками тальи, в том числе со стороны элю, государство строго наказывало. Тем не менее хищения и вымогательства были характерной чертой налоговой практики, особенно в низ-

шем звене королевских чиновников — сержантов, которые на деле, по словам Масслена, оказывались первыми министрами.

Стычки с сержантами, сопровождавшиеся их избиением, насилие над налогоплательщиками, многочисленные судебные процессы над элю, кончавшиеся штрафами, отстранением от должности и даже тюремным заключением, свидетельствовали о том, насколько тщетными были усилия государства по искоренению злоупотреблений. Однако проблема борьбы со злоупотреблениями в финансовом ведомстве выходила за рамки процедурных вопросов или частных проступков чиновников, но была связана с принципиальными вопросами его функционирования. Ими являются вопросы о социальном составе и способе комплектования финансового аппарата. Ответ на них, по нашему мнению, может составить существенную часть характеристики социальной направленности налоговой политики.

Социальный состав и способ комплектования финансового аппарата. Попытка рассмотрения под этим углом зрения фактического материала, содержащегося как в источниках, так и в литературе и, к сожалению, недостаточно полного, позволяет сделать вывод о существенном срастании финансовой администрации в ее центральных звеньях с господствующим классом.

Попытки монархии вытеснить церковный элемент из аппарата управления в целом, долгое время преобладавший в нем, привели к середине XIV в. к примерному уравниванию численного состава духовенства и дворянства в Палате счетов.

Со времени правления Карла VII и особенно при Людовике XI представители городского сословия часто в чинах и с соответствующими знаниями активно осваивают сферу финансовой администрации. Определенные ее звенья могли занимать только непривилегированные лица — например, должности собирателей тальи или откупщиков — сборщиков эд. Однако ни духовенство, ни дворянство не собирались легко уступать свои позиции. Президентами Палаты экстраординарных налогов могли стать только представители привилегированных сословий, притом высших их кругов — епископы и нобилитет. Дворянство не гнушалось и должностью элю в налоговых округах.

А. Дюпон-Феррье в своем примечании к исследованию по истории финансовой администрации помещает алфа-

витный каталог всех генералов финансов с момента появления этой должности до 1483 г. Наши подсчеты показали, что из всего состава в 146 человек чуть более половины составляли дворяне (76), в том числе титулованные; 15 человек были прелатами церкви, 20 человек имели ученое звание мэтра. Только 4 лица были обозначены как буржуа, для 51 лица (в том числе 17 мэтров) не содержится никаких указаний на социальное происхождение. Если их причислить к непривилегированному сословию, то представители последнего (55 человек) уступали место дворянам в отправлении самой крупной после президента должности генерала финансов⁵². Эта раскладка отражает общую картину социального состава на высших ступенях служебной иерархии в государственном аппарате. Среднее звено частично и низшее полностью заполнялось выходцами из городского сословия. Прослойку лиц привилегированного положения укреплял довольно активный процесс аноблирования, питаемый опять-таки службой в государственном аппарате. В финансовом ведомстве в целом в силу характера занятий процент непривилегированных лиц был более высок, нежели в Парламенте.

Однако этот, казалось бы, «демократизм» финансового ведомства носил чисто внешний характер. В его сфере действовала характерная для государственного аппарата в целом практика продажи должностей, определявшая социальный уровень его состава. Более того, в сфере рекрутирования финансовой администрации, связанной в той или иной мере с денежными операциями, имущественный или денежный фактор оказывал особое влияние.

Во многих ордонансах государство, регулируя условия рекрутирования элю, оговаривало необходимость их происхождения или обитания в местах своей работы, знание юстиции и честность, недопустимость занятий коммерцией, а также их имущественный достаток. Не ограничиваясь пожеланиями, государство вводит залог (caution), необходимый для исполнения любой финансовой должности. Размер этого ручательства зависел от должности в служебной иерархии и ответственности таким образом чиновника за разномасштабные налоговые суммы⁵³.

Социальное положение и достаточно высокий имущественный ценз чиновников финансового ведомства были решающими, хотя и не единственными условиями его глубокого отчуждения от основной массы налогоплательщи-

ков. Следует также иметь ввиду некоторые сложившиеся в XV в. функциональные особенности государственного аппарата в целом, которые стимулировали его корпоративизм. К ним относится в первую очередь выраженная тенденция к удлинению срока службы и следовательно к стабильному положению чиновников. У элю, прокуроров и адвокатов финансового ведомства срок службы колебался от 6—7, 7—8, 16—27 лет; у генералов — от 6 до 18 лет⁵⁴. Ордонанс 22 октября 1467 г. уже санкционировал обычай пожизненных должностей, хотя и оговорил возможность потери должности в случае должностного преступления. Любопытно, что депутаты Генеральных штатов 1484 г., представившие правительству специальный наказ сословий с предложением реформ государственного управления, пожизненность служб (без нарушения долга) предпочитали частой смене чиновников. Уверенность в завтрашнем дне служила, по их мнению, гарантией от злоупотреблений, так как чиновнику не нужно было жить по принципу: «теперь или никогда». Большим злом сословия считали практику совмещения служб, при которой чиновники успевали лишь получать деньги.

Вопреки запретам правительства иметь родственные связи в чиновной среде в условиях увеличения срока службы и фактической несменяемости кадров уже с XIV в. в финансовом ведомстве начинают оформляться чиновные династии (Дезессаров, Маньяк, Шатеприм, Брисонне).

Попытки ограничить продажу должностей и концентрацию исполнительных функций в руках нескольких семей с помощью так называемого принципа выборности оказались безрезультатными. Более того, выборы, происходившие внутри корпорации и сводившиеся к последующему назначению на должность решением короля одного из трех кандидатов, предложенных чиновниками, скорее закрепляли корпоративизм исполнительного аппарата.

Война подстегнула общественную активность сословий, в частности их стремление не только регулировать налоговую политику через сословно-представительные собрания (вотирования субсидий), но практику сбора налогов и их расходование. Причастность сословий к исполнительным функциям государства в середине XIV в. привела, как отмечалось выше, к появлению выборных лиц от трех сословий — генеральных суперинтендантов

(или генералов финансов) и их помощников, облеченных судебной и административной властью⁵⁵ Последующее их превращение в государственных советников открыло путь к усложнению государственной финансовой администрации и ужесточению государственного контроля, особенно в XV в. Тем не менее сословия не отказались от борьбы, ярким свидетельством чего явилась ассамблея Генеральных штатов 1484 г. Проверив счета государственных доходов и расходов — возможность, которая была получена после ожесточенного сопротивления финансовой администрации, — депутаты ассамблеи потребовали передать сбор талы лицам, назначенным или избранным сословиями. Утверждая, что действия государственных чиновников приводят к удвоению налога, депутаты напомнили о том, что некогда народ избирал финансовых чиновников — элю — по своей воле и старинному обычаю, о котором свидетельствуют книги и память современников. Это пожелание высказывалось параллельно с требованием отстранить сержантов от сбора налогов. Интерес представляет, однако, не только активность общественных сил, но и отношение к ней правительства, которое можно было бы назвать терпимым. Оно допустило выборный принцип при сборе налогов в городах даже в условиях волнений 70—80-х годов XIV в. Согласно ордонансу 26 августа 1452 г., процедура судебного разбирательства по поводу действий сборщиков эд предполагала клятву кюре и участие одного или двух свидетелей, людей, достойных веры, могущих дать разъяснения по спорному делу⁵⁶. Отвечая на предложение депутатов 1484 г., правительство назвало его крайне «неудобным», однако не отказалось, чтобы в помощь элю выбирались уполномоченные, на которых бы ложилась ответственность за сбор $1/3$ налога⁵⁷.

Наконец, в числе мер, направленных против налоговых злоупотреблений, одним из ордонансов (30 июня 1517 г.), в частности в связи с многочисленными исключениями, монархия запрещает элю назначать коллегторов и рекомендует использовать для этого лиц, выбранных самими жителями, труд которых будет оплачен фиксированной суммой. Подобным же образом должны были действовать чиновники службы габели. В ордонансе оговаривалось также участие 6 лиц «находящихся вне подозрений» с каждой стороны в спорном деле об уплате налогов между двумя приходами, разбираемом элю⁵⁸.

Нельзя не отметить того обстоятельства, что либерализм монархии в вопросах сбора налогов на местах в XV в. уже нельзя объяснить нехваткой чиновной администрации, характерной для начального этапа формирования налоговой системы. Безусловно, монархия смогла учесть опыт городских и сельских сообществ, осуществлявших административные функции локального характера. Однако не менее существенное значение имел высокий уровень имущественной и социальной дифференциации внутри городских и сельских общин, который поставил коллективные возможности на службу интересам зажиточной верхушки. Использование этих сообществ в качестве низшей ступени налоговой системы снимало для государства многие трудные вопросы — оценки имущества и сбора налога в условиях острого размежевания в среде налогоплательщиков. Поэтому допущение демократических норм, к тому же в таких скромных размерах, не только ничем не грозило правительству, но облегчало реализацию налоговой политики. Для налогоплательщиков же наличие подобного права контроля служило весьма сомнительной гарантией справедливости этой налоговой политики.

Таким образом, классовые, социальные и имущественные барьеры феодальной Франции определяли общую направленность налоговой политики, а также состав и практику финансового ведомства, с помощью которого она осуществлялась.

Предпринятая в главе попытка проследить становление налоговой системы как комплексного явления, имеющего свои корни в социально-экономической и политической жизни общества, естественно, не исчерпывается приведенным материалом. В частности, оказался незатронутым вопрос о состоянии расходов и бюджете французской сословной монархии из-за особенностей документального материала, а также специального характера этого сюжета.

Хотелось бы тем не менее привести некоторый цифровой материал, характеризующий состояние бюджета французской короны. Необходимо в связи с этим отметить, что, по мнению ученых, французский монарх располагал огромными суммами по сравнению с другими государями Западной Европы в исследуемый период. По данным Б. Гене, сумма доходов английского короля в конце XIV в. превышала ежегодный доход римского папы в 4,5 раза, тогда как французского короля — в 15 раз.

Уже во второй половине XIV в. налоги давали более половины общего дохода короны; цифры по более позднему периоду показывают рост этой диспропорции⁵⁹.

Особый интерес представляет приведенный М. Реем текст документа, который является счетом расходов монархии на 8 ноября 1372 г.⁶⁰ Обращает на себя внимание уже название этого документа, где говорится, что счет отражает платежи, которые король приказал оплатить из поступлений, предназначенных для войны. В составе этих расходов можно увидеть расходы на содержание дворов короля и членов его семьи, платежи по рентам и пенсиям, т. е. статьи расхода, которые по существующим тогда еще представлениям король должен был оплачивать из поступлений домена. На ассамблее 1484 г. общественное мнение с трудом связывает понятие общественных нужд даже с содержанием государственного аппарата. Депутаты пытались утверждать, что содержание чиновников — это личная забота короля и что талья предназначена исключительно на содержание армии и военные нужды. Здесь же из общей суммы расходов в 747 924 турских ливра на содержание двора короля, королев и дофина выделено 256 430 ливров.

Вместе с отчислениями в пользу родственников короля (дома герцогов Анжуйских, Бурбонских, Орлеанских, Беррийских, Алансонских, Фландрских), которые равнялись 117 018 ливров, это составило более трети общей суммы.

Расходы на содержание и платежи в крепостях и замках страны (названо 51 место) составили цифру в 27 265 ливров. Содержание чиновников Парламента и финансового ведомства потребовало соответственно 10 000 и 1400 франков (или турецких ливров). Была выделена большая сумма на выплату долгов отдельным лицам, группе лиц и городам — 219 260 ливров (из них городам — 147 594 ливра).

Расходы на пожизненные ренты и пенсии духовенству и дворянству выглядят незначительными — 18 210 ливров, особенно в сравнении с дарами городам — 82 778 ливров. Однако этой статье расхода предстояло расти.

Обозначенные в главе основные причины бедственного положения народа отчетливо свидетельствуют о том огромном значении, какое приобретала в жизни феодальной Франции государственная эксплуатация, теснившая сеньориальную. Налоговая система и политика в этой связи превратились в важный фактор социальной жизни,

решительным образом влиявший на расстановку сил и положение классов и сословий.

Государственный аппарат с характерным тесным слиянием с ним светских и духовных феодалов, армия и пенсии — вот те основные каналы, через которые господствующий класс феодалов был приобщен к государственным доходам. Уступив монархии в политическом соперничестве, господствующий класс именно через налоговую систему частично вернул потери, которые принесли ему развитие сеньориальной ренты в условиях товарно-денежных отношений, освободительное движение городов и сам процесс централизации. В ряде случаев он приумножил свои богатства. Только с помощью государства он, в частности, смог получить доступ к доходам от орудий труда в городе, с растущим значением которых в экономике феодального общества были связаны перспективы исторического развития.

Оформление в первую очередь налоговой системы вывело вопрос о положении народных масс и особенно крестьянства на уровень государственной политики, одной из задач которой было обеспечение социального порядка в стране. Хотя положение средних слоев в качестве основных налогоплательщиков служило показателем больших еще потенций феодального общества, тем не менее неуклонный рост государственных налогов разорял хозяйство производителей. Неосторожная налоговая политика могла превратить социальный протест, практически постоянно присутствовавший в скрытой или легальной форме (недоимки по налоговым платежам, судебные тяжбы и торг в представительных учреждениях), в открытый конфликт. Угроза этого конфликта корректировала налоговую политику. Подобно фактору экономического развития, она заставляла монархию смягчать требования и идти в ряде случаев на уступки. Чрезвычайно любопытным документом в этой связи является докладная записка высших финансовых чиновников времени Людовика XI, которые, по мнению издателя Г. Жакетона, формировали истинный Совет, отличный от Королевского Совета. Записка показывает, что чиновники осознавали ту социальную опасность, которую порождало резкое увеличение налогов. Они предупреждают короля о возможности массового недовольства, так как выплата положенных платежей потребует талью, размер которой должен превысить все эды и эквиваленты государства и которая явится, по существу, двойной тальей.

Главным средством избавления страны от опасности увеличения налогов было, по их мнению, уменьшение пенсий, которые особенно наглядно свидетельствовали об использовании государственной казны господствующим классом⁶¹.

Поэтому заметный рост тальи при Людовике XI сменяется попытками монархии при Карле VIII удержать талью в сумме, санкционированной штатами 1484 г. (1200 000 ливров), при максимальной активизации донесения доходов. Людовик XII временно вообще отказался от тальи, сохранив эды и габель и маневрируя продажей государственных должностей.

Приведенный в главе материал показал сложность процесса формирования общегосударственной налоговой системы, отразившего замедленную трансформацию государства сеньориального к публично-правовому по своему характеру. Неустойчивость и громоздкость налоговой системы на протяжении почти всего XIV века и даже в XV в., когда налоги выступали в виде вассальной помощи, талья и косвенные налоги могли взаимозаменяться, отсутствовал единый принцип обложения прямым налогом, а размеры и формы налогов менялись не только по инициативе государства, но, в частности, благодаря вмешательству местных сословных собраний, тем не менее не могли скрыть того обстоятельства, что французское государство сделало важный шаг на пути к абсолютизму, элементы которого, в частности в сфере управления, формировались уже на этапе сословной монархии.

ГЛАВА IV. СТРУКТУРА И СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ АРМИИ XIV-XV ВЕКОВ

Нельзя не признать и по достоинству не оценить проницательность Иоанна Галли, юриста Парламента, отстаивавшего в своей практической и теоретической деятельности в конце XIV в. интересы французского монарха, который считал наличие армии одним из трех непременных условий высшей власти короля. Действительно, состояние *manu militari* монарха служит ярким показателем его принудительных возможностей внутри страны и активности во внешней политике. Однако формула «король и армия» содержит в себе нечто существенно большее, чем вопрос о высшей власти короля, реализация которой зависит от ряда обстоятельств, и в первую очередь от уровня общественного развития. Поэтому история французской средневековой армии, т. е. изменение ее структуры, способов комплектования и существования, социального состава и тактики,— все это отражало материально-техническую и социальную эволюцию общества. В XIV—XV вв. происходят принципиальные перемены во французской армии, итогом которых явилось создание в середине XV в. так называемой постоянной армии. Избранный нами в данной главе социальный аспект анализа этих изменений предполагает изучение французской армии как существенной части государственного механизма. Характеристика армии в ее взаимоотношениях с центральной властью, ее социальный состав должны в конечном счете отразить расстановку классовых и социальных сил во Франции на этапе сословной монархии.

ВОЕННО-ФЕОДАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ФРАНЦУЗСКОГО ОБЩЕСТВА В XII - НАЧАЛЕ XIV ВЕКА. СТОЛЕТНЯЯ ВОЙНА И ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В АРМИИ

Установление феодальных отношений и развитие крупного землевладения определили структуру средне-

вековой армии, в которой единицей комплектования вместо свободных общинников стали крупные феодалы со своей дружиной. Кавалерия тяжело- и легковооруженных воинов-феодалов решала исход боя, и монополизация дворянством военной функции служила оправданием его политического положения в обществе как части господствующего класса. Феодалное ополчение не отвечало потребностям централизованного государства в силу ряда присущих ему особенностей, которые делали армию плохо дисциплинированным и гетерогенным организмом. Они снижали ее боевые возможности и мешали стать послушным орудием в руках монарха. Среди этих особенностей в первую очередь следует назвать регламентированность места службы (в пределах сеньории или участие в военном походе) и сроков службы, которые зависели от размеров фьефа.

Военная служба в оборонительной и наступательной войне (*l'ost et la chevauchee*) начиная с XIII в. обычно длилась 40 дней с момента прибытия к месту ее прохождения. Она требовала сложной экипировки рыцаря, которая являлась объектом его собственных забот и также определялась размерами фьефа. Вассал мог быть полностью экипирован оборонительным и наступательным оружием (кольчуга, шлем, шпага, меч), боевым обученным конем, которые обеспечивали ему положение собственно воина (*l'homme d'armes*). Менее защищенные воины составляли легкую кавалерию (*sergent a cheval*). Принцип самообеспечения создавал трудности как для вассала, не всегда располагавшего достаточными материальными возможностями, так и для сеньора, поскольку хорошая экипировка была важным условием боеспособности армии.

Не менее существенным условием боеспособности армии являлась специальная подготовка воинов. И хотя принадлежность к военному сословию предполагала обучение с детских лет искусству владения оружием и поведения в бою, его представители не были профессионалами в собственном смысле слова. Следует при этом иметь в виду индивидуализм рыцарства, рассматривавшего войну как особый вид спорта или турнира, в котором оно подчиняло свои действия не только правилам чести, но и материальным расчетам — возможности получить выкуп за пленного, доспехи и лошадь врага и т. д.

Серьезной проблемой для короля являлась численность армии. Возглавляемые отдельными сеньорами

подразделения феодального ополчения разнились числом вассалов, которых те приводили с собой, и не всегда это число оказывалось достаточным для ведения боя. Король не был гарантирован от такой ситуации, когда тот или иной сеньор мог увести свое ополчение до конца военной операции. Следует помнить и о том, что французский монарх в соответствии со сложившейся особенностью иерархической системы должен был рассчитывать только на помощь прямых вассалов. Правда, король располагал правом арьер-бана, т. е. созыва под свои знамена при условии его личного участия или в случае общественной необходимости, всех вассалов королевства и даже их зависимых людей, не исключая сервов. Однако злоупотребление практикой арьер-бана с привлечением лиц недворянского происхождения (горожан и крестьян) мешало экономическому развитию страны и тем более повышению боевых качеств такой армии. Сформированный из городского и сельского населения плохо обученный контингент войск был неспособен к наступательным действиям и в условиях боя обычно обращался в бегство. Тем не менее, как показал опыт уже XII и XIII вв., кавалерия, оставаясь основным элементом армии, не могла обходиться без помощи пеших ополченцев из ротюрье, которые использовались в качестве слуг или стрелков из лука и арбалета, а также для укрепления крепостей и их охраны. Потребность в них определялась особенностями средневековой войны. По причине несовершенства военной техники военные действия в ней разворачивались медленно, крупные сражения были редки, обычной была практика опустошительных рейдов по территории противника, иногда сопровождаемых длительной ее оккупацией. Поэтому тактика войны была по преимуществу оборонительной. Развитие артиллерии повысило в XV в. роль укрепленных мест — крепостей, городов и церквей в сельской местности, увеличив численность лиц обслуживающего персонала для их обороны.

Усложнение структуры армии и связанное с этим изменение ее социального состава в период развитого феодализма, в целом не нарушив господствующего положения дворянства в ней, тем не менее обозначили (пока еще робко) ее будущую организацию с подразделением на кавалерию и пехоту.

Таким образом, процесс государственной централизации потребовал профессиональных военных кадров, организованных с помощью жесткой дисциплины, направ-

ленной на подчинение исключительно монарху. Естественным шагом на пути реализации этих задач явилась во Франции начиная с XIII в. практика выкупа феодальной службы и переход к наемной или организация оплачиваемой армии за счет внутренних резервов страны. Военная история XIV и XV вв. показывает, насколько сложным и постепенным был процесс, который привел в середине XV в. к созданию постоянной регулярной армии. Существенным этапом на этом пути явилась Столетняя война, не только обнажившая изъяны существовавшей тогда военной организации, но и способствовавшая ее радикальному преобразованию.

Значение Столетней войны, естественно, выходит далеко за рамки военной истории прежде всего благодаря той роли, какую она сыграла для внутренней истории двух ее основных участниц¹. Она послужила развязкой длительного конфликта, имевшего самое непосредственное отношение к формированию Англии и Франции как самостоятельных государств. Предыстория войны началась задолго до XIV в., с походов викингов и завоевания в 1066 г. Англии герцогом Нормандии. Этот факт положил начало существованию государства с территорией, разделенной проливом Ла-Манш, и монархом, который по линии континентальных владений, сильно разросшихся к концу XII в., являлся вассалом французского короля. Длительное соперничество двух государств в XII—XIII вв. в известной мере породило ситуацию XIV—XV вв., поскольку уже тогда определились важнейшие узлы противоречий. Ими были Гасконь, служившая препятствием для централизации Франции, и Фландрия, борьбу за которую вели обе державы.

Конфликт приобрел характер крупной европейской войны, которая втянула через систему союзнических связей такие политические силы и страны, как Германская империя, Фландрия, Арагон и Португалия (на стороне Англии); Шотландия, Кастилия и папство (на стороне Франции). Таким образом, Столетняя война знаменовала собой определенный этап в становлении международной системы на Европейском континенте с присущими ей противоречиями, относительно устойчивым для довольно длительного периода балансом сил и поучительным опытом разрешения споров в виде справедливых и несправедливых войн.

Столетняя война, наконец, оказалась неразрывно связанной с той существенной перестройкой, какую пережи-

вала сама система феодальных отношений на завершающих стадиях своего расцвета, отразив эту перестройку и в известной мере способствуя ей. Не ставя перед собой задачи изложения истории Столетней войны, считаем необходимым тем не менее отметить те ее особенности, которые, по нашему мнению, имеют непосредственное отношение к исследуемому вопросу.

В крупнейшем европейском конфликте XIV—XV вв. обращает на себя внимание неоднозначное действие таких факторов средневековых внешних отношений и войн, как династические притязания и вассальные связи. Вассальные связи или их нарушение могли служить источником противоречий и внешней формой, прикрывавшей экспансионистские устремления одной из сторон, как это было во взаимоотношениях английского и французского монархов по поводу Гиени или во взаимоотношениях Франции и Фландрии. Любопытно, что союзнические отношения, знаменовавшие новый характер международных отношений, развившийся в ходе Столетней войны, использовали старые формы феодальных связей и рядились в них.

Основное противоречие между Англией и Францией в ходе Столетней войны развивалось не только под знаком нарушения вассальных обязательств английского короля, но и династических притязаний последнего. В свое время Людовик VIII, находившийся в родстве с английским домом, в условиях мятежа английских баронов был признан ими королем вместо Иоанна Безземельного, а позже папа Иннокентий III санкцией о передаче короны Филиппу II Августу поставил Англию перед угрозой иноземного вторжения. Однако в Столетней войне английская монархия взяла реванш в этом вопросе.

Притязания Эдуарда III на французский престол в качестве внука Филиппа IV по материнской линии явились одной из причин конфликта 1337 г., что послужило своеобразной демонстрацией действительности наследственного принципа для французской монархии. Он отказался от этих притязаний в 1354 г., чтобы вновь вернуться к ним и присвоить себе титул французского короля в 1369 г. Ричард II в 1377 г. уже короновался как король Англии и Франции. Ситуация усугубилась на третьем этапе войны, когда в 1396 г. была реализована идея брака Ричарда II с дочерью Карла VI Изабеллой. Брак, призванный стать средством мирного разрешения англо-французского конфликта, предполагал, что наследники

Ричарда не будут иметь права на французский престол. Эта оговорка не помешала Генриху V по Труасскому договору 1420 г. стать регентом и наследником французского короля, а его сын Генрих VI, внук Карла VI по матери, был коронован французской короной в Париже в 1431 г. Этот торг королей, однако, не свел войну к узкодинастическому конфликту. Последний только дал специфическую окраску войне, в которой решался вопрос о феодальной экспансии и территориальном размежевании ряда государств и политических образований — Франции и Англии, Англии и Шотландии, Франции и Фландрии, Кастилии и Арагона. Для Англии он вырос в проблему образования универсального государства с этнически разными народами, для Франции — в проблему существования ее в качестве самостоятельного государства. Последнее обстоятельство выдвинуло на первый план освободительную борьбу народных масс и изменило характер войны для Франции.

Начавшаяся как захватническая для главных противников, она шла по преимуществу на территории Франции, и уже на первом этапе войны половина страны оказалась под английским суверенитетом после сокрушительных поражений французов в битвах при Креси (1346) и Пуатье (1356). Население становится объектом грабежа и насилий со стороны армии противника. Мародерствуют и французы, так как государство не могло решить проблему обеспечения армии продовольствием и предоставило ей возможность самостоятельных действий в этом вопросе.

Положение осложнялось тем, что Столетняя война сопровождалась не только особым размахом обычных для средневековой войны разорительных рейдов противника (типа рейда герцога Ланкастерского из Кале в Бордо в 70-е годы XIV в.), но и длительной оккупацией значительной части территории страны.

Поражение при Азенкуре на третьем этапе войны (1415) имело своим следствием установление фактического двоевластия в стране: дофина Карла (будущего Карла VII), в 1418 г. объявленного незаконнорожденным сыном Карла VI, и, согласно договору в Труа 1420 г., регента и наследника французского престола английского короля Генриха V.

Примерно с этого момента можно говорить об изменении характера войны для Франции в целом. Этому способствовало развитие народно-освободительной борь-

бы уже в предшествовавший период влиявшей, в частности, на позицию правительства. Однако даже в тех масштабах, какие эта борьба приняла на завершающем этапе, она не смогла повлиять на характер войны. Интенсивность народно-освободительной борьбы стала определяться не только естественным желанием народных масс защитить свой дом и задачами сохранения государственности, но изменениями в самой государственной политике. Французская монархия сумела в экстремальных условиях и частично благодаря им решить важные для усиления центральной власти и в конечном счете для укрепления феодального господства задачи — создания постоянной армии и введения постоянных налогов. Она вывела в этой войне феодальную агрессию и борьбу за освобождение страны на уровень государственной политики. Тем не менее, движение самообороны и расчет правительства на нее составляют существенную часть военной истории Франции изучаемого периода и истории возникновения постоянной армии.

Особый интерес с точки зрения социального анализа военной истории вызывают факты материальной заинтересованности французских феодалов в войне и связанные с этим захватнические планы Франции в отношении Англии. Исследования показывают, что в ходе Столетней войны они могли не только сосуществовать с народно-освободительной борьбой, но и брать верх в отдельные периоды. Франция неоднократно реализовывала захватнические планы по отношению к Англии с помощью союзников — Шотландии и Кастилии. Случаи агрессии французских феодалов в Юго-Восточной и Северной Англии имели место в 1346, 1355, 1359, 1377, 1378—1379, 1384—1385, 1396, 1405, 1424 гг., т. е. тогда, когда не были решены задачи освобождения собственной территории.

В 1337 г. в ответ на просьбу правительства о субсидиях крупное дворянство Нормандии под руководством Годфруа д'Аркура и Карла Наваррского встало в оппозицию к французской монархии. Однако настроение основной массы дворянства, заинтересованного в войне, способствовало компромиссу. В 1339 г. король добился согласия на содержание армии в 4 тыс. рыцарей и 20 тыс. пехоты при условии, что он подтвердит привилегию Нормандии об обязательном согласии провинциальных штатов на субсидии и рекрутирует армию для высадки в Англии непременно среди дворян провинции². Жажду добычи у французских феодалов и надежду приобрести

ее в походах в Англию отмечал и Фруассар. Любопытна в этом плане подготовительная кампания во Франции к вторжению в Англию в 1385—1386 гг., сопровождавшаяся даже погрузкой оружия на корабли, но так и не реализованная однако, Среди причин, которые, по мнению Н. И. Басовской, могли бы объяснить эту ситуацию, связанную с неблагоприятной внутренней обстановкой во Франции и на Пиренейском полуострове, обращает на себя внимание отмеченный ею демонстративный характер акции, предпринятой королем в угоду французским феодалам.

Не менее показателен другой пример, когда Карл VII в 1446—1447 гг., т. е. в период активной освободительной борьбы против англичан и военных реформ, под влиянием придворного окружения был вынужден вмешаться в борьбу итальянских городов с целью обеспечения династических интересов Орлеанского дома в Генуе в ущерб интересам собственно Франции.

Заинтересованность французского господствующего класса в активной военной политике, его давление на правительство должно было оказать влияние на государственную политику в организации армии, а также на ее социальный состав. Потребность монархии в регулируемой военной силе, пожалуй, с не меньшей очевидностью, чем сама война, подчеркнули феодальные распри этого периода. Они не просто составили постоянный фон внутренней жизни во время Столетней войны, но прямым образом были завязаны, сориентированы на военную ситуацию. Карл Злой переходит на сторону англичан в 1356 г.; герцог Бургундский после непризнания Карлом V договора 1359 г. пропускает за деньги англичан через свое герцогство, открыв дорогу в Реймс, где английский король хотел короноваться французской короной, и только самоотверженная борьба горожан сорвала его планы; в 1375—1376 гг. король Наваррский и герцог Фуа, а затем герцог Бретани (1381) вступили в отдельные переговоры с англичанами. Все эти акции не могли не иметь отрицательных последствий для Франции в этой войне. Они приобрели трагический характер на третьем этапе войны в период правления Карла VI, при котором ослабление центральной власти вылилось в гражданскую войну двух феодальных группировок бургиньонов и арманьяков. Одним из побудительных толчков к их оформлению, целью которого была в конечном счете борьба за власть в государстве, послужило разное отношение лиде-

ров будущих группировок к войне. Герцог Бургундский Жан Бесстрашный выступал за перемирие с англичанами, тогда как брат короля Людовик Орлеанский стремился к продолжению войны. Его убийство, подготовленное герцогом Бургундским, сорганизовало группировку арманьяков. Прямое обращение этих группировок к английской стороне спровоцировало новое вторжение на территорию Франции. Оно привело к взятию Парижа в 1411 г. благодаря действиям герцога Бургундского. Из-за предательства арманьяков Аквитания признала английский суверенитет, что перечеркнуло завоевания 70—80-х годов XIV в.³ Гражданская война внесла свой вклад в бесславный исход битвы при Азенкуре и осложнила военную и внутригосударственную обстановку в период двоевластия.

Парадокс ситуации заключался в том, что гражданская война в Англии в свою очередь ослабила активность английской стороны, хотя победоносное развитие войны для Франции определялось совсем иными факторами. В частности, герцог Бургундский после поражения при Азенкуре был вынужден временно отказаться от официального союза с Англией под давлением народного сопротивления.

Последующая активизация сил феодальной реакции, подстегнутая реформами Карла VII в области армии и налогов, создала угрозу новой гражданской войны, в которой арманьяки и бургиньоны объединились против короля. Такое соединение внутренней и внешней войны, когда крупные феодалы шли на срыв мирных переговоров, торговлю интересами страны и открытое предательство (соглашаясь с потерей государственной независимости или не желая полной победы над английской монархией из-за боязни усиления Карла VII), делало реформу армии не только военной, но и государственной необходимостью.

В событиях Столетней войны развернулась история военной организации, претерпевшей принципиальные изменения. При этом различные формы военной организации в целом последовательно сменяя друг друга, частично сосуществовали, и путь к кульминационной точке развития — реформам Карла VII шел через спады и отступления. Можно установить совпадения периодов поражений (1340—1360, 1415—1429 гг.) с плохой военной организацией и периоды побед (1369—1383, 1429—1453 гг.) — с менее (при Карле V) или более (середина

XV в.) эффективными реформами ее. Сама перестройка армии, т. е. активный переход от феодального ополчения к наемной, контрактной и далее к постоянной армии сопровождался издержками, тяжелыми для французского населения, вынужденного страдать от грабежей и опустошений, которые несли с собой «люди войны» (1356—1366, 1420—1445 гг.). Анализ истории собственно армии целесообразно разделить на два этапа, условным хронологическим рубежом для которых явились первые два десятилетия XV века. После них были проведены реформы Карла VII и определился победоносный поворот в Столетней войне.

АРМИЯ И КОРОЛЕВСКАЯ ВЛАСТЬ В XIV— НАЧАЛЕ XV ВЕКА

В начале конфликта с Англией Филипп Валуа практически не располагал войсками, готовыми к постоянной войне. Несмотря на уже широко распространенную практику выкупа военных повинностей, феодальное ополчение продолжало существовать и монархия часто созывала держателей фьефа — *semonse* дворянства (на основании индивидуальной связи короля с феодалами) или *арьер-бан* с привлечением также прямых и не прямых вассалов и *ротюрье* из горожан и сельского населения: «знатных и незнатных, на лошадях и пешком, церковных и светских лиц — все дееспособное население в возрасте от 18 до 60 лет», — как указывалось в *ордонансах*⁴.

Ф. Контамин называет время с 1302 по 1356 г. золотым веком *арьер-бана*, который являлся результатом главным образом непредусмотренной ситуации, внезапной опасности и быстрой реакции на нее. В начальный период Столетней войны *арьер-бан* был создан в 1338, 1340, 1342, 1346, 1347, 1355, 1356 гг. Он открыто демонстрировал зависимость королевской власти от воли крупных сеньоров и контроля провинциальных и Генеральных штатов, несмотря на угрозы монархии держателям *фьефов* лишить их дворянского звания в случае неявки на войну⁵.

В дворянскую военную касту входили принцы, графы и виконты — владельцы *принципатов*, *графств* и *герцогств*; бароны и *шевалье-баннере* (*chevaliers a banniere* или *chevaliers bannerets*), т. е. обладатели права собирать ополчение и иметь квадратное знамя, одеваемое на пику, а также дворяне низшей категории — простые ры-

цари и не получившие звания рыцаря — шевалье-башелье или оруженосцы⁶.

Практика феодального ополчения не исключала выкупа военных обязанностей и оплачиваемой службы. Более того, в условиях Столетней войны она естественно переходила или, точнее, соединялась с оплачиваемой, если ход военных действий превышал регулируемые обычаями нормы военных обязанностей вассала.

Постепенно начинает превалировать служба по контракту, в которой сеньор выступал в качестве капитана — «антрепренера», организующего вокруг себя различную по составу группу лиц, обязанных вести военные действия в определенном месте, в определенные сроки и за плату⁷. Однако служба по контракту, особенно в период первых 30 лет войны, не лишала феодалов активности и самостоятельности в военных вопросах. Нанимателями военных людей могли выступать и феодалы, особенно крупные, город или церковные корпорации и даже крестьянские общины. Значительным оставалось влияние региональных сил, которые через провинциальные собрания контролировали назначение капитанов, возглавлявших оборону провинции.

Следовательно, новая организация армии надстраивалась над вассально-ленной системой, радикально не ломая ее, что усложняло положение монархии, побуждая ее к определенным действиям в плане централизации военных сил.

Можно выделить несколько направлений в политике королевской власти, некоторые из которых обозначились задолго до Столетней войны.

Первым и главным из них явилась тенденция к установлению королевской монополии на право вести войну, определившаяся еще в правление Людовика IX. Она проявила себя в стремлении короля запретить или поставить под контроль право феодалов на турниры и частную войну, а также вести торговлю с врагом или вывозить товары, нужные государству, — железо, лошадей, оружие, зерно и вино.

Монархия пыталась обеспечить предпочтительность королевской, т. е. государственной, войны, которая велась в целях «государственной пользы», перед войной феодалов. Концепция королевской войны запрещала вассалу поддерживать барона в его акциях против короля.

Органической частью идеологической кампании французской монархии во время войны являлись распоряже-

ния Филиппа VI в 1338 г. духовенству Нима включить в мессы специальные моления о мире и защите королевства, а в проповеди — необходимые обоснования и объяснения конфликта с английским королем. Король запрещает дворянству уезжать из королевства в период войны без его разрешения. Накануне битвы именно он решал, брать ли выкуп (обычно эквивалент годового дохода), располагая монопольным правом на движимое имущество и на лиц, находящихся в завоеванной крепости или городе. Объектом особого внимания монархии являлся контроль за строительством крепостей, укреплениями и защитой городов и сельских местностей. Только король в XIV в. предоставляет право на строительство крепостей и укрепление церквей, поручает чиновникам надзор за их состоянием, регламентируя количество крепостей на единицу площади (в среднем одно укрепленное место на 20—25 км); монархия вменяет городам службу охраны (*de guet*), регулирует правила использования города как укрепленного центра (распределение жилья и имущества, принесенного в город жителями окрестных мест), санкционирует отчисление налоговых сборов в пользу городов и деревень в связи с военными нуждами, формируя таким образом элементы будущей постоянной армии⁸.

Судя по протоколам Парламента, подобные новшества служили основанием для вмешательства королевской власти во взаимоотношения сеньоров с зависимыми от них людьми или для конфликтов монархии с сеньорами, а также в тяжбы частного характера. Королевская власть, в частности, регулирует право охраны, требуемое сеньорами с подданных на укрепление замков⁹; провоцирует и разбирает конфликты, вызванные ее решением о разрушении укрепленных мест, могущих быть использованными врагом, или о сносе городских зданий в военных целях¹⁰, судит тяжбы между постоянными жителями городов и беженцами. Часто случались конфликты финансового характера, связанные с ответственностью жителей за фортификационные работы (отказами жителей округи участвовать в расходах, так как с них иногда брались двойные поборы — по месту жительства и в городе) или с запутанностью финансовых счетов по налоговым поступлениям и военным расходам¹¹.

С точки зрения реализуемых монархией притязаний на главенствующую роль в вопросах войны и мира особый интерес представляют тяжбы, связанные с назначе-

нием и деятельностью капитанов крепостей и городов. Королевская власть стремилась назначать капитанов по собственному выбору и в дальнейшем контролировать их деятельность. Эти действия королевской власти сеньоры рассматривают как покушение на их привилегию, а Парламент считает, что они вызваны заботой об общей пользе и благе родины («ad providendum utilitati communi et propter bonum patriae»), часто оправдывает захват замка королем небрежностью сеньоров в деле защиты¹². Ситуация иногда осложнялась противоречиями с городской общиной, так как капитан крепости обычно командовал городским ополчением. Они могли носить политический характер в случае, если город, пытаясь ослабить местного сеньора, прибегал к королевскому авторитету, или финансовый характер, будучи связанными с системой оплаты службы капитана и гарнизона государством, городом или сеньором.

Объектом тяжб бывали и злоупотребления со стороны капитанов, смешивавших частные и государственные интересы¹³.

Королевская власть пыталась регулировать, точнее — унифицировать право постоя и содержания войска (prise), лимитируя его и гарантируя компенсацию неизбежных при этом потерь. Роль гаранта, которую монархия брала на себя в этом вопросе, неизбежно сопровождалась ее борьбой со злоупотреблениями и открытым грабежом с целью обогащения, в которых были виновны военные.

Второе направление государственной политики в вопросах войны и мира касалось собственно института армии, реорганизация которого должна была реализовать притязания монархии в этой области. Пытаясь ограничить автономию армии, связанную с достаточно сильной системой вассальных связей и военной самостоятельностью феодальных и региональных сил, монархия активно внедряла новую дисциплину, в которой рыцарский долг должен был быть подчинен задачам королевской службы. Специальными распоряжениями под угрозой обвинения в преступлении *lese-majeste* лицам, находящимся на оплачиваемой службе, запрещалось покидать армию без разрешения короля.

Контракты, редкие перед 1340 г., начинают в 50—60-е годы XIV в. преобладать в системе рекрутирования армии, сопровождаясь изменениями структурного характера. Группа бойцов от 2—3 до нескольких сотен человек

составляла единство под названием *la montre*, ведущее начало от системы регулярных смотров, повторяющихся ежемесячно (с середины XV в. — 1 раз в триместр). Они могли составлять и более крупные объединения — *gagnions*, *batailles*, *troupes* — под руководством генерального капитана. Сохранились распоряжения короля о контроле за вооружением воина для последующей его оплаты и многочисленные свидетельства о самих смотрах. В списках лиц, прошедших смотр, особенно подробно перечислялись внешние данные и стоимость боевого коня.

Рассчитывая на региональные силы и их финансовое самообеспечение, монархия, действуя через Королевский Совет, стремилась контролировать выборы капитанов, в том числе генеральных, которым поручалась защита определенных областей. Среди встречающихся в начале Столетней войны трех типов капитанов самыми многочисленными были феодальные сеньоры, проходящие службу согласно своим феодальным обязательствам. Менее многочисленную прослойку составляли капитаны, рекрутируемые из иностранцев, или сеньоры, служащие за фьеф-ренту либо сольд, которых могли нанимать и оплачивать крупные феодалы, города или провинциальные штаты. Наконец, очень мало было капитанов или генеральных лейтенантов, назначаемых королем.

Сделать государственную казну единственным источником оплаты — задача, которую монархия могла решать постепенно, параллельно совершенствуя налоговую систему. Отчетливо понимая, что наиболее крепкий вид связи с армией представляла выплата денег, королевская власть стремилась осуществить эту связь не через капитанов, а прямо с военными людьми, с помощью государственных чиновников — казначеев (в количестве 1—3), клерков арбалетчиков (1—2 чиновника) и их помощников. Монархия стремилась к совершенствованию структуры армии. Дальнейшим шагом на пути ее преобразования после «*montre*» стало создание более стабильных единств — компаний (или *bandes*). Однако наиболее существенный рывок в этом направлении был сделан Карлом V, при котором начался 10-летний период открытой войны (1369—1380) с перерывом в 21 месяц, имевшей целью аннулировать тяжелые последствия мира в Бретиньи.

Ломая старую структуру военных единиц, неравных по числу бойцов, в состав которых входили и сеньориальные дружины, ордонансами 16 декабря 1373 и 13 января

1374 г. компании были реорганизованы в подразделения из 100 рыцарей, в свою очередь рассредоточенные в 10 единиц—копий (*lances*). Введение стабильного низшего звена, известного во французской армии уже с 50-х годов XIV в., означало попытку организационного оформления взаимосвязи кавалерии и пешего ополчения, имевшую к тому же военно-тактическое значение¹⁴. Карл V активно содействовал этому, организовав в конце 60-х годов обучение стрельбе из лука горожан и жителей деревни. Король брал под свой контроль назначение капитанов, которые должны были действовать уже в составе региональных объединений (*batailles*) под командованием более крупных военачальников — лейтенантов¹⁵.

Меры дисциплинарного характера обеспечивались действиями военной юстиции и администрации, слабо развитыми в первые десятилетия войны¹⁶. Военный суд для тех, кому платил король, осуществлялся обычно военным руководством — маршалами (их было 2), а с 1321 г. — коннетаблем, адмиралом флота, мэтром арбалетчиков, лейтенантами короля и шателенами. Военная юстиция неизбежно приобретает некоторую автономию и вступает в противоречие с ординарными судами¹⁷, будучи осложнена внутренними противоречиями собственных судебных инстанций.

Реформы Карла V и результаты войны, таким образом, дают основания констатировать наличие общности военных людей, повинующихся королю. С третьей четверти XIV в. появилось выражение «люди войны», «жандармы» (*gens de guerre, gens d'armes*), отразившее наличие специфической профессиональной группы в обществе и изменения в характере военных сил общества. Создаются постоянные компании, находящиеся в непосредственном распоряжении короля. Такой была компания Бертрана Дюгеклена, рыцаря из Бретани, ставшего в 1370 г. коннетаблем Франции, или компании Луи де Сансерра, Оливье де Клиссона, Овена Галла и некоторых других. Исследователи называют армию Карла V армией-победительницей, неким эскизом постоянной армии середины XV в. Между 1369 и 1380 гг., даже во время перемирий, Карл V содержал примерно 4000 бойцов. Монарх располагал суммой только военного сольда (без финансов, предназначенных на артиллерию и укрепления) примерно в 825 000 турецких ливров, что от общего дохода казны в 1 900 000 ливров составляло менее поло-

вины. Однако не только эти скромные по сравнению со временем Карла VII или Карла VIII цифры позволяют считать армию Карла V только прообразом постоянной армии.

Ф. Контамин, этот крупнейший специалист по истории французской армии, великолепно показавший сложность процесса ее становления и глубинную связь с социальной структурой общества, считает тем не менее возможным поставить решение вопроса о постоянной армии в зависимость от субъективного фактора. Он имеет в виду позицию монархии, которая, по его мнению, только к середине XV в., уже в условиях, когда угроза войны не была такой реальной, как в конце XIV или начале XV в., перестала считать войну делом случая¹⁸. «Собственно экономические причины», пишет Ф. Контамин, не объясняют положения, так как Франция Карла VI могла так же хорошо, как при Карле VII, содержать несколько тысяч бойцов. Но радикальная реорганизация армии зависела не от сиюминутного расклада финансов монархии, а от оформления налоговой системы как источника постоянных ее доходов. Экономические причины к тому же было бы невозможно свести только к состоянию финансов или рассматривать в отрыве от социальных сдвигов, т. е. изменений в расстановке сил в стране и в среде военного сословия в первую очередь. Наконец, только на определенном уровне централизации страны монархия могла приблизиться к монопольному положению в решении вопросов о войне и мире.

Неустойчивость мер, предпринятых Карлом V, обнаружило последующее отступление от них монархии. В правление Карла VI монархия вновь обратилась к феодальной службе дворянства, сержантов городов и деревень (в 1382, 1383, 1385, 1410, 1412, 1415 гг.), в том числе бану и арьер-бану в 1410, 1418, 1424 гг., предпочтя их организованной оплачиваемой армии 70—80-х годов, с принципами единоначалия и продуманной тактикой.

В позорной для французов битве при Азенкуре 1415 г. превалировало феодальное ополчение, организованное по принципу феодальной иерархии. И хотя состояние военной организации послужило причиной поражения на этом этапе войны, само это состояние, как и поражение, были вызваны общей ситуацией в стране. Она характеризовалась резким ослаблением королевской власти, активизацией сил феодальной реакции и обострением внутренних противоречий.

Не менее убедительным показателем сложности процесса формирования армии как постоянной организации и неспособности монархии почти до середины XV в. справиться с этой задачей стали беспорядки в самой армии. Исследователи выделяют периоды, когда действия военных лиц, призванных защитить страну, усугубляли ее опустошение и разорение — как это случилось в 1356—1366 и 1420—1445 гг. Издержки процесса реорганизации военных сил были связаны в первую очередь с переходом к оплачиваемой службе. Это не могло не вызвать появления людей, для которых война служила не только средством существования, но и легкой наживы, а убийство являлось ремеслом. Военная организация такого рода людей не могла существовать в условиях мира, поэтому не случайно апогей компаний авантюристов или бригадов (*Grandes Compagnies; tourbes d'aventuriers*), т. е. оплачиваемой армии, в которой к дворянству данной страны подключены наемники, профессиональные воины иностранного происхождения, приходится на время после мира в Бретини¹⁹.

Выкуп и добыча, включенные в практику средневековой войны и связанные с идеей максимальной пользы для каждого участника, способствовали этому настрою. Они были оправданы теолого-каноническими положениями, согласно которым справедливая война давала право на разрушения и добычу для компенсации неизбежных потерь ее участников²⁰. Светская власть в свою очередь выдвигала соображения о целях справедливой войны, которые она видела в необходимости разрушения экономической силы противника. Единственными пределами этой практики служили требования дисциплины и страх божьей кары, которые явились основанием для выработки меры дележа как коллективного дела компании. В соответствии с традиционно корпоративным средневековым типом общности военная компания имела общую кассу, пополняемую за счет добычи для последующего возможного выкупа своих товарищей из плена.

Следует, однако, иметь в виду, что грабительская практика объяснялась не столько психологией участников компаний, сколько нерегулярной выплатой солда и системой снабжения, предполагающей натуральные поставки населения, которые оборачивались откровенным грабежом. Поэтому в составе бригадов были не только чужеземные войска, оккупировавшие территорию Франции, но и воины французской армии. В попытках

предотвратить грабеж или предупредить вступление войск **на** ту или иную территорию жители отдельных областей, **а** иногда и центральная власть или церковь были вынуждены платить откупные деньги. Правительство неоднократно предпринимало усилия для того, чтобы вывести опасные элементы за пределы страны²¹, а также наказывало капитанов и членов банд, виновных в наиболее тяжких преступлениях. Ситуация усугублялась именно тем обстоятельством, что королевская власть не контролировала все военные силы, поэтому единственным выходом должно было явиться создание постоянной армии²².

СТРУКТУРА И СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ АРМИИ В XIV— НАЧАЛЕ XV ВЕКА

Дворянство в армии. Было бы неправильным думать, что изменения в армии являлись только результатом усилий и политики центральной власти. Не сбрасывая со счетов намерений монархии с помощью армии укрепить свое положение, следует признать, что фоном для их реализации служили сдвиги в социальной эволюции дворянства, отразившие определенный этап в развитии феодального общества, осложненный к тому же трудностями Столетней войны и демографическими изменениями.

Самый выкуп военных обязанностей, как и заинтересованность дворянства в оплачиваемой военной службе, приобретают в условиях процесса имущественного расслоения дворянства и обеднения значительной его части выраженные формы. Исследователи отмечают дробление к концу XIII в. патримониальных владений и ослабление в связи с этим части господствующего класса. Ю. Л. Бессмертный, анализируя процесс имущественного расслоения в районах Льежа и Брабанта, пишет о десятикратном разрыве между нижними границами средних фьефов и верхними границами мелких. Сеньоры, владевшие мелкими фьефами, которые можно было бы сопоставить по величине с крупным мансом, составляли на рубеже XIII—XIV вв. в Брабанте не менее 40%, а в Льеже — 72% общего числа сеньоров. В Льежском епископстве не менее 1/3 феодалов имели ежегодный доход, уступавший в 60 раз доходу богатых сеньоров²³.

Объясняя эти процессы для XII—XIII вв., исследователи пишут об исчерпании земельного фонда, что стиму-

лировало правовые установления майората в наследственном праве. Последнее обстоятельство не освобождало общество от наиболее воинственного, агрессивного и наименее устойчивого элемента господствующего класса — малоимущего дворянства, не всегда способного обзавестись вооружением и приобрести звание рыцаря²⁴. В XIV—XV вв. этому способствовали и другие причины. К ним следует отнести в первую очередь неспособность французского дворянства приспособиться к экономическим новшествам и демографическим изменениям, которые принесли с собой XIV и XV столетия²⁵. Исследователи отмечают падение сеньориальных доходов на 1/2 и даже на ²/3 или 3/4 между началом XIV — серединой XV в. в Нормандии²⁶. Этому способствовало сокращение домениальной запашки и особенно падение цен на зерно по сравнению с ценами на ремесленную продукцию и заработной платой сельскохозяйственных работников в условиях крайнего недостатка рабочих рук²⁷.

Экономическая неустойчивость в разных районах проявлялась по-разному в зависимости от места (в наиболее яркой форме в богатых северных районах страны, бывших главным театром военных действий) и времени. Общее падение сеньориальных доходов начинается с первой эпидемией чумы (40-е годы XIV в.) и продолжается до конца XIV в., вначале медленными темпами с перерывами на некоторый подъем после 1360 г., затем быстрее, особенно в начале XV в., — до нового равновесия с общим более низким уровнем ко второй четверти XV в.

На экономическое положение дворянства оказывали влияние и явления социально-политического характера — процесс личного освобождения крестьян и активизации сельских коммун, а также усиление королевской власти, сопровождаемое оформлением государственных поборов и общим возрастанием требований военной службы.

Возникла проблема экипировки для обедневших дворян. В Северной Франции в конце XII в. нижняя граница земельного дохода для сеньора, занятого на военной службе, была установлена на уровне 60 ливров в год, в XIII в. дорогостоящее снаряжение, например, имели лишь владельцы фьефов с доходом не менее чем со 100 мансов.

В середине XIV в. рыцарь, идущий на военную службу в сопровождении 3—4 оруженосцев, должен был иметь в среднем 6 лошадей. Однако документ 1353 г. по

Дофине дает такую статистику: только 10 рыцарей имели 6 лошадей, 52 — 2 лошади, 36 — 1 лошадь. В 1352 г. для осады замка Гратед перед графом Бургундским предстали для смотра рыцари, из которых 13 имели по 2 лошади, 5 рыцарей — по 3, а 1 рыцарь — 4 лошади. Штаты Лангедока в 1356 г. уже снижают норму: каждый рыцарь должен был иметь 2 лошади²⁸.

Обеднение части дворянства вызвало внутренние социальные изменения в его среде, крайне затруднив приобретение рыцарского звания. Процедура вступления в рыцари (*adoubement*) затягивалась на многие годы или вообще оказывалась не под силу многим дворянам, которые служили в качестве оруженосцев или пажей. В XIII в. тот из сыновей рыцаря, который имел менее 200 ливров годового дохода, не получал рыцарского звания. Так статус рыцарства, в предшествующий период инкорпорировавший дворянство в группу шевалье, теперь разъединяет его, осложняя имущественную и социальную структуру класса²⁹.

Малоимущее дворянство иногда справлялось с этими трудностями благодаря королевским милостям, в частности акциям группового посвящения при церемонии сакрализации короля или в связи с каким-либо другим важным событием. И хотя эти процедуры ничего не стоили бенефициариям, часто сопровождаясь дарами предметов экипировки, все-таки требовались наследственный статус и достаточный имущественный уровень.

Социальная эволюция класса феодалов в условиях товарно-денежных отношений привела в XIII в. к ослаблению монопольной роли земли в вассальных отношениях, превратив благодаря фьеф-ренте вассальный договор в денежную сделку. Фьеф-рента стала на какое-то время средством для монарха решить одновременно военную и социальную проблему, поскольку она способствовала перестройке вассальной системы в его пользу. Однако установление прямой вассальной связи не могло разрешить потребностей монархии в военных кадрах.

Эффективнее для монархии оказался поиск на путях оплачиваемой службы и скорее в обход вассалитета внутри класса. В этой связи в XIV в. падает значение фьеф-ренты, поскольку она дорого стоила монарху и требовала дополнительной платы за службу, сверх положенной по вассальным обязательствам. В XIV и особенно в XV в. фьеф-ренту сменяет система контрактов. Благодаря им отношения внутри господствующего класса

перестают быть связанными не только с землей, как в случае с фьеф-рентой, но и с наследованием и процедурой принесения вассальной присяги. При этом в своих поисках прямых контактов с вассалами второй и третьей руки королевская власть использует и старый, и новый вид связей. В 1351—1352 гг. Иоанн Добрый основал рыцарский орден Звезды — мера, которая была не столько игрой в рыцарскую честь, вассалитет и куртуазность, сколько политическим ходом с целью поддержать рыцарство после поражения в битве при Креси и привязать его к трону. Аналогичной по политическим и социальным целям, но направленной главным образом на союз с крупными феодалами, явилась акция Людовика XI, который создает в 1469 г. новый рыцарский орден св. Михаила. В сложившейся ситуации важно подчеркнуть и другое: благодаря отмеченным сдвигам в экономическом и социальном положении дворянства монархия вправе была ожидать ответной готовности и заинтересованности дворян нести государственную военную службу.

В армии в первой трети XIV — начале XV в. было два рода войск — кавалерия тяжеловооруженных воинов и стрелки, по преимуществу пешие воины. Последние могли составлять примерно 1/2 состава армии. Тем не менее главной военной силой по-прежнему оставалась кавалерия. В кавалерии служили в основном дворяне. Монархия, меняя способы рекрутирования армии и стремясь при этом поставить на службу себе наиболее подготовленное в военном отношении сословие, тем самым сохраняла его доминирующее военное и политическое положение. В этом направлении действовал устанавливаемый в XIV и начале XV в. королевской властью принцип налогового исключения для дворянства, только в случае если оно платило налог кровью. Любопытен в этом плане ордонанс Карла V от 13 января 1374 г., который предписывал рекрутировать капитанов и состав компании не из людей низкого положения и, следовательно, плохо вооруженных, которые бы грабили города и деревни, но из людей «достойного положения»³⁰.

Переход к службе по контракту не мог не привести к изменениям национального состава армии. Эти изменения затронули в первую очередь низший состав стрелков. Численность иностранцев в кавалерии оставалась незначительной, что говорит о степени привлечения французского дворянства к королевской службе. Дворян-

ство служило тем более охотно, по замечанию Ф. Контамина, чем ближе к нему был театр военных действий.

Оформление контрактной армии облегчало возможность некоторой демократизации состава кавалерии, что отмечает Ф. Контамин. Однако было бы неправильным объяснять проникновение выходцев из горожан в состав кавалерии исключительно действием имущественного фактора. Скорее это результат больших потерь среди рыцарства, а также активизации общественных сил в период войны и тяжелых поражений, получившей отражение в деятельности Генеральных и провинциальных штатов. Сословия на собрании в Оверни в 1356 г. после поражения при Пуатье, идя навстречу пожеланиям богатых горожан, санкционируют право последних экипироваться в кавалерию, чтобы служить за тот же сольд, что и оруженосцы. Вероятно, под давлением обстоятельств и общественных сил, в первую очередь городского сословия, ордонанс 14 мая 1358 г. предписывал, чтобы люди добрых городов, способные к военному ремеслу, были приняты в кавалерию и запрещал капитанам отстранять их по причине незнатного происхождения³¹.

Тем не менее нет оснований утверждать, что служба в армии открывала дорогу к привилегированному статусу. Участие горожан в военных акциях ограничивалось преимущественно службой в городском ополчении или в королевской армии на положении лиц второй категории — стрелков и военной прислуги.

Любопытно в связи с этим посмотреть, как действовала система феодальной иерархии в составе кавалерии. Право шевалье-баннере созывать ополчение, казалось, объединяло аристократические круги дворянства — принцев, герцогов, графов и баронов с массой нетитулованного рыцарства. Однако это право, действуя в первую очередь в системе феодального ополчения, не устраняло внутрисоциального деления класса, проявлявшегося в структуре ополчения и в организации военного руководства, которые определялись имущественным и политическим положением феодалов³². Более того, оно подчеркивало отчуждение той группы класса феодалов, которая состояла из простых рыцарей-башелье, и особенно оруженосцев, не получивших звания рыцаря.

Принципы феодальной иерархии сохранялись в контрактной армии, включавшей в свой состав, как известно, и феодальное ополчение. Однако в этом случае контро-

лирующая роль монархии существенно видоизменяла их. Свидетельством тому служит организация армии при Карле V.

Введением единообразных военных единиц в виде компаний (*routes*) и копий монархия отошла от принципов феодального ополчения в армии, организационно оформив новый вид связи центральной власти с дворянством. Тем не менее размер оплаты носил ярко выраженный классовый характер и разнился в зависимости не только от военной должности, но и социального положения в феодальной иерархии: рыцарь имел двойной сольд оруженосца, а сержант пешего ополчения получал в 2—4 раза меньше оруженосца.

Принципы социальной иерархии доминировали в высшем военном командовании, ведущая роль в котором принадлежала наиболее крупным сеньорам. В 1339—1340 гг. лейтенантом короля в Гаскони, Сэнтонже и Лангедоке являлся Жан де Мариньи, епископ Бове; генеральными капитанами были Пьер де ля Палю, сир де Варамбон, сенешаль Тулузы; Пайен де Майи, сенешаль, капитан и губернатор Перигора; Шарль д'Эспань, граф Ангулема и коннетабль Франции, лейтенант короля в Пикардии. И в армии Карла V крупные сеньоры составляли высшее военное командование (маршалы де Блэнвиль и де Сансерр, адмирал Жан де Вьенн, мэтр арбалетчиков Ги де Шатийон); средние и мелкие дворяне занимали должности капитанов. Любопытные наблюдения позволяют сделать анализ списка 40 капитанов и руководителей, находившихся на королевской службе в период с 1369 по 1380 г. с подробными «послужными» биографиями, помещенного в Приложении книги Ф. Контамина (Приложение II). Капитанами городов или укрепленных линий с гарнизоном в несколько десятков человек были 7 лиц, из которых 4 рыцаря, 3 оруженосца, 1 сенешаль, 1 капеллан короля, т. е. представители среднего и мелкого дворянства. Из 19 капитанов компаний 4 были оруженосцы, 10 — рыцари, 4 — рыцари-баннере и 1 граф (Ангерран VII де Куси). Еще более элитарным был состав лейтенантов короля или капитанов регионального масштаба: из 14 человек двое имели ранг принцев (герцог Берри, получавший 2000 франков в месяц за издержки в войне, и герцог Бурбон), 9 — рыцарей-баннере, двое — рыцарей-шевалье, 1 — оруженосец. Два капитана вели свое происхождение от буржуа, став затем шевалье-баннере. Таким образом, в крупные вое-

начальники редко попадали простые рыцари, как это случилось в 1387 г., когда Гильом де Найяк и Гоше де Пассак командовали силами в 2000 человек кавалерии в Кастилии. Правда, исследователи отмечают некоторое снижение аристократизма генерального штаба Карла V по сравнению со временем Филиппа VI или Иоанна Доброго. С 70-х годов XIV в. в командование войсками, куда входили представители высоких фамилий, могли попасть и оруженосцы.

В капитаны, стрелков-лучников, которые играли подчиненную роль, попадали люди различного социального происхождения, но в целом дворяне составляли 3/4 командного состава армии. Военная служба, очевидно, давала возможность восхождения по социальной лестнице — от оруженосца к шевалье и далее к шевалье-баннере.

Многие военачальники, судя по биографии, несли не только военную, но и государственную службу, что говорит о близости их королю (капитан и бальи или сенешаль; капитан и советник). О некотором расхождении социальных функций и сословного деления свидетельствуют случаи участия клириков в войне, осуждаемые Римской церковью. Не ограничивая себя функциями священнослужителей, что было вполне естественно, духовенство выполняло административную работу в армии и участвовало в защите городов, аббатств и крепостей³³. Особый интерес представляет военная служба высших церковных чинов в качестве шевалье-баннере, т. е. в окружении большей или меньшей группы бойцов. Тем не менее, исследователи отмечают тенденцию к постепенному отстранению высшего духовенства от руководства и прямого участия в военных операциях. Аналогичные попытки по ограничению влияния церковников предпринимались, как известно, и в государственном аппарате (суд, финансы, администрация).

Несомненно, дворянство с помощью монархии пыталось удержать свою монополию в отправлении военной функции. Насколько ему удалось это в изучаемый период, может показать анализ низшего состава армии — стрелков и роли народного ополчения, к которому мы непосредственно переходим.

Пешие воины в составе армии. Ополчение города и деревни. Выше было отмечено, что хотя рыцарская кавалерия являлась основной боевой силой средневековой армии, она никогда не состояла только из феодалов,

включая пеших воинов из городского и сельского населения. Военная средневековая тактика, рассчитанная на длительную осаду крепостей, требовала работ по укреплению и починке стен, рытью рвов и по охране укрепленных пунктов. В организации обороны большую роль играли города, действующие как военные опорные и укрепленные центры, укрывающие в своих стенах окрестное население и являющиеся объектом тактических и стратегических притязаний противника. Города поэтому были обязаны выставять для своей охраны городскую милицию.

В период Столетней войны, которая вызвала широкое применение в войне таких видов оружия, как лук и арбалет, вооруженные пешие воины (*gens a pied*) активнее включаются в армейские подразделения в качестве боевой силы. Их роль возросла в связи с введением артиллерии, которая требовала специальных земляных работ и обслуживания. Таким образом, численность пешего контингента воинов и военной прислуги в целом росла. Иными словами, в период развитого феодализма была поколеблена в известном смысле монополия феодалов на несение военной службы, что отразило не только прогресс в экономической эволюции общества, но и усложнение его социальной структуры.

Однако тенденция возрастающего значения пешего контингента реализовывалась в отдельные периоды по-разному и отнюдь не прямолинейно. Для неблагородного населения могли быть применены как созыв арьер-бана, так и выкуп военной повинности для содержания конных и пеших воинов. Но соотношение выкупа и использование живой силы при этом могло меняться. Так, в начале Столетней войны монархия предпочитала живую силу городских и сельских общин в качестве сержантов армии. Их численность значительно превышала состав кавалерии: в 1339 г. на 10 000 конных воинов приходилось 40 000 пеших. Военные поражения 40—50-х годов XIV в. привели к сокращению пешего контингента, хотя определенную часть его продолжали использовать в качестве арбалетчиков, сержантов и павизьеров (тех, кто ставил палатки). Состав пеших воинов был усилен за счет привлечения к службе хорошо обученных иностранных наемников (швейцарцев и генуэзцев). Неуверенность правительства в использовании военных услуг ротюрье объяснялась, в частности, прочно укоренившимся в обществе и особенно в рыцарской среде предубеж-

дением против «трусливых» горожан и крестьян, способных убивать только кур. Этот контингент действительно необходимо было обучить профессиональному обращению с луком и более усовершенствованным оружием — арбалетом.

Хронисты Фруассар и Монстреле отразили общественное мнение, оценивая недворян в армии как балласт. Причиной этого было не только отсутствие профессиональной подготовки, но и некоторые тактические особенности использования пеших воинов в ходе военных действий. Поскольку на войне в средневековье придерживались «оборонительной тактики», пехота в бою была неманевренной, «должна была стоять», по выражению автора военного трактата «Le Jouvencel» Эгидия. Это усложняло взаимодействие пеших воинов с кавалерией. Кроме того, пешие воины не образовывали тактической единицы бойцов, объединенных единой волей в оборонительную и наступательную силу, подобную швейцарцам. Иными словами, они не были оперативны и не приобрели значения самостоятельной военной силы.

Поражения пешего ополчения — фламандцев в 1304 г. при Монт-ан-Певель, Касселе в 1328 и Роозебеке в 1382 г., казалось, служили для французов более поучительными примерами, чем его победа в 1302 г. при Куртре, оцененная ими как случайный успех. С трудом усваивался английский опыт лучников и арбалетчиков, поражавших врага с расстояния 100 и 300 метров. Тем не менее, не без влияния англичан французы пытаются освоить прием спешивания рыцарей, который кладет начало практике взаимодействия кавалерии и пеших воинов. Это способствовало укреплению оборонительных позиций армии и имело большой психологический эффект.

Однако в битве при Креси в 1346 г. подобная попытка, реализованная в условиях плохо обученного феодалного ополчения и неподвижно стоявших стрелков, окончилась бесславно. Французские арбалетчики были потоптаны собственной конницей при ее отступлении. Исследователи отмечают колоссальные человеческие потери — 1,5 тыс. рыцарей и более 10 тыс. пехоты³⁴.

Летом 1347 г. возглавляемая Филиппом VI французская армия, не решившись вступить в бой с измученной английской армией и не добившись мирных переговоров, позорно ушла, оставив без помощи жителей Кале, кото-

рые были вынуждены сдаться после 12-месячной мужественной обороны.

Еще более ярким примером непригодности французской военной организации и изжившей себя тактики, которая исходила из принципа, что война — дело знати и ее феодальных дружин, явилась битва при Пуатье в 1356 г. Ополчение горожан, могущих помочь армии, было отослано по решению короля, которое автор Хроники первых четырех Валуа назвал безумным. Прием спешивания оказался слепым подражанием английской тактики без учета конкретных условий, в которых развернулся бой. Спешившиеся французские рыцари, действуя против укрепившихся на возвышенности англичан, вязли в топкой земле и не только не смогли обеспечить военный натиск, но и поддержку в обороне пешим стрелкам.

Тем не менее именно этим печальным уроком французская армия была обязана тому, что с середины XIV в. монархия поощряет создание компаний арбалетчиков и лучников для регулярной службы с правом освобождения их от налогов, а также организует профессиональное обучение горожан и сельских жителей³⁵.

Разрыв в оплате за военную службу между контингентом пеших воинов и оруженосцем, т. е. дворянином, не имевшим рыцарского звания, сокращается после 1351 г. до двукратного.

САМООБОРОНА НАРОДНЫХ МАСС В СТОЛЕТНЕЙ ВОЙНЕ

Отмеченные выше особенности средневековой войны, которые проявились с такой ясностью в событиях Столетней войны, делали естественной практику самообороны и расчет правительства на нее. Это обстоятельство в ряду других причин объясняет, почему война была особенно дорогостоящей и тяжелой не для монарха, но для широких народных масс. Любопытно, что исследователи, занимающиеся историей армии, как правило, не касаются проблемы самообороны, оставляя ее изучение историкам войны, в частности Столетней. Не избежал этого просчета, на наш взгляд, и наиболее крупный специалист по истории французской армии Ф. Контамин. Исключение в литературе по армии, пожалуй, делается для городского ополчения, которое в силу специфики

городов как укрепленных поселений непосредственно соприкасается с армией как регулярным и более или менее постоянным организмом.

Тем не менее история самообороны или народного сопротивления, взятая во всей ее полноте, т. е. применительно к городскому и сельскому населению, тесным образом связана с процессом формирования постоянной армии. Прежде всего потому, что сама армия на длительном отрезке времени оказывается слитой с ополчением (в форме арьер-бана). Гораздо существеннее, однако, то, что народная самооборона и сопротивление сыграли роль самостоятельного фактора в событиях Столетней войны, оказав прямое воздействие на структуру и тактику будущей постоянной армии. И наконец, столь же существенно то обстоятельство, что проблема самообороны, как и армии, выходит за рамки исключительно военной истории, являясь собственно социальной историей французского общества.

Выше отмечалось военно-стратегическое значение городов в условиях средневековой войны и определившиеся попытки монархии использовать силу городских ополчений, поставив ее под свой контроль.

С 1317 г. Филипп Длинный просит города участвовать в расходах на содержание капитана для общественного порядка. В пользу городов и часто по их инициативе монархия санкционирует отчисления от налогов на укрепление городов и содержание в них гарнизонов, разрешает взимать специальные налоги внутри города для военных нужд, предписывает вооружать каждого жителя по его возможностям, определяет статус города как закрытого или открытого и т. д.

Города, участвовавшие в военных действиях, должны были поставлять людей пеших и конных, обученных сержантов — арбалетчиков и лучников, а также повозки, отвечая на призыв короля подобно владельцам фьефов³⁶.

Правительство уделяло большое внимание фортификационным работам в городе и стремилось подчинить города своему контролю. Таким образом, Столетняя война, дав новый стимул военному союзу городов с королевской властью, одновременно активизировала внутригородскую жизнь.

Исследователи считают возможным говорить о фортификационном феномене французских городов с середины XIV в. Документы свидетельствуют об увеличении артиллерии в городских арсеналах, активизации контро-

ля за состоянием крепостей, стен, ворот в городах, запасов зерна в них и сооружением укреплений^{7/}.

Фортификационные работы стимулировали финансовую деятельность муниципальных органов: внутригородские налоги, специальные статьи расходов, которые отягощают городскую казну, — на укрепления, артиллерию, плату гарнизонам и т. д. Расходы эти менялись в зависимости от военной ситуации и общего состояния оборонительных укреплений, поэтому именно в середине XIV в. для большинства городов фортификационные отчисления особенно значительны.

Эти финансовые вклады в городские укрепления дали ощутимый результат в условиях оккупации значительной части территории Франции и развертывания народно-освободительной борьбы уже на начальном этапе войны, когда англичане начали «увязать» в Северной Франции летом и осенью 1358—1359 гг. Выше упоминалось о 12-месячной обороне жителей Кале в 1346—1347 гг., а также об упорном сопротивлении горожан Реймса, которое сорвало попытки английского короля короноваться французской короной осенью 1359 г. Ожесточенное сопротивление оказали жители Амьена и Руана, боровшиеся вместе с рыцарями за каждое укрепление своего города. Не вызывает сомнения правильность мнения о том, что растущая сила народного сопротивления не только побудила англичан пойти на переговоры, но и принять условия отнюдь не триумфального для них мира в Бретиньи, которые явились отступлением от притязаний, выдвинутых ими в Лондонском договоре 1359 г. (1/2 территорий Франции и независимость от французской короны)³⁸.

Любопытно, что монархия уже в ордонансе 28 декабря 1355 г. признала, что не может справиться с врагом без помощи наемной силы из иностранцев и общих усилий населения по самообороне, организованной по звуку колокола не только в городах, но и в сельской местности³⁹.

В 1359—1360 гг. в районе Пикардии и Нормандии действовали отряды крестьян и горожан, которые помогали войскам дофина и иногда вели самостоятельные военные операции. Особый интерес представляют действия крестьян. Любопытные свидетельства содержатся в Хронике Жана де Венетта, где сообщается о борьбе крестьян в сентябре 1358 г. в местечке Лонгюей близ Компьеня в диоцезе Бове. Испросив разрешение регента и

аббата местного монастыря, жители нескольких местечек вооружились, запаслись едой и выбрали капитана — Гильома Лялю, имевшего при себе в качестве слуги крестьянина удивительной физической силы и роста, которого звали Большой Ферре.

Англичане натолкнулись на самоотверженное сопротивление этих тружеников. Хронист сообщает, что они сражались так, будто молотили зерно⁴⁰. Было убито более 40 англичан, и Большой Ферре совершил геройский поступок, пробившись сквозь гущу врагов и выбросив штандарт англичан в ров. Другой хронист сообщает о помощи «добрых крестьян из окрестных деревень» при осаде французами занятого англичанами города Бутанкура в Нормандии, когда они засыпали ров и сделали настил для беспрепятственного марша кавалерии⁴¹.

Освободительная борьба с англичанами усилилась после фактического возобновления войны в 1363 г. в районе Нормандии, на Луаре и в Бретани. Уже в 70-е годы можно говорить о срыве планов быстрой опустошительной войны благодаря действиям народного ополчения, в котором решающая роль принадлежала городам. Так народное сопротивление на территории от Кале до Бордо, по которой сокрушительным рейдом прошли англичане, руководимые герцогом Ланкастерским, было столь велико, что англичане не только не сумели захватить здесь ни одного города, но и потеряли уже бывшие под их властью города Аквитании (кроме Бордо и Байонны).

В имеющейся в нашем распоряжении литературе, и прежде всего отечественной, убедительно показано значение народного сопротивления как решающего фактора в войне: оно влияло на позицию правительства, на изменение характера самой войны, поскольку прочерчивало ее освободительные задачи, на изменение в тактике, так как отходило от принципов рыцарской войны, где представления о боевой чести переплетались с жадностью материального обогащения за счет выкупа или грабежа⁴². Патриотическое значение освободительной народной борьбы становится особенно очевидным в обстановке феодальной уособицы арманьяков и бургиньонов.

Новый подъем движения в связи с активизацией военных действий англичан в 1405 г. в районе Бретани и Бреста соединился с протестом в среде крестьянских масс «против всех партий» за короля. Городское восстание кабошьенов в Париже в 1413 г. также шло под зна-

ком борьбы против феодальных группировок. Организуя сопротивление англичанам в 1415 г., монархия вновь обращается к «добрым горожанам», призывая их привести в боевую готовность укрепления городов и городские ополчения. Хроника Монстреле сообщает о нападении крестьян под руководством рыцаря на обоз англичан в момент битвы при Азенкуре — эпизод, который многие исследователи вслед за хронистом считают возможным расценивать как факт, предвосхитивший возможность сознательного соединения действий регулярной армии и партизанской войны⁴³.

Не случайно в интерпретации хронистов обычные акции по снабжению армии продовольствием нередко приобретают патриотическую окраску и значительность. Так, автор «Дневника парижского буржуа» с пафосом рассказал о помощи осажденному Орлеану парижан, пославших туда 300 повозок муки и взявших на себя издержки по перевозке. Поражение при Азенкуре, нежелание крупных феодалов, и прежде всего герцога Бургундского, активизировать войну с англичанами, абсентеизм основной массы феодалов, занятых распрями, — все это вызывало в общественном мнении представление о феодалах как силе, не способной защитить свою страну, и подготовило подъем народно-освободительного движения на переломном этапе войны, выражением которого стал подвиг Жанны д'Арк.

Одним из существенных вопросов, которые естественно возникают при анализе движения народного сопротивления, является вопрос о причинах его размаха и его природе. Нельзя не согласиться при этом с распространенным в литературе мнением, что источником движения являлась опустошительная тактика врага и связанные с ней высокие задачи сохранения государственности, осознанные в известной мере частью общества в связи с трагическим для Франции развитием событий.

Действительно, многочисленные данные свидетельствуют о бедствиях, в которые были ввергнуты народные массы из-за войны: убийства мирного населения, грабежи имущества, гибель урожая, нарушение мирного труда земледельца⁴⁴. Народные массы брались за оружие, чтобы защитить свои дома и жизнь. Автор хроники Сен-Дени прекрасно передает непосредственность и естественность реакции народных масс, когда описывает, как в 1405 г. при высадке англичан в районе Бреста крестьяне, «доведенные до крайности, вооружились палками, ар-

балетами и луками, чтобы отразить силу силой, пока не подойдут их защитники».

Следует при этом иметь в виду, что акции самообороны вызвали ответную реакцию жестокости со стороны англичан. Карательные меры были рассчитаны на полное разорение областей с непокорными жителями⁴⁵.

Вряд ли, однако, оценивая истоки и масштаб народного сопротивления, можно признать исчерпывающими приведенные объяснения. Они лежат в сфере явлений политического порядка, подобно попыткам монархии стимулировать самооборону из-за отсутствия постоянной армии. Нельзя не отметить также влияние такого фактора, как формирование этнического единства страны, который требует, однако, специального рассмотрения. В данном исследовании нам хотелось бы поставить решение этого вопроса в социальный контекст того этапа в развитии общества, на котором происходил конфликт. Подобный подход позволяет выделить самый факт оформления сословий, заметной активизации их политической жизни и известной политизации сознания. Этот процесс, имевший широкое развитие как в среде городского, так и сельского населения, получил дополнительный колоссальный импульс в условиях Столетней войны. Вся самооборона народных масс, как и попытки правительства организовать ее, шли через использование практики и опыта общинных (в деревне) или корпоративных (в городе) форм жизни.

Городское сословие Франции, вступившее в войну, уже имело за плечами почти полувековую историю политического признания в масштабах государства в лице своих представителей на Генеральных штатах. Политика нивелировки политических привилегий городов со стороны королевской власти, как и внутренняя эволюция социальной жизни в городе, лишь трансформировали политический статус сословия. Более того, усилившийся контроль со стороны монархии над городским управлением, не говоря уже о том, что он способствовал консолидации сословия в общегосударственном масштабе, не препятствовал до известных пределов внутригородской муниципальной активности. Задачи военного укрепления городов и самозащиты стимулировали во многих случаях оформление и развитие муниципальных учреждений (в Амбуазе, Анжере, Блуа, Шатодене).

Города, являясь сердцем небольшой территории, в условиях войны расширяли свое политическое влияние

на окрестное сельское население. Активизируются контакты городов с королевской властью на уровне одного города, группы городов в пределах большей или меньшей территории или в масштабах всей страны. Такие контакты находили яркое проявление в отдельных сословных собраниях Лангедойля и Лангедока.

Необходимость защиты, наконец, стимулировала активность внутригородских групп населения в связи с организацией ополчения, подразделявшегося на цеховые или поквартальные единицы. Налоговая политика внутри города также организовывала население под лозунгом общей пользы или общей защиты. К налоговым сборам часто были приобщены духовенство и дворянство.

Самый сбор налогов, проверка готовности к обороне оживили практику выборных лиц, формирующих специальные комиссии. В письмах-патентах 30 марта 1356 г. Иоанн Добрый устанавливал локальные комиссии защиты под общественным контролем: община должна была назначить 6 элю для осуществления инспекции и организации ополчения. Грамоты помилования после восстания Этьена Марселя и Жакерии подтвердили реализацию этого распоряжения. В Туре, например, созывались регулярные собрания, состоявшие в XIV—XV вв. из двух выбранных горожанами лиц — элю, нескольких королевских чиновников военного и судебного ведомства, 3 каноников и нескольких сотен нотаблей города.

Французское крестьянство не добилось прав, аналогичных правам городского сословия, и, следовательно, не смогло достичь такого же уровня политической сознательности и организованности. Однако оно тоже, как отмечалось выше, переживало процесс сословного оформления, который шел через возрождение и последующее укрепление социально-экономических и политических прав и привилегий общины. Для крестьянства Столетняя война также явилась существенным этапом на пути развития и углубления его солидарности.

Организующим исходным началом участия крестьян в войне послужили коммунитас сельских приходов. Их церкви, укрепленные, по словам современников, специально вырытыми рвами, запасами камней и баллист, охраняемые часовыми, служили не только местом укрытия для жителей деревни, но и их сопротивления врагу⁴⁶.

Самооборона крестьян, призванных к участию в войне и взявших в руки оружие, переставала быть делом за-

щиты только своего дома и приобретала высокую цель защиты государства, будучи стимулирована и направляема до известной степени последним. Это обстоятельство имело огромное значение для роста политической сознательности крестьянской массы. Оно безусловно сыграло свою роль, при прочих важных и объективных условиях, в возникновении и развитии Жакерии. Тем более что феодальный класс своей неспособностью к действиям и часто политическим предательством способствовал осознанию крестьянами собственной ответственности и необходимости самостоятельных действий. Реализация задач военной и классовой борьбы к тому же имела общую организационную основу в виде сильной коммуны. Грамоты помилования участникам восстания говорят о переплетении собраний, санкционированных монархией для защиты от внешнего врага, со сходками и заговорами против феодалов собственной страны. Практика выбора капитана в целях военной защиты, осуществляемая под контролем королевских чиновников, почти повторялась восставшими крестьянами, когда они привлекали дворян в качестве военных предводителей и принудительно, как утверждали эти дворяне, просившие милости и прощения у короля, удерживали их на данной должности⁴⁷.

Вероятно, правительство осознавало, что опасно вооружать народные массы, ибо они могли повернуть оружие против своих сеньоров. В парламентских актах за 1343 г. сохранилось дело, возбужденное несколькими сеньорами замка де ля Рок против жителей Ганжа. Последние были оштрафованы и ограничены в правах в связи с конфликтом по случаю использования права рыбной ловли, когда они атаковали замок с помощью арбалетов и пращей, ранив нескольких его обитателей и вынудив других бежать в лес⁴⁸. Можно предполагать поэтому, что колебания правительства по вопросу об использовании пешего ополчения в военных операциях, которое неизбежно было связано с его вооружением и обучением искусству стрельбы, объяснялись не только неудовлетворительными боевыми качествами данного подразделения армии, но и соображениями о внутренней безопасности. Чаще всего монархия предпочитала помощь хорошо организованной и обученной пехоты наемников — швейцарцев или шотландцев.

Классовая позиция монархии и феодалов особенно заметна в их отношении к самообороне, что проявилось

на завершающих фазах войны, когда партизанская борьба приобрела исключительные размеры, в значительной мере предопределив успешный для французов исход многолетнего конфликта.

Обращают на себя внимание в этой связи важная роль городов и городского ополчения в качестве военных и политических союзников Карла VII. Базен сообщает о поддержке ими короля после коронации в Реймсе, упоминая о борьбе за Реймс, Сен-Дени, Шалон, Париж и Санлис. Хронист отмечал, что многие города изгоняли англичан и тогда их брал Карл VII.

На последнем этапе борьбы в Нормандии объектом главных притязаний воюющих сторон являлись города Мант, Руан, Гизор, Верной, Турне, Нефшатель, Кодебек, Дьепп и др. Армия, по утверждению Базена, брала города, имея помощь «на своей земле»⁴⁹. Укрепляя военный и политический союз с городами, монарх специальными актами запретил французской армии в ходе военных действий грабить города и даровал им привилегии, компенсируя разгром, учиненный англичанами. Меры по заселению городов и возрождению в них ремесел составили в этот период специальное направление государственной политики.

Не следует переоценивать степень сознательности горожан, которые в своей политической позиции не были достаточно последовательны. Иногда их непоследовательность можно объяснить объективной ситуацией, например силой врага. После 1420 г. и сдачи Руана Париж, Амьен, Бове, Нуайон, Санлис, Шартр, Сене признали власть английского короля. Иначе выглядит ситуация с городами Гиени в конце войны. Успех военной кампании французского короля в этом районе был связан с его обещанием при взятии Бордо не вводить налоги, что побудило города поддерживать центральную власть. При этом они предпочитали обороняться сами, но не оплачивать то, что может «не потребоваться», т. е. города не хотели содержать постоянную армию. И когда французский король не выполнил обещания относительно налогов, горожане Бордо, по словам Базена, радостно встретили английское войско Тальбота; другие города добровольно сдавались английскому королю⁵⁰. Справедливости ради следует сказать, что идея создания постоянной армии с трудом овладевала обществом. Сам Базен, выступавший со страниц своей хроники с осуждением бесчинств неорганизованных военных сил, отрицал тем не

менее необходимость добиваться дисциплины в рамках постоянной армии.

Яркие примеры освободительной борьбы на этом этапе связаны с деятельностью отрядов крестьян, «желавших», по словам Базена, быть под властью французского короля⁵¹.

Особый интерес представляют события в Нормандии, которая после поражения при Азенкуре была превращена в плацдарм английского господства и стала с конца 20-х годов XV в. главным театром решающих военных действий. Партизанская война здесь не прекращалась и в самые тяжелые годы оккупации (с 1424 г. по лето 1429 г.), после провала заговоров в Руане и Дьеппе с попытками сдать города французским войскам в 1419 г., непосредственно вслед за капитуляцией. Развернувшаяся главным образом в сельской местности, вне городов, партизанская борьба не была только «кустарничной войной», т. е. жизнью партизан в лесу с отдельными военными вылазками и акциями по реквизиции продуктов и оружия. Она носила достаточно организованный характер: партизанские отряды возглавлялись командирами, имена которых сохранились (Гильом Халле, Пьерно Ле Сэж, Рожер Христофль, Гильом де Бреведен, Жаннен де Виллер, Ле Руа де Валескур). Члены отряда были связаны присягой. Они имели солдатское вооружение — пики, шпаги, луки, стрелы, топоры (так называемые норвежские), даже орудия для штурма стен. Жители селений помогали партизанам пищей и одеждой и, подобно партизанам, подвергались в случае захвата казни.

Социальный состав отрядов был смешанным (ремесленники и крестьяне, мелкие судейские чиновники и дворяне, иногда в качестве военных предводителей), но основу составляли люди из народа. Они удерживали под своим контролем деревни, угрожали англичанам в городах и, что особенно важно, держали связь с пограничными французскими гарнизонами. Впоследствии эта связь с регулярным войском выльется в совместные действия, и не только в Нормандии. Источники в частности фиксируют такие попытки контактов в 1428 г., когда французские войска пытались приблизиться к Руану, в области Сонжон, около Бове и Парижа. Партизаны Лионского леса близ Вексена осуществляли связь с регулярными войсками до 1429 г., когда началась собственно освободительная война. Этот опыт готовил то взаимодействие партизанской и регулярной армии, которое послу-

жило важным условием победы. В партизанской борьбе мы находим подтверждение того, что ее размах и глубина были связаны с действием общинной организации. С этой точки зрения представляются бесценными свидетельства Базена, который сообщает как в Нормандии даже англичане пытались использовать эту организацию самообороны для защиты местного населения от грабежей английских бригадов и для борьбы с французской армией. Поэтому в деревнях были восстановлены десятичники, пятидесятники и сотники, народ созывался в ополчение по звуку колокола. Затем, посчитав опасным восстановление общинных свобод, англичане ликвидировали их. Это послужило причиной для восстания в диоцезе Сэ под руководством капитана Венабля, которого после жестокой расправы английской кавалерии над пешими крестьянами по приказу Бедфорда публично казнили в Руане.

Организованный характер носили крестьянские восстания против англичан в 1434—1436 гг. под руководством нескольких дворян в районе Бессен и Валь де Вир, когда армия крестьян в 5000 человек дошла до Каена. Часть их была разбита, часть бежала. Англичане были вынуждены дать амнистию, чтобы крестьяне вернулись обрабатывать землю⁵².

Народно-освободительная борьба не только способствовала изменению характера войны, развитию патриотических настроений в обществе, но и имела непосредственный военный результат. Организованность борьбы и контакты с армией предопределили успех и быстроту военных действий по разгрому англичан. Городки и замки сдавались французскому королю без боя, свидетельствуют источники. Изменение в тактике, которое имело место на завершающем этапе войны, в частности отказ от осады городов и захват их обманом, как и тактика «малых» сражений по преимуществу, стало возможным лишь в результате освободительной борьбы⁵³.

Для действий народных масс была характерна беспощадность к врагу и нежелание вступать с ним в торг. Эти настроения приобретают массовый характер. Рассказывая об атаке на Понтауз, Базен пишет, что армией двигало не желание славы, а ненависть к врагам и желание их истребить.

Следует, однако, подчеркнуть, что союз регулярной армии и народного ополчения не был реализован до конца. Его укреплению мешало, в частности, недоверие мо-

нарха и боязнь измены, как это случилось при взятии Руана. Предложение жителей беспрепятственно ввести короля и французское войско в город, что сделало бы ненужным его осаду, осталось неиспользованным. Особенно красноречива отмеченная Базеном боязнь французских капитанов, что народ изгонит англичан своими силами. По утверждению хрониста, они видели в этом опасность для дворян и Франции, и к тому же лишались возможности предать города разграблению, что было, по его словам, их единственным желанием.

Завершая анализ вопроса об участии народных масс в войне, необходимо подчеркнуть, что освободительное движение выросло из самообороны и могло оказать столь серьезное воздействие на ход Столетней войны благодаря сравнительно высокой степени его организованности, массовости и сознательности. Названные качества, связанные с особенностями социального развития общества, сумела использовать и в известной мере направить французская монархия. Так освободительное движение стало частью государственной политики, в свою очередь корректируя ее.

Другой не менее существенной стороной государственной политики, обеспечившей победу Франции в Столетней войне, были военные реформы Карла VII, положившие начало новой организации армии на длительный период — вплоть до середины XVI в. Их анализ составит содержание следующего раздела работы.

ОРГАНИЗАЦИЯ И СТРУКТУРА ПОСТОЯННОЙ АРМИИ

Реформы Карла VII. В тяжелый период оккупации страны англичанами после битвы при Азенкуре, в условиях гражданской войны и реальной угрозы потери Францией независимости пятнадцатилетний Карл, младший сын Карла VI, бежал из захваченного бургундцами Парижа и в конце 1418 г., опираясь на арманьяков, объявил себя регентом Франции, создав свой Парламент в Пуатье и Счетную палату в Бурже. В обстановке двоевластия, которой Труасский договор 1420 г. придал трагический для Франции характер, он стал необходимой фигурой в борьбе против бургундцев и в целом за единство страны и ее освобождение от англичан. На волне освободительного движения и перелома в войне после победы под Орлеаном, коронавания в Реймсе и договора 1435 г., в котором герцог Бургундский признал Карла VII

королем, реорганизация армии стала возможной. К ней побуждал монархию упадок духа и сил постоянной армии, о котором свидетельствовало поражение при Азенкуре, явная нехватка службы владельцев фьефов в условиях потери значительной территории и гражданских распрей. В 1421 г. Карлу VII приходилось принуждать феодалов к службе под угрозой потери дворянского статуса. На службе короля преобладали волонтеры иностранного происхождения. Задача разгрома англичан диктовала в свою очередь необходимость обеспечения военного превосходства французов. Вместе с тем падение реальной цены жалованья волонтеров осложняло для Карла VII реализацию военных реформ⁵⁴.

В эти трудные годы, однако, был сделан важный шаг в их подготовке. С 1425 г. все воины кавалерии должны были получать одинаковый сольд вне зависимости от их феодального статуса — будь то оруженосец, простой шевалье или шевалье-баннере. Прибавки в жалованьи обеспечивали только командные должности. Эта мера ломала феодальные связи в пользу монарха. Конструктивное значение для будущей армии, в частности для упорядочения ее структуры, слаженности и повышения профессионализма, имел прогресс в применении артиллерии.

Реорганизация армии была проведена в два этапа — ордонансами 1439 г. и 1445 г. В преамбуле ноябрьского ордонанса 1439 г. утверждалось, что меры были продиктованы необходимостью избавить народ от тягот и предприняты с согласия трех сословий.

Принципиально важным в реформе было установление монополии короля на право «двигать войну». Таким образом, длительная борьба в этом вопросе между центральной и локальной властью заканчивалась в пользу первой.

Статьи 32, 33, 37 запрещали сеньорам без разрешения короля иметь собственные крепости и содержать даже небольшое число воинов, облагая для этого население, а также отправляться на войну за пределы королевства под страхом потери дворянских привилегий и конфискации имущества по праву *lese-majeste*. Капитаны должны были давать клятву служить безраздельно только королю, и никому другому. В случае, если этого требовали интересы короля и государства, они должны были защищать их против всех, даже против собственного сеньора, — решение, которое закрепляло и углубляло процесс ломки вассальных связей⁵⁵.

Итак, установление монополии короля в военных вопросах соединялось с менее жестко реализованной монополией на талью, поскольку содержание армии требовало больших сумм. Это резкое ущемление привилегий феодалов послужило толчком к движению Прагерии между 1440—1442 гг., когда принцы крови Шарль Бурбон, Рене Анжу и Жан Алансонский потребовали у короля выбирать капитанов «достаточных» как для короля, так и для сеньоров, а также сохранения их автономии. Карл VII был вынужден пойти на уступки в 1445 г., разрешив содержать компании очень крупным сеньорам, в поддержке которых он нуждался для проведения реформы. Однако и в этом случае решающими оставались санкция и контроль короля.

Из среды военных капитанов в глубокой тайне была отобрана элита—15 человек, в соответствии с установленным числом компаний, чей состав был наилучшим образом экипирован. Каждая из 15 компаний состояла из 100 ланс. Первичная ячейка включала в себя 6 человек: 1 конного воина-жандарма, 2 аршеров и 2 — 3 слуг, а также 5 лошадей. В 1417 г. состав лансы был увеличен на одного жандарма и лошадь. Для облегчения контроля они расквартировывались главным образом по городам, часть сольда должна была выплачиваться натурой с целью предупреждения грабежей. Специальные статьи запрещали грабеж населения, оговаривая защиту зерна, винограда, фруктов, соломы.

В новой армии при выплате жалованья не принимался в расчет феодальный ранг воина, хотя параллельно введению этого правила, как это подмечено Ф. Контамином, возрастала роль пенсий и постепенно увеличивался разрыв между суммами, которые получали капитаны, высший командный состав и обычные бойцы.

Год спустя после ордонанса 1445 г., новая система получила распространение в Лангедоке (500 ланс), к концу века число постоянных ланс увеличивается.

Существенную часть реформы составила попытка создать собственно пехоту—инфантерию. Согласно ордонансу в Монтиль-ле-Тур в апреле 1445 г., затем дополненному в 1448, 1451 и 1460 гг., был установлен режим, при котором группа в 50 очагов в деревне обеспечивала одного аршера⁵⁶. Крестьяне, выделенные на эту службу, освобождались от тальи, от охраны замка сеньора, получали 4 франка в месяц денежного содержания и были обязаны учиться по воскресеньям стрельбе из лука. Каж-

дый месяц они инспектировались правительственной комиссией, 2—3 раза в год устраивался смотр в месте сбора — центре округа с радиусом в 50 лье. Они также находились под командованием капитана.

Таким образом, начиная с 1445 г. документы различают аршеров-слуг и франк-аршеров. Если аршеры-слуги, как и раньше, «придавались» людям кавалерии (4 человека на 1 воина) и в денежной оплате зависели от них (получали сольд короля от дворян кавалерии), то франк-аршеры обрели положение самостоятельного военного подразделения. Эта реформа несомненно отражала изменения, определившиеся в ходе войны, она усилила роль пешего ополчения в связи с развитием военной техники и опытом народно-освободительной борьбы. В 1484 г. каждая компания в 100 ланс должна была иметь 120 франк-аршеров и 80 аршеров-слуг. До 1466 г. их число равнялось примерно 8000 человек. Людовик XI хотел его удвоить, выделив для командования инфантерией 4 генеральных капитанов. Франк-аршеры могли быть использованы и в легкой кавалерии. В 1481 г. им были даны вместо лука и арбалета пика, алебарда и сабли, которыми были экипированы и швейцарцы.

Пехота плохо оправдывала признание ее в качестве самостоятельной части армии. Бегство во время операции по защите моста Шарантон в 1465 г., сдача в плен Карлу Смелому в 1472 г., беспорядочное бегство в 1479 г. при Гинегатте — печальные знаки ее «умения» вести бой. Попытки монархии организовать обучение не сделали аршеров воинами-профессионалами. Их профессиональная слабость и недостаточная спаянность были особенно заметны на марше. В последующей истории радикальные перемены в судьбах инфантерии были связаны с привлечением в нее дворянства в качестве командного состава.

Уже при Карле VII была организована специальная служба инфантерии в гарнизонных войсках (так называемые войска малого ордонанса). Они рассредоточивались по провинции и представляли собой войска «места», которые не должны были двигаться. Плата на этой службе была ниже, чем в компаниях «большого ордонанса». Численность этой категории воинов к концу века возрастает. При необходимости их использовали в качестве мобильной силы⁵⁷. Процесс специализации внутри армии при Карле VII нашел свое отражение в разработке проекта создания корпуса охраны короля «— в

100 ланс и **200** человек прислуги,— который, однако, не был реализован.

В охране короля служили шотландцы в составе 26 жандармов и 78 аршеров. Дворцовую службу в 1471 г. несли 120 дворян. Людовик XI в 1474 г. превратил их в компанию из 100 ланс, экипированных как люди кавалерии⁵⁸. Численность личной охраны, таким образом, увеличенная службой королевской артиллерии, росла как и общая численность армии.

За 11 дней до смерти Людовик XI утвердил счет оплаты компаний за год на 31 декабря 1481 г. — 1 января 1482 г., итог которого составил 735 394 турецких ливров для 19 компаний⁵⁹.

Так была создана и начала существовать, независимо от того, шла ли война, постоянная армия. В 1445 г. по приказу Карла VII чеканится медаль из золота с барельефом всадника с мечом в поднятой руке, сидящего на вздыбленном коне. В надписи на медали горделиво говорилось о победах Карла VII над врагами, под которыми, видимо, подразумевались не только англичане, и об установлении дисциплины в армии.

Необходимость постоянного содержания многочисленной армии создавала проблему не только ее денежного обеспечения, но и снабжения продуктами. Поставки требовались со всего населения, в том числе и с феодалов, так как именно они располагали запасами зерна. Освобождение от этой обязанности могло быть сделано только по экономическим причинам. Тяжесть поставок, естественно, ложилась на сельское и городское население. Беспорядки, связанные с содержанием армии, вызывают специальные меры Карла VII и его преемников, в частности репрессивные. Однако эта проблема остается достаточно острой во второй половине XV в. порождая в обществе мнение о бесполезности постоянной армии, необходимости ее уничтожения, а также оценку ее как орудия тирании.

Социальный состав постоянной армии середины и конца XV в. В социальной характеристике состава постоянной армии можно выделить несколько направлений анализа. Одним из них является анализ личного состава командиров компаний, который обнаруживает глубинную связь его не только с господствующим классом, но и с высшими членами феодальной иерархии. Изменение командного состава на протяжении нескольких десятилетий отразило сдвиги и внутреннюю борьбу в этом

классе, самым непосредственным образом связанную с взаимоотношениями его членов с центральной властью.

После реформы 1445 г. в среде капитанов была значительна прослойка среднего и низшего дворянства, чьи предки действовали в начале Столетней войны наряду с высшим дворянством. Карл VII привлек на службу много новых людей, руководствуясь идеей иметь капитанов опытных в военном искусстве, а не юнцов или грандов. Людовик XI, движимый ненавистью к отцу, на 75 % обновил командный состав армии, открыв дорогу молодым, незнатным и небогатым дворянам, без большого военного опыта и твердой социальной ориентации, обязанным своими милостями только королю.

Однако исход войны против Лиги общественного блага в октябре 1465 г. потребовал определенных отступлений от прежней жесткой политики монархии. Компании в 100 ланс были обещаны герцогу Бурбонскому, графу Арманьяку и герцогу Немюрскому; были возвращены бывшие ранее в немилости Лохеас, Антуан де Шабанн, Жан де Бейль, сир Торси. Идя навстречу желаниям феодалов использовать возможности военной службы, король создает между 1464 и 1466 гг. 9 новых компаний, пытаясь сбалансировать численность старых и новых капитанов. В начале правления Карла VIII — в период регентства Пьера и Анны де Боже — имеет место стремление сохранить максимум компаний за счет уменьшения числа приписанных им ланс. Таким образом, феодалы, лишившись права на частную войну, обрели возможность службы в командном составе королевской армии, а также решения для себя проблемы политической карьеры и обогащения. Представляют интерес в связи с этим данные о процентном соотношении иностранцев и французов на должности капитанов: в 1460 г. — 10 %, в 1466 г. — 20, в 1476 г. — 11, в 1489 г. — 19, в 1490 г. — 17 % иностранцев от общего числа⁶⁰. Эти красноречивые цифры (в среднем 15% иностранцев) свидетельствуют об активности французских феодалов в «освоении» командных должностей в армии. Она носила вполне осознанный характер, о чем свидетельствовала и позиция дворянства на Генеральных штатах 1484 г., протестующего против того, чтобы давать командные должности в армии иностранцам.

Эта активность не должна удивлять, легко объясняемая теми огромными суммами, которые давала служба в армии. К этому следует добавить практику пенсий. По

данным Ф. Контамина, не было капитана, который бы не получал от короля пенсию размером от 300 до 29 000 ливров. Наиболее распространенный размер пенсии составлял от 600 до 1200 ливров при командовании компанией в 100 ланс. Анализ одного из материалов позволяет увидеть, какие крупные дары получали большие военачальники — земли, деньги, должности на государственной или дворянской службе. В 1492 г. герцог Пьер Бурбон за управление Лангедоком и в качестве пенсий получил из казны сумму, почти равную доходам от его домена. Даже у низших по социальному положению капитанов их доходы на службе короля в 10 раз превышали доходы бойцов их компаний⁶¹. Естественно, что для дворянства подобного ранга суммы, получаемые от короля, имели особое значение.

Не случайно дворянство, в том числе и титулованное, заполняет руководство инфантерией. Из списка генеральных капитанов франк-аршеров, контролирующих 4 региона страны — северо-запад и северо-восток, юго-запад и юго-восток, — 10 человек из 12 за период 1466—1480 гг. были дворяне с титулами сеньора, шевалье, виконта. Один имел статус оруженосца, положение другого неясно. Из числа титулованных сеньоров многие соединяли военные и государственные должности — управляющих, бальи, сенешалей и т. д.⁶²

Во второй половине XV в. ситуация хотя и не сразу, но была использована в интересах принцев крови и грандов страны. Шесть компаний в 100 ланс были отданы принцам крови — герцогам Орлеанскому, Ангулемскому, Лотарингскому, графу Дюнуа, сиру Алену д'Альберту и Пьеру Боже, супругу старшей дочери Людовика XI. Герцог Бурбонский добивается в 1483 г. должности коннетабля. Их командование, естественно, являлось символическим, действительное военное руководство осуществляли старые капитаны в качестве их лейтенантов. В конце 80-х и в 90-е годы командный состав капитанов почти наполовину состоит из высших феодалов (29 % от общего числа, в 1460 г. — до 48 %).

Результаты не замедлили сказаться: в конце 80-х годов, крупные гранды — капитаны компаний, в том числе граф Дюнуа и Ален д'Альберт, группируются вокруг будущего Людовика XII в оппозиции к Карлу VIII, основные силы которого концентрировались в Бретани.

Продолжая мысль Ф. Контамина, который писал, что монархия несмотря на заметный прогресс во второй по-

ловине XV в. не располагала безусловно верным ей командным составом, можно говорить о новых формах феодального сепаратизма крупных феодалов, приспособившихся к изменившимся условиям государственной организации и успешно пытавшихся использовать их в свою пользу⁶³. Многие из них, как, например, сир де Торси, делали свою службу объектом купли-продажи между королем и его политическими противниками.

Выходцев из ротюрье в составе капитанов и шефов кавалерии и гарнизонов было крайне мало: трое на несколько сотен человек⁶⁴. После 1445 г. Ф. Контамин отмечает ограничение числа батардов среди капитанов кавалерии. По сравнению с предшествующим периодом батарды, вышедшие из низшего дворянства, отсутствуют в чине капитана. Нет примера, когда бы капитан начинал свою военную карьеру с положения аршера. Отмеченные факты дают основание Ф. Контамину оценить их как проявление тенденции к аристократизации высшего командного состава в течение второй половины XV в. и в целом к сужению среды, откуда рекрутируются капитаны. Многие из них принадлежали к одной фамилии, были связаны семейными узами. Корпоративизму военного ведомства в целом способствовали судебные привилегии, которые даровал армии король. И хотя развитие армейской судебной компетенции шло не прямым путем, в борьбе с обычным королевским судом, — несомненен рост ее автономии.

Аналогичные тенденции наблюдались в судебном и административно-налоговом аппарате, как отмечалось, благодаря продаже должностей и пожизненному сроку их отправления. Однако именно последнее обстоятельство существенно корректирует аналогию, поскольку в армии должности капитана не продавались, хотя и могли совмещаться с другими должностями, в основном бальи и сенешаля. Следовательно, влияние королевского решения здесь оставалось более значительным. Продажа должностей могла иметь место для военных служб более низкого ранга. Не менее показательно сопоставление гражданского и военного ведомства по вопросу о возможности аноблирования. Что касается судебного и налогового аппарата, то они, как известно, служили основными каналами в процессе оформления группы чиновного дворянства. Ситуацию в этом плане в армии может прояснить только анализ социального состава армейской рядовой массы.

Социальная природа аршеров достаточно разнообразна. В ней выделяется небольшой процент лиц дворянского звания. Данные, приведенные Ф. Контамином, говорят об аршере — сеньоре де Квинтон и Жане Бугон, который с братьями обрабатывает землю, взятую в аренду и приносящую 20 мюид пшеницы. В списке второй половины XV в. на 594 аршера нами были выделены 57 оруженосцев и наследственных дворян, т. е. 10 % состава.

Число дворян-батардов за период с 1460 по 1471 г. колеблется в пределах 2,4—3,2 %. В среде аршеров нет дворян с титулом шевалье³⁵, служба не дает права на аноблирование.

Тем не менее само разделение аршеров на франк-аршеров и аршеров-слуг, предполагающее участие лиц первой категории в военных действиях в качестве активной силы, симптоматично. Служба в качестве франк-аршера была удобной и достаточно приличной для выходца из обедневшей части дворянства, не способного преодолеть трудности экипировки, чтобы служить в тяжелой кавалерии. Кроме того, этот факт несомненно свидетельствовал об изменениях в структуре армии, связанных с общим прогрессом военной техники и переменой в положении пешего ополчения, которому предстояло стать собственно пехотой. Этот вывод подтверждается статистикой социального положения лиц, служащих в тяжелой кавалерии во второй половине XV в. На основании выборочных документов, которые дает Ф. Контамин, — это 60—70 % дворян от общего состава.

Военный статус давал основание в судебной практике ссылаться на него, доказывая свою принадлежность к дворянству, однако за 50 лет Ф. Контамин фиксирует только 15 аноблирований для лиц этой категории. Он обращает также внимание на очень небольшой процент дворян-шевалье в их составе: 3% — в 1461 г., 2,8 % — в 1475 г., 4,5 % — в 1491—1492 гг. То есть процесс сокращения численности рыцарства, отмеченный уже для XIV в., получает дальнейшее развитие, при этом не только во Франции, но и в Англии⁶⁶. Исследователи объясняют это явление прежде всего фактом уравнивания оплаты людей оружия независимо от их феодального ранга, когда в основу военной тарификации и квалификации бралась экипировка человека. Исчезал таким образом материальный стимул для обладания титулом рыцаря. Но параллельно с этим приобретал особое значение военный опыт как основание (кроме рождения) для получения

данного титула. Рыцарский статус приобретает аспект достоинства, отличного от родовитости. И хотя основной причиной недостижимости статуса шевалье в условиях падения сеньориальных доходов являлось обеднение дворян, многие из которых не могли обеспечить себя 2—3 лошадьми и 2—3 слугами, появляются дополнительные причины, которые можно оценить как показатели не столько упадка, сколько усиления селекции и замыкания верхушки класса.

Отмеченные особенности свидетельствуют о том, что армия в сравнении с другими государственными ведомствами представляла собой наиболее замкнутый, с классовой точки зрения, механизм, не обеспечивавший условий для процесса аноблирования выходцев из неблагородных сословий. С учетом того обстоятельства, что сословная группа чиновного дворянства для исследуемого времени находилась еще в стадии становления, армия, очевидно, консолидировала в своем составе преимущественно наследственное или старое дворянство. Вместе с тем дворянство в новых условиях не могло сохранить прежнюю монополию в отпращивании военной функции в обществе и реформой 1445 г. монархия была вынуждена признать франк-аршеров в качестве самостоятельного подразделения армии. И хотя возможности пеших бойцов из народа для того времени следует оценивать не столько по результатам их действий в регулярной армии, сколько по результатам народно-освободительной борьбы, новые явления обозначали важные перспективы военной и социальной истории.

Не менее важным итогом периода была общая значительная численность дворян в кавалерии постоянной армии, красноречиво свидетельствующая о том, насколько широко был охвачен класс феодалов военной службой королю и насколько успешно действовала монархия, пытаясь разрушить или обойти принцип французского вассального права. Общая численность дворянства в тяжелой кавалерии и замкнутость этого подразделения в социальном плане, проникновение дворянства на командные посты в компании «малого ордонанса» и даже служба в качестве франк-аршеров обнаруживают вместе с тем стремление господствующего класса удержать если не монопольные, то преимущественные позиции в отпращивании военной функции. Результаты этого стремления для XV в. служат убедительным показателем потенций господствующего класса в новых условиях феодаль-

ной государственности. В обществе сформировалась группа профессиональных военных: с последней четверти XIV в. их стали называть «люди войны». Во второй половине XV в. широко входит в употребление термин «жандарм».

Завершая анализ военной истории французской монархии XIV—XV вв., хотелось бы подчеркнуть, что армия, как и налоговая система, несмотря на принципиально новые по характеру реформы середины XV в., остается громоздким организмом, находящимся в состоянии постоянного становления. В нем остается организационная разнородность военных сил — от бана, арьербана до регулярной армии. Создав постоянную армию во второй половине XV в., монархия не отказалась от того, чтобы требовать личную вассальную службу, предлагая плату, если эти силы будут экипированы как бойцы регулярной армии (2 лошади для жандарма и 1 — для кутилье с соответствующим вооружением), в сумме 15 и 5 франков в месяц.

При худшей экипировке плата уменьшалась, приравняваясь к плате конного аршера (7,5 франков). Феодальный бан (40 дней службы) сохранялся только для владельцев фьефов. В XVI в. сеньор, имеющий ренту в 600 ливров, должен был поставить 1 тяжеловооруженного кавалериста. При более низком доходе он обеспечивал аршера или кутилье. Часто вассалы капитана служили под его началом, т. е. феодальная структура не была изжита окончательно, играя определенную роль в рекрутировке компании.

Сломав в значительной мере феодальную иерархию установлением общего сольда, а также формой службы, монархия ограждала монополию класса в основном подразделении армии (кавалерии) и на командных ее постах в целом, делая даже определенные послабления для феодальной верхушки. Она, наконец, компенсировала потери класса в оплате военной службы, которая не учитывала феодальный ранг, большими размерами платы на высоких командных постах и с помощью пенсий и даров. По мере развития армейского организма росла иерархия военных функций внутри компаний, увеличивая эти возможности.

Таким образом армия как важнейшая часть государственного механизма, напрямую связанная с господствующим классом, по своему составу наиболее убедительным образом отразила его преимущественные позиции в

обществе в период развитого феодализма, несмотря на известное нарушение его монополии на военную функцию. Внутриклассовая перегруппировка сил вокруг центральной власти и расширение в связи с этим классовой базы монархии, материальное обеспечение дворянства по линии военной службы, которое берет на себя государство,—все это говорит о перестройке феодального общества в условиях развитого феодализма, снимая пресловутый вопрос о его кризисе, в частности в сфере социально-политических отношений.

ГЛАВА V. ЛИМИТЫ КОРОЛЕВСКОЙ ВЛАСТИ. К ВОПРОСУ О ПОЛИТИЧЕСКОЙ РОЛИ СОСЛОВНО-ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ВО ФРАНЦИИ XIV—XV ВЕКОВ

Реализация центральной властью судебной, налоговой или военной политики предполагала постоянное взаимодействие монархии и общества. В этом взаимодействии противоборство сил сосуществовало с их взаимоподдержкой и взаимными уступками. Последнее обстоятельство красноречиво свидетельствовало об ограничениях, которые ставили сословия, снимая или корректируя притязания монарха, часто далеко опережавшие в их правовых и даже законодательных формулах действительные возможности центральной власти. В постепенном продвижении центральной власти по пути обретения ею действительно публичного характера существенную роль сыграла практика сословно-представительных собраний. Лимитами королевской власти в ней служила коллективная и институционно оформленная активность сословий.

В деятельности Генеральных и провинциальных штатов, которые стали заметным фактором политической жизни Франции XIV—XV вв., были трансформированы старые принципы феодального частного права. Один из них — принцип индивидуального согласия вассала на экстраординарную помощь или побор сеньора — в период развитого феодализма реализовался в идее о необходимости совета государя с сословиями, уже относящейся к области государственного или «позитивного» права. Бомануар во второй половине XIII в., определяя возможности королевской власти, напишет, что в случае установлений общего характера последние должны иметь хождение по всему королевству, а также приниматься с помощью большого Совета и для общей пользы¹ Учитывая опыт капетингских ассамблей XII в., можно ду-

мать, что легист имел в виду собрание, выходящее за рамки узкого Королевского Совета. С начала XIV в. идея совета государя с сословиями прочно вошла в сознание общества и была признана центральной властью.

В известной мере на основе феодального частного права вассала менять сеньора, если тот нарушит условия договора, сословия постепенно сформулируют в своих ограничительных действиях по отношению к монархии идею политического контракта, который мог быть ими разорван.

В апреле 1358 г., уже приобретя опыт легальной (через Генеральные штаты) и нелегальной (в восстании парижан) борьбы с центральной властью, Этьен Марсель в письме регенту, будущему Карлу V, напомним, что почет и подчинение сословий обусловлены покровительством и защитой народа господином. Упрек в нарушении регентом этого принципа должен был оправдать открытые в тот период военные действия парижан против правительства².

В XIV и особенно XV в. появляются идеи о различии между личностью короля и королевским достоинством. И если корона как результат общей воли не могла быть ничем ограничена, король должен был подчиняться закону, подобно другим подданным королевства. На ассамблее Генеральных штатов 1439 г. Жак Ювенель Дезюрсен объявил короля только «пользователем» короны (*le roi est usufruitier de la couronne*). Вершиной политических притязаний сословий явится выдвинутая на ассамблее Генеральных штатов 1484 г. идея народного суверенитета, которая получит свое более полное развитие уже в XVI в., в частности в произведениях Франсуа Отмана и трактатах монархомахов.

ОСОБЕННОСТИ СОСЛОВНО-ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ. СРАВНИТЕЛЬНОЕ СОПОСТАВЛЕНИЕ ЕЕ ЗВЕНЬЕВ

В исследовании эволюции государства во Франции XIV—XV вв. особое значение имеет ограничительная практика общегосударственного представительного органа, история которого служит одновременно показателем как возможностей монархии, так и степени консолидации и политической сознательности сословий. Вопрос этот применительно к Генеральным штатам кажется достаточно сложным, о чем красноречиво свидетельствует

историография. Историки XIX и первой половины XX в., сравнивая Генеральные штаты с английским Парламентом, высказывались явно, и в целом справедливо, не в пользу первых, что приводило, как правило, к недооценке роли Генеральных штатов в жизни общества. Развитие новых тенденций в современной историографии, в частности попытки анализировать систему французского сословного представительства во всей совокупности Генеральных, провинциальных и местных штатов, а также в сопоставлении отдельных ее внутренних звеньев или системы в целом с аналогичными сложными системами в Нидерландах и Германии, не ломает сложившейся традиции³.

Один из крупных специалистов английской школы Петер Льюис считает возможным объяснять нестабильность ассамблей Генеральных штатов в начальный период их существования исключительно инициативой короля в их созыве, якобы стремящегося внедрить в общество формулу «свободы», которую оно не просило.

Подобное мнение повторяет обычное заблуждение историографии XIX в., отрицавшей историческую закономерность появления общегосударственного представительного органа во Франции. Оценка этим же автором последующей истории Генеральных штатов как случайности без завтрашнего дня, до известной степени расходящейся с его собственным конкретным анализом вопроса, по существу, обедняет значение решающих для государственной централизации завоеваний XIV—XV вв., неразрывно связанных с деятельностью этого учреждения, работой Парламента, оформлением налоговой системы, созданием постоянной армии⁴. Вместе с тем нельзя не признать, что целый ряд особенностей общегосударственного органа дают известное основание для подобного скептического отношения к его месту и роли в системе представительных учреждений. Следует при этом отметить, что основные из этих особенностей, проявившись уже на начальном этапе его истории, сохранились, претерпев незначительные изменения на протяжении двух столетий до конца XV в.

Созванные сверху, по инициативе королевской власти в начале XIV в., они и дальше оказались в неблагоприятной позиции нерегулярно действующего учреждения. Несмотря на неоднократно повторяющиеся попытки сословий добиться юридически признанного права периодичности Генеральных штатов, самая решительная из

которых была предпринята в общественном движении 1357 г., они остались нереализованными.

Действенность учреждения ослабляло отсутствие организационной стабильности, связанное не только с неперiodичностью ассамблей, но и с их множественным, неопределенным характером, когда Генеральные штаты сменялись собранием одного или двух сословий, собранием нотаблей или провинциальными и местными штатами. Нельзя не согласиться при этом с теми исследователями, которые отмечали отсутствие организационного жесткого соподчинения между Генеральными штатами и остальными звеньями представительной системы (в отличие от имевшегося соподчинения между провинциальными и местными штатами в ряде областей Франции). Это лишало институт необходимой сопротивляемости.

Отсутствовали, наконец, строго установленные нормы представительства сословий, и был слабо развит принцип выборности. Последняя особенность особенно характерна для дворянства. Действующий во Франции принцип вассальной системы, согласно которому король напрямую был связан только со своими непосредственными вассалами, надолго оставил мелкое и среднее дворянство в положении резерва крупных феодалов. Бытовавшее к тому же в среде дворянства представление о самозначимости каждого из ее членов, реально претворившееся в практике ряда провинциальных штатов, где каждый дворянин голосовал лишь за себя, также осложняло выработку чуждого феодальному классу принципа выборности. В этих условиях естественным и единственно возможным выходом был личный вызов на Генеральные штаты крупных феодалов, каждый из которых фактически представлял большую или меньшую группу вассально зависимых от него дворян. Поэтому расширение социальной базы монархии за счет средних и мелких феодалов королевства совершалось постепенно, благодаря практике фьеф-ренты, системе контрактов и особенно военной реформе середины XV в., которая знаменовала радикальные перемены в эволюции дворянского сословия. Высшее духовенство, подобно крупным светским феодалам, располагало правом присутствия на Генеральных штатах по личному вызову короля. Выборы, которые осуществлялись в капитулах церквей и конвентах монастырей, а также выборы городских представителей носили, как правило, ограниченный характер и часто

сводились к назначению депутатов высшими церковными чинами или городским магистратом.

Неразвитый принцип выборности сужал социальную базу общегосударственного органа, тем самым ослабляя его ограничительные возможности по отношению к центральной власти. Когда же в конце XV в. этот принцип восторжествовал, будучи последовательно примененным к выборам депутатов от всех сословий на собрании 1484 г., оказалось, что он знаменовал победу скорее монархии, нежели сословий. Его реализация отразила внутреннюю перестройку сословий, связанную по преимуществу с усилением центральной власти и укреплением ее позиций благодаря росту государственного аппарата, контролю над церковью, военной и налоговой реформам.

Политическая роль Генеральных штатов в обществе определялась главным образом присущей им функцией утверждения налога. На их ассамблеях выдвигались и обсуждались проекты реформ, однако они не завоевали юридически закрепленного права законодательной инициативы или утверждения закона. В отличие от провинциальных и местных штатов они не располагали судебно-административными правами и не имели исполнительного комитета в перерыве между собраниями.

В ряду условий, ослаблявших Генеральные штаты и ставящих их в сильную зависимость от королевской власти, особое место принадлежало особенностям конкретно-исторического развития Франции. Отчетливо проявившие себя в период возникновения общегосударственного органа, они в общих чертах сохранили свое влияние на последующую его историю. К ним относился провинциальный сепаратизм, с которым связан процесс замедленной консолидации сословий в общегосударственном масштабе, ослаблявший их позицию местническими распрями.

Постоянно действующим фактором оставалась своеобразная комбинация общественных сил, характеризующая традиционной рознью привилегированных сословий с сословием горожан и не менее традиционным взаимовыгодным союзом центральной власти с городами. Рост государственного аппарата и оформление прослойки чиновной бюрократии, частично аноблированной, лишь укрепили союз горожан с монархией, послужив дополнительным источником для распрей внутри дворянства, а также вражды всего господствующего класса к численно разросшемуся и влиятельному чиновному слою.

Нарушение союза городов с монархией, как это случилось в городском восстании под руководством Этьена Марселя в середине XIV в., в антианалоговых восстаниях 70—80-х годов того же XIV века и восстании кабошьенов 1413 г., как правило, связанных с широким общественным движением и активизацией деятельности Генеральных штатов, носило временный характер. Центральная власть в конечном счете успешно выходила из этой ситуации, сохранив и даже укрепив свои позиции, сумев учесть в своей последующей политике подсказанные событиями уроки.

С учетом всех названных выше обстоятельств, снижающих значение Генеральных штатов, существующие в литературе оценки места и роли этого органа в системе сословного представительства тем не менее требуют существенных поправок. Они продиктованы в первую очередь необходимостью соблюдения принципа историзма. Анализ сословно-представительных учреждений, включая Генеральные штаты, в тесной связи с конкретно-исторической действительностью позволяет шире и в ряде случаев иначе взглянуть на их деятельность, в частности оценить этот орган по качествам, которыми он действительно обладал, а не мог бы обладать.

Так, например, характеристика Генеральных штатов с точки зрения только его организационных форм не может претендовать ни на исчерпывающую, ни тем более на объективную их оценку. Следует сказать, что скептическое отношение к Генеральным штатам, как правило, бывает связано с чрезмерной увлеченностью именно организационной стороной вопроса и излишним ригоризмом некоторых исследователей. Ф. Лот и Р. Фавтье, например, считали возможным называть первыми Генеральными штатами только собрание 1484 г., так как на нем впервые были представлены все провинции страны. Аналогичного мнения придерживался профессор А. Маронжу, но по той причине, что только к ассамблее 1484 г. был впервые применен термин «Генеральные штаты»⁵.

Однако вопрос об отсутствии инициативы у Генеральных штатов, а также права регулярного созыва существенно корректируется фактом очевидной и объективной необходимости диалога с сословиями, которую испытывало правительство. Причина его лежала в невозможности для монархии выйти из той или иной ситуации, особенно экстремальной (в случае войны или острых соци-

альных столкновений), собственными силами, без поддержки и одобрения привилегированных сословий и горожан, располагавших на местах определенным суверенитетом. Сбор налога, созыв арьер-бана в условиях войны, внутривополитические проблемы и задачи внешней политики, в том числе борьба с папством и организация крестовых походов,— вот те заботы, которые побуждают монархию искать сотрудничества с сословиями и их помощи, часто за счет значительных уступок с ее стороны. Любопытно, что хотя события Столетней войны, казалось, оправдывали экстраординарные поборы и созыв арьер-бана с превышением сроков обычной военной службы, сословия не переставали напоминать, а король подтверждать необходимость согласия сословий на эти акции. Таким образом, правовой принцип согласия, не будучи подкреплён юридическим правом регулярного созыва Генеральных штатов, действовал тем не менее во всей совокупности организационных форм представительства, в том числе на общегосударственном уровне. Ассамблеи, подчеркивая временность решения, принятого по тому или иному вопросу, обычно оговаривали необходимость последующего собрания, казалось, реализовав де-факто, во всяком случае на время войны, принцип периодичности в сословном представительстве⁶. К этому следует добавить чисто организационную особенность так называемого императивного мандата, которым располагал депутат⁷. Связывая поведение депутата на ассамблее решением лиц, делегировавших его, он не мог не оказывать отрицательного воздействия на представительный орган, парализуя его работу. Но он служил средством сопротивления сословий королевской власти как на ассамблее, так и на местах.

Таким образом, опыт разнородных ассамблей XIV—XV вв. позволяет с уверенностью говорить о наличии весьма действенной системы сословного представительства. В ней отсутствовало «жесткое» организационное соподчинение отдельных звеньев, что тем не менее не означало разрыва между провинциальными и Генеральными штатами, как утверждают некоторые исследователи⁸. Представляет интерес, что история провинциальных и местных штатов в их сложном соотношении с генеральными ассамблеями обнаруживает не столько различие, сколько сходство черт, подчеркивающих общие закономерности развития.

К ним можно отнести спонтанность их возникнове-

ния на разных территориальных уровнях, которую определяли не только потребности местной власти, но и процесс сословного оформления общества, не всегда отличавшийся равномерностью для отдельных его социальных прослоек. В Велэ, например, этот процесс получил выраженные формы в среде дворянства, ассамблея которого организовывала его сопротивление центральной королевской власти. Слабое развитие городов здесь привело к тому, что городские представители в местном органе появились лишь с середины XIV в.

Как и в предыстории Генеральных штатов, в некоторых провинциальных и местных штатах можно выделить их первоначальное ядро — сеньориальную курию, более или менее далеко отстоящую от собственно представительных собраний. Исследователи фиксируют наличие таких курий в Ажене (1182), в Беарне, Провансе, Бургундии, Бретани и Нормандии.

В ходе процесса централизации во Франции, который имел два временных уровня — провинциальный и затем общегосударственный, — местные и провинциальные собрания в некоторых областях страны оформились раньше Генеральных штатов. 30-е годы, середина и конец XIII в. — время, когда сеньориальные курии превращались в представительные собрания в Ажене, Нормандии, Бургундии и Бретани, что в целом ненамного опередило эволюцию капетингских ассамблей. Более того, оформление собраний провинциального, а тем более регионального уровня, предполагающее территориальную определенность, чаще всего приходилось на XIV в. В Бургундии *Grands Jours* курии герцога существуют до середины XIV в., и только в 1352 г. король созывает первую ассамблею для установления налога. В Пикардии объединение местных штатов Артуа, Камбрези и Лиля произошло в XIV в. В Лангедоке — провинции, где представительный режим составлял одну из наиболее ярких ее отличительных особенностей, — первая региональная ассамблея, объединившая местные и провинциальные собрания, датируется 1345 годом. В Гиени, которая имела опыт провинциальных и местных собраний, тем не менее не сложился объединенный представительный институт главным образом из-за притязаний на нее и владычества там англичан.

Местные собрания не были жестко соподчинены на провинциальном уровне. Из них активно действовали главным образом собрания Борделе, Базадуа и Ланна.

Сомнительно существование общего объединенного института для областей Сентонж, Перигор и Ангума. Нерегулярно собирались вместе местные штаты Велэ, Виваре и Живодана. Все эти примеры подчеркивают общую особенность в процессе формирования сословно-представительного режима — его замедленность, особенно на более высоких территориальных уровнях, объясняемую сложностью механизма всей представительной системы и влиянием на него факторов социально-экономического и политического характера. В числе факторов политического характера хотелось бы отметить роль местной сеньориальной или центральной власти в судьбе представительного органа местного и регионально-провинциального уровня. Сила одной стороны в связке территориальный владыка — сословия, как правило, предполагала слабость другой. В Беарне, например, сильная власть Гастона Фебуса помешала развитию представительного института (ассамблеи *congr majour* всего дворянства и *cours des communautes* — собрания горожан). Только в конце XIV в. собрание трех сословий Беарна стало автономным, что способствовало в середине XV в. приобретению важных прав, в частности в вопросах наследования, выработки статуты виконтства и сословий⁹. Власть англичан, установившаяся в Гиени после 1279 г., ликвидировала там на 45 лет сословно-представительную практику.

Собрания, находившиеся в XIII в. под властью графа Тулузского, не обладали правом сбора налога, этим занимались его чиновники.

Пикардия, где в XIV в. возникают провинциальные собрания, является тем не менее областью сильного влияния королевской администрации, которое мешало местным собраниям приобрести обычные для собраний этого уровня функции административного управления. Практику провинциальных штатов здесь обычно перебивали собрания Лангедойля, которые созывал король.

В Лангедоке с его сильной региональной организацией, располагавшей возможностями отказать королю в налоге, изменить его форму или уменьшить размер, тем не менее местные собрания, проходящие по королевским административным округам — в баляжах Тулузе, Каркассоне и Бокере, испытывали на себе влияние королевской администрации.

Политическая ситуация в Бургундии, характеризующаяся в период становления местных и провинциальных

представительных органов относительной слабостью герцогской власти, помогла им приобрести значительные политические и фискальные права и обеспечить внутреннюю связь. Источником силы представительного режима здесь служило наличие исполнительного комитета, а также обладание правом сбора налогов силами штатов в Шароле, Маконне и Оссоне.

Однако в целом сильные провинциальные и региональные органы существовали лишь в Лангедоке, Нормандии и Бретани. В последнем случае представительный режим отличала жесткая связка местных и провинциальных органов, а также единственное в своем роде длительное обладание ими судебными функциями, пока в XV в. (1431) не произошла окончательная их концентрация в Парламенте Бретани.

Аналогия с Генеральными штатами наблюдается и в расстановке социальных сил. Резкие противоречия в собрании Ажене, где привилегированные сословия сохранили налоговую исключительность, протестуя вместе с тем против судебных прав городского сословия, напоминают обстановку генеральных ассамблей. Противоречия этого рода стимулировали отдельные заседания сословий или раздельное голосование. Исключение составляли собрания Гиени и Лангедока благодаря специфическому развитию дворянства, вовлеченного в торговую деятельность и платящего реальную талью. Близость позиций и даже союз дворянства и горожан в Лангедоке служили источником силы представительных органов. Это дает основание считать, что не столько факт внедрения налоговой системы, сколько налоговая исключительность привилегированных сословий способствовала упадку штатов, порождая незаинтересованность духовенства и дворянства в этих собраниях или такие их противоречия с горожанами, которые обрекали орган на бездействие. Подобный вывод находит свое подтверждение в работе Генеральных штатов.

Слабое развитие выборного начала было общей особенностью всей представительной системы во Франции, когда крупные феодалы в силу личного права представляли остальную массу феодалов, как это было в Велэ или Лангедоке, где даже существовала очередность представительства для крупных сеньоров и прелатов. В случае неразвитости феодальной иерархии или политических притязаний всех членов феодального класса на ассамблеях могли присутствовать все феодалы (Ажене,

Наварра, Бретань). В Нормандии тоже не исчезала до конца XVII в. прямая форма созыва. Попытки монархии внедрить выборный принцип по бальяжам вызвали противодействие местных штатов¹⁰.

Были и отличия в практике низших и средних звеньев представительной системы с Генеральными штатами. Самым существенным из них являлось наличие в первом случае более или менее широких местных административных функций, которое способствовало оформлению исполнительных органов с собственными чиновниками и бюджетом. Некоторые из провинциальных штатов располагали судебными функциями, хотя и редко, — ограниченные в Керси, более широкие — в Бретани. Однако было бы неправильным видеть в факте отсутствия этих функций у Генеральных штатов только ущербное качество общегосударственного института. Приобретение им судебно-административных функций было попросту невозможно в силу специфической трансформации королевской курии, в которой определеннее, чем, например, в английском варианте развития, произошло разграничение представительных собраний и судебных органов. Вряд ли это обстоятельство можно считать недостатком, скорее оно отражает более решительный разрыв представительного органа с сеньориальной курией. Не случайно в этой связи и то, что наиболее развитый представительный орган Лангедока, решавший все вопросы административного, политического и финансового управления, не имел тем не менее судебных функций и упорно и безуспешно добивался собственного Парламента для провинции. Другое дело, что Генеральные штаты боролись за возможность контроля над исполнительным аппаратом монархии, так как они не располагали собственным исполнительным органом. Кроме того, организационная зависимость Генеральных штатов от центральной власти и активное участие в их работе королевских чиновников и легистов не только в качестве депутатов сословий, но и по праву членов Парижского Парламента, который потерял его только в 1484 г., тесно связывали представительный орган с исполнительным аппаратом. Последнее обстоятельство, усугубленное политическими притязаниями Парламента, вызывало соперничество этих учреждений, которое составило одну из особенностей французской сословной монархии.

Что касается провинциальных штатов, то именно исполняемые ими административные функции побужда-

ют центральную власть сохранить их в качестве органов местного управления (поскольку она испытывала нехватку кадров) или перелажая на них трудности этого управления, особенно в налоговых вопросах. Поэтому, в частности, жизнеспособность представительных органов нарастала в направлении к низшим звеньям системы в целом.

В ряде случаев на местном уровне представительного режима можно отметить большую, чем в Генеральных штатах, демократичность состава. Наиболее существенным с этой точки зрения является участие крестьянских общин в выборах или прямая посылка ими депутата. В Керси, например, к выборам депутатов подключались деревни пригородов. В собраниях Ажене с XIII в. принимали участие представители свободных крестьянских общин. Та же практика имела место в графстве Арманьяк и сельских общинах горных долин Наварры и виконтства Марсан. В Дофине крестьяне принимали участие в выборах депутатов третьего сословия на низших ступенях трехступенчатых выборов на ассамблею трех горных бальяжей. Ордонансы 70-х годов XIV в. фиксируют право жителей добрых городов и деревень созывать местные собрания в графствах Артуа, Булонне и Сен-Поль¹¹. Возможность появления и степень влияния в представительных органах городских представителей, как и повсюду, зависели от силы городов как центров ремесла и торговли и, следовательно, от конкретно-исторических условий развития областей. В собраниях Велэ, Живодана и Артуа, а также в центральных районах Франции преобладали дворяне; позиция церковных феодалов в южных районах Франции была ослаблена из-за борьбы здесь с альбигойской ересью. Напротив, городские представители в штатах Лангедока (за исключением области Бокер-Ним) и Прованса в силу специфической расстановки сил и значительного влияния городов оказывали решающее воздействие на работу этих органов — явление, возможное в Генеральных штатах только как исключительное.

Продолжая сравнительное сопоставление Генеральных и провинциальных штатов, следует отметить различное до известной степени назначение этих органов. В отличие от провинциальных Генеральные штаты прежде всего решали общегосударственные вопросы и осуществляли централизаторские, а не партикуляристские устремления, что являлось их несомненным достоин-

ством. Это соображение позволяет иначе взглянуть и на отсутствие упорядоченного и устоявшегося соподчинения между местными звеньями представительной системы и Генеральными штатами. Подобная особенность могла быть вызвана не только объективными причинами, связанными со спецификой процесса централизации: монархия была вынуждена приспосабливаться к уже сложившемуся на местах управлению, не ломая, но подчиняя его. Вместе с тем несомненно имела место и сознательная политика королевской власти, вовсе не стремящейся установить это соподчинение в системе сословного представительства. Его отсутствие помогало ей в качестве заинтересованной стороны гибко использовать все звенья сословно-представительной системы, в том числе местные и провинциальные штаты¹². Можно допустить в связи с этим, что и выборы на Генеральные штаты не случайно осуществлялись не на провинциальных ассамблеях, а через государственно-административные округа — баляжи и сенешальства. Данное правило действовало до и после введения принципа всеобщего избрания депутатов. Исключение составляли Бретань, Дофине и Прованс. Правило это не было безусловным, и исследователи отмечают случаи конфликтов между депутатами генеральных ассамблей, избранных местными штатами, и лицами, выдвинутыми в баляжах и сенешальствах. Структурно, таким образом, Генеральные штаты накладывались на всю систему сословно-представительных учреждений и должны были преодолеть укоренившийся сепаратизм. При такой постановке вопроса французская система в сравнении, например, с жестко организованной системой в Нидерландах была более гибкой и в большей мере соответствовала задачам централизации страны. Депутаты в Генеральных штатах Нидерландов, избранные провинциальными штатами, располагали императивным мандатом в их пользу; кроме того, раз в году генеральный орган подтверждал провинциальные вольности.

Подобная дробная французская практика созыва разнородных собраний к тому же выглядит естественной в условиях огромной страны: в XIII—XV вв. население Франции в 3 раза, а территория — в 4 раза превышала население и территорию Англии — обстоятельство, с которым не может не считаться исследователь.

Приведенный материал обеспечивает, на наш взгляд, сбалансированную, лишенную ригоризма и пристрастий оценку места и роли Генеральных штатов в системе представительных учреждений Франции. Если теперь, с учетом этой оценки, посмотреть на изученный нами период, то XIV и XV века предстанут перед нами как время наивысшего подъема и результативности в истории сословно-представительного режима. Оно пришлось на этап наиболее полного развития сословной монархии, подготовившей постепенный переход на рубеже XVI в. к абсолютизму. И хотя сословно-представительный режим в совокупности генеральных и провинциальных ассамблей продолжал действовать более или менее определенно еще в течение одного — полутора веков, его расцвет остался достоянием XIV и XV веков. Генеральные штаты после редких собраний XVI в. и начала XVII в. не собирались вообще вплоть до ассамблеи конца XVIII в., открывшей путь Великой французской революции.

Что касается провинциальных штатов, то некоторые из них просуществовали до Великой французской революции, утратив, однако, после смерти Людовика XI свою прежнюю автономию (штаты Лангедока, Бретани, Бургундии, Прованса, Артуа, Комбрези). Другие, имевшие меньшее политическое значение, прекратили свою деятельность уже в правление Людовика XIV — в Анжу, Мэне, Турени, Орлеане, Ангулеме, Перигоре, Керси и Руэрге. В их число попала и Нормандия, чье право на провинциальную ассамблею неоднократно подтверждалось монархией¹³.

В развитии сословно-представительной практики в изучаемый нами период можно выделить несколько этапов. Первый из них, который открыли собрания 1302, 1308 и 1314 гг., целесообразно закончить серединой 50-х годов XIV в., когда события Столетней войны принципиально изменили условия для проявления сословной активности. В течение этого времени сословно-представительный режим брал разбег в общегосударственном масштабе, обозначив многие ставшие характерными для него особенности: созыв всех звеньев представительной системы — параллельно, сепаратно и в противовес друг другу; вотирование субсидий (в 1318, 1320, 1321, 1329, 1333, 1340, 1347 гг.) и решение политических вопросов (крестовый поход, наследование короны графом Пуатье в 1317 г.);

наконец, торг с королем и сопротивление его притязаниям. Стала обычной раздельная практика собраний юга и севера с работой по идентичным сюжетам, в сближенное время. Естественность подобного явления дала основание рассматривать их как частную форму или сессии ассамблей Генеральных штатов. Собrania Лангедойля при этом как бы задавали тон, определяя программу работы.

В 1340 г. Филипп VI не получил денежной помощи от локальных ассамблей. Депутаты штатов Лангедойля в Париже и Лангедока в Тулузе в 1346 и затем в 1351 г. сопротивляются налоговой политике короля, используя право императивного мандата и он получает помощь от локальных собраний, в том числе Нормандии, которая потребовала за это подтверждения провинциальной хартии. После капитуляции Кале депутаты Генеральных штатов в 1347 г. выражают готовность принять новый налог, однако провинции Нормандия и Вермандуа, предвосхищая будущую ситуацию, требуют, чтобы сбор налогов производился лицами, избранными штатами¹⁴.

Неблагоприятный для Франции поворот в военных событиях 40—50-х годов XIV в. и общественное недовольство, вылившееся в широкое движение за реформу управления, создали условия для той исключительной роли Генеральных штатов, которую они сыграли в середине столетия. Необычайная насыщенность короткого четырехлетнего периода активности Генеральных штатов, в которой аккумулировались возможности и слабости общегосударственного органа, выходящие за рамки конкретной ситуации 1355—1358 гг., дает основание специально выделить этот отрезок времени в истории сословного представительства.

Он представляет интерес прежде всего действиями сословий в Генеральных штатах. Их реализация могла существенно изменить судьбу этого органа. Осенью 1355 г. штаты Лангедойля, выразив готовность жить и умереть с королем и согласовав требуемую субсидию, назначили срок нового собрания с целью проверить, что было сделано по принятым решениям, главным образом по распределению и сбору налога¹⁵.

Фактически введенная регулярность органа параллельными ассамблеями в Париже и Тулузе, созываемыми в 1356, 1357 и 1358 гг., была законодательно оговорена в Великом мартовском ордонансе 1357 г. Ордонанс устанавливал право собираться 1 раз в год, «без писем и при-

казаний короля, в Париже или любом другом месте, где сословия пожелают»¹⁶.

В этой ситуации важно не только стремление сделать Генеральные штаты регулярным органом, но и реализованная сословиями инициатива их созыва, перехваченная у монархии после катастрофического поражения французов в Мопертюи 19 сентября 1356 г. Ассамблея Лангедойля открывается непосредственно вслед за этим событием, 17 октября, на 16 дней раньше запланированного срока. Дофин распускает оппозиционно настроенные штаты, но уже в декабре 1356 г. в связи с вооруженными волнениями в столице, вызванными введением новой монеты с уменьшенным количеством драгоценного металла, он вынужден разрешить проведение нового собрания 15 февраля 1357 г., на котором был выработан Великий мартовский ордонанс.

Попытки Иоанна II, заключившего перемирие в Бордо, прервать работу ассамблеи и дезавуировать ее решение о сборе установленной ею субсидии оказываются опять-таки безуспешными. Беспорядки в Париже вынуждают дофина — герцога Нормандского дать согласие на проведение нового собрания Генеральных штатов и на объявленный ими сбор субсидий¹⁷.

Сословия попытались углубить и расширить компетенцию представительного органа: они претендовали не только на право вотировать налоги (как обязательное условие их введения в государстве), но на контроль за распределением денег, а также за право собирать налог лицами, делегированными штатами в числе 9 генералов и 9 суперинтендантов (по 3 человека от каждого сословия). Это получило отражение в декабрьском ордонансе 1355 г. и было затем включено в Великий мартовский ордонанс.

Штаты оговаривали не только свое согласие на выпуск новой монеты, но и право назначать своих депутатов в качестве чиновников монетных дел¹⁸. Максимальную попытку контроля над исполнительным аппаратом составило решение об изменении принципа отбора чиновников в государственный аппарат комплектованием его за счет депутатов Генеральных штатов. Генеральные штаты вместе с Королевским Советом, в состав которого предполагалось ввести радикально настроенных депутатов с целью гарантировать принятие необходимых решений ассамблеи, должны были подготовить реформу всего аппарата. Наконец, не довольствуясь мерами финансово-ад-

мйнистративного порядка и пытаюсь закрепить политические притязания, Генеральные штаты обязали монархию не заключать мира и не созывать арьер-бана без их совета и согласия¹⁹.

Рассмотренная нами ситуация 50-х годов XIV в., связанная с деятельностью Генеральных штатов, организующих общественное движение, и осложненная восстанием парижан под руководством Этьена Марселя, исключительно четко обозначила расстановку социальных сил и позицию сословий. Именно этот социальный аспект событий объясняет, почему оказалась безуспешной главная попытка сословий сделать Генеральные штаты регулярным органом, а реформаторская их деятельность, частично взятая на вооружение монархией, пошла в конечном счете на пользу центральной власти.

В общественном движении 50-х годов еще до восстания горожан началась поляризация сил, вызванная резкими противоречиями между привилегированными сословиями и горожанами. Они были вызваны налоговой политикой тех лет, которая проводилась под давлением и в интересах городского сословия и свелась к установлению всеобщности налогов и введению вместо косвенных поборов (эд и габель) подоходного пропорционального налога. Сложная арифметика его распределения в декабре 1355 г. с неодинаковым для привилегированных и непривилегированных сословий верхним и нижним порогом облагаемого дохода в целом облегчала положение богатых элементов общества, перекладывая основную тяжесть налога на средние его слои и обеспечивая преимущество дворян перед горожанами. Однако принципиально это не меняло положения привилегированных сословий, становившихся податными. По решению собрания 1356 г. и Великому мартовскому ордонансу духовенство и дворянство должны были отчислять 10,5% собственного дохода, что означало плату в 15 ливров со 100 ливров дохода. Феодалы считали, что размер налога слишком велик, тем более что оппозиционные Парижу местные штаты Шампани установили плату в 100 су против 15 ливров со 100 ливров ренты²⁰.

Антидворянскую направленность носили и меры по запрету частных войн, особенно с недворянами, а также запрет дворянам покидать королевство и таким образом уклоняться от исполнения своего прямого долга по защите страны. Антидворянские настроения, возникающие в результате поражений французской армии, ответствен-

ность за которые, естественно, ложилась на феодалов, сопровождали и меры, направленные на развитие самообороны для отпора врагу и солдатским грабежам.

Противоречиями сословий был продиктован введенный уже ордонансом 1355 г. и закрепленный в 1356 г. принцип, по которому два сословия, будучи в согласии, не могли подчинить своему решению третье сословие²¹. Этот принцип, организационно ослаблявший представительный орган, получил таким образом юридическую силу прецедента принятого решения. Отсутствие единства не замедлило сказаться на работе Генеральных штатов и общественном движении 50-х годов XIV в. На январском собрании в Париже 1358 г. отсутствовала большая часть представителей дворянства и духовенства; собрание в феврале обнаружило практически полное отсутствие дворян, что освободило их от уплаты налога, так как они не дали на него формального согласия²².

Это собрание, четко обозначив глубокий раскол среди участников общественного движения, завершило этап легальной оппозиции, действующей главным образом через сословно-представительный орган. На смену ему пришло восстание парижан с открытыми вооруженными действиями против монархии.

Представляет значительный интерес опять-таки с точки зрения судеб сословно-представительной системы позиция горожан. Обнаружив высокую степень политической сознательности и приняв решительное участие в выработке проекта государственных реформ, справедливо оцениваемого исследователями как исключительный для того времени документ, которого не знали другие страны Западной Европы, сословие оказалось тем не менее не на уровне поставленных общественным движением задач.

Политическая активность сословия не смогла скрыть слабости его консолидации в общегосударственном масштабе. Документы свидетельствуют об активной роли в оппозиции Парижа, Амьена, Турнэ, Дуэ, Лилля, Арраса, Труа, Оссера, Санса, Аббевиля, Санлиса Манта и Мо²³. Однако противоречия, возникшие задолго до восстания Этьена Марселя, обострились в ходе его. Города Лангедока, повторив, по существу, на параллельной ассамблее в Тулузе решения собраний октября и января 1357 г., тем не менее не поддержали восстание. Началось постепенное ослабление энтузиазма и у северных городов. Оно было связано не только со взрывоопасной обстановкой в самих городах, но и с претензиями Парижа на главен-

ствующую роль, что неизбежно создавало ему преимущественное положение в раскладке налога и влиянии на государственное управление. Процесс отхода городов от борьбы с монархией подтолкнул развитие союза с Карлом Злым, королем Наварры, который попытался использовать движение, чтобы захватить французский престол. Он считал, что у него как сына Жанны, дочери Людовика X, больше прав на него, чем у английского короля Эдуарда III.

Стремление части дворянства и духовенства, возглавляемой Карлом Злым, к союзу с городской верхушкой и руководителями восстания было взаимным. Оно не исключало принципиальных расхождений в позиции и интересах этих общественных сил. Поддержка горожанами Карла Злого, в частности их помощь при освобождении его из тюрьмы в пику монархии, рассматривалась ими как средство давления на дофина и форма политического союза с представителями господствующего класса. Однако подобный союз для горожан был связан с большими потерями в их общественной позиции, так как объективно он способствовал феодальному сепаратизму и наносил ущерб делу борьбы за государственную независимость. Логика борьбы привела к тому, что восставшие отдали столицу в распоряжение Карла Злого, сделав его капитаном Парижа. Вместе с ним в город вошли и англичане. Париж таким образом совершает двойное предательство — по отношению к правящей династии и тем самым традиционному союзу с королевской властью и родине. Спустя некоторое время последнее обстоятельство явится одной из главных причин, облегчившей успех политического заговора сторонников регента, заговора, опирающегося на широкое движение городских масс и закончившегося гибелью Этьена Марселя и его сподвижников. Плачевный финал общественного движения 50-х годов и парижского восстания был подготовлен процессами социальной эволюции сословия, определившей его гетерогенность. Руководители восстания, как и городские депутаты Генеральных штатов, принадлежащие к патрицианско-бюргерской верхушке и чиновникам государственного аппарата, своей налоговой и монетной политикой вызвали недовольство средних и беднейших масс городского населения, оказавшихся главной ее жертвой²⁴.

Внутренний раскол сословия особенно отчетливо проявился в отношении городов к крестьянам, участникам Жакерии. Общественное движение 50-х годов и проекты

реформ, казалось, учитывали даже специальные интересы крестьянства. К ним можно отнести запрет на создание новых заповедников и уничтожение созданных за последние 40 лет, «как препятствующих вспашке земли и урожаю», осуждение неконтролируемого права постоя и натуральных поставок и требование компенсации связанного с ними ущерба, возможность организованного сопротивления захватчикам и грабителям в равнинной стране²⁵.

С началом восстания крестьян, спровоцированного в известной степени мерами регента против парижан, определились попытки к установлению союза между ними. Однако в отличие от городских низов, идущих на союз с Жаками в силу естественных причин, связанных с их общим положением угнетенных и эксплуатируемых масс феодального общества, руководители парижского восстания и верхушка ряда французских городов пытались использовать его в своекорыстных целях и не остановились перед предательством. Символическим выражением этого предательства явилась руководящая роль Карла Злого, политического союзника Этьена Марселя, в подавлении Жакерии²⁶.

Завершая характеристику этапа 50-х годов XIV в., хотелось бы остановиться на интересной странице отношений генеральных и провинциальных ассамблей. Эти отношения отличали не только согласованность действий, но и взаимная конфронтация, сюрпризы которой существенно корректируют представления о возможной роли отдельных звеньев представительной системы.

Отмеченная конфронтация отразила противоречия центра и провинций, которые попыталась успешно использовать монархия в борьбе против оппозиции, особенно на этапе вооруженной борьбы с Парижем. Регент предпринимает поездку по городам, без особых усилий восстанавливая их против Парижа. Тогда ассамблея Генеральных штатов в феврале 1358 г. принимает решение, запрещающее провинциальные штаты в Лангедойле²⁷. Единственно правомочной ассамблеей объявлялась генеральная ассамблея в Париже как лучшая и наиболее торжественная форма «обсуждения и решения дел, касающихся общей пользы». Ордонанс запрещал в какой бы то ни было форме повиноваться провинциальным собраниям. Действительно, провинциальные ассамблеи в ответ на запрошенные субсидии тут же выдвигали условия в пользу своих областей. Однако 25 марта дофин собирает шта-

ты в Санлисе, где получает поддержку у депутатов Пикардии и Бовези; 10 апреля собираются штаты Шампани и Провена с тем же результатом. Прибывшая туда делегация Парижа, пытавшаяся объяснить убийство в столице маршала Шампани, была встречена враждебно. Наконец, назначенное на 1 мая собрание Генеральных штатов в Париже переносится в Компьень при одобрительном отношении к этому многих городов, выразивших свое осуждение крайностям в политике Парижа²⁸. Таким образом провинциальные ассамблеи на последнем этапе общественного движения, не забывая о своих частных интересах, сыграли тем не менее роль, отвечающую общегосударственным потребностям.

Карл V, став королем, практиковал созыв генеральных штатов Лангедойля, усиленных представителями юга страны (в Париже в мае 1369 г., в Руане в августе и вновь в Париже в декабре этого же года), а также созыв провинциальных и местных штатов, побуждаемый к этому потребностями главным образом войны. С конца 60-х годов в связи с общим усилением королевской власти представительные органы испытывали определенное давление администрации²⁹.

Время правления Карла VI, которое исследователи называют наихудшим в истории Франции XIV—XV вв., оказывается тем не менее значительным в судьбах сословно-представительной системы. Крайне любопытна, в частности, ситуация, сложившаяся в 80-е годы XIV в.— время крупных антианалоговых, главным образом городских, волнений в Северной Франции,— повторяющая до известной степени обстановку 1356—1357 гг. В ней также присутствовало живое соединение деятельности Генеральных штатов и законодательства монархии в условиях ослабления королевской власти, а также активизации сословно-представительных органов, осложненная противоречиями между генеральными и провинциальными ассамблеями.

Под давлением антианалогового движения монархия вынуждена была созвать в ноябре 1380 г. штаты Лангедойля (или Генеральные штаты), которые потребовали уничтожить не только прямой налог фуаж, но и все другие налоги. Это требование получило отражение в соответствующем ордонансе Карла VI³⁰. Решительность собрания подкреплялась размахом волнений в Париже, направленных против ростовщиков. Попытка монархии решить финансовые трудности за счет провинциальных

штатов столкнулась с их выжидательной позицией. Штаты Нормандии, например, 10 декабря 1380 г. свой отказ в субсидии объяснили желанием подождать решения других городов³¹. Широкий протест вынудил Карла VI издать еще один ордонанс, где, подтвердив принятое раньше решение об уничтожении прямых и косвенных налогов, он особо оговорил свободы и привилегии сословий³².

Продолжение войны, однако, побуждало монархию вновь с конца января прибегнуть к помощи провинциальных ассамблей в Нормандии, в городах Шартре, Реймсе, Лане и Сансе, дарованной за значительные уступки. В марте 1381 г. были подтверждены некоторые привилегии дворянства и духовенства. В частности, дворянство и духовенство Лангедойля освобождались от косвенных поборов, дворянам вменялось при этом содействовать их взиманию.

Сбор доверялся лицам, избранным в каждом диоцезе от трех сословий; провинциальные штаты заявили о своем праве собираться по собственной воле. Все это являлось слабым отголоском событий середины века.

Попытки монархии в марте 1382 г. увеличить талью, размер которой установили провинциальные штаты, а также собрать ее силами своих чиновников, тем самым нарушив условие, выдвинутое этими собраниями, вызвали серию движений, из которых восстания в Руане (гарель) и Париже (движение майотенов) были самыми значительными. Любопытно, что, отменив вольности муниципальной жизни в Руане, король не отменяет штатов, с помощью которых вводит косвенные поборы. Еще в апреле 1382 г. штаты Пикардии в Компьене отказывают королю в новых субсидиях³³. Однако с конца 1382 г. монархия устанавливает косвенные поборы на войну собственной волей; последующие инструкции существенно расширили власть генеральных советников, что ограничило права местных и провинциальных штатов. Тем не менее Палата счетов в своем меморандуме королю по поводу изыскания денежных средств убеждает монарха следовать по пути «разговора со своим народом». Главный финансовый орган страны называет удобную, очевидно, с его точки зрения, форму множественных консультаций — собрания в Париже, бальяжах Санлис, Вермандуа, Амьен и других под контролем посылаемых туда представителей власти.

Новый взлет активности сословий, связанной с пред-

ставительным режимом, продемонстрировала ассамблея Генеральных штатов Лангедойля в 1413 г. Вторжение англичан в 1412 г. и внутренние беспорядки в стране, разоренной не только войной, но и феодальными усобицами, подвигли общественные силы на выработку нового ордонанса (так называемый кабошьянский ордонанс). Состоящий из 259 статей, в которых были вскрыты недостатки и предложены средства их устранения, он представлял собой некую кодификацию старых ордонансов монархии. Общественное движение осложнилось восстанием в Париже, обнаружившим острые противоречия внутри городского сословия и неудовлетворенность широкими слоями городских ремесленников и плебейства своим положением и результатами борьбы. Как и во время Великого мартовского ордонанса 1357 г., городские верхи вступили в союз с силами феодальной реакции в лице герцога Бургундского и врагами Франции — англичанами, повторив ошибки своих отцов³⁴.

Последствия битвы при Азенкуре и позорного мира в Труа, передавшего корону Франции английскому королю, сузили сферу деятельности сословно-представительных органов. В северных областях, подвластных англичанам, не собирались генеральные ассамблеи, несмотря на восстановление здесь налогов после короткого периода их отмены. Что касается территорий, контролируемых дофином и будущим Карлом VII, то здесь в течение 20 лет (с 1420 по 1440 г.) регулярно действовали собрания в виде генеральных, вернее, региональных (в Лангедоке и Лангедойле), провинциальных и местных собраний, оказавших значительную денежную помощь законному наследнику в его борьбе за престол и освобождение страны от англичан. Между 1421 и 1440 гг. штаты Лангедойля и Лангедока собирались 22 раза, причем вместе, как собственно Генеральные, в 1428 г. в Шиноне, в 1439 г. в Орлеане и в 1440 г. в Бурже³⁵. Первому из этих собраний предшествовали 6 предварительных попыток. Этот период отличает выраженная тенденция к отказу от генеральных ассамблей в масштабах всей страны, подготовленная всем ходом предшествующего существования сословно-представительных органов. На генеральной ассамблее в Шиноне, например, депутаты Лангедока заседали отдельно и просили впредь не созывать их вне пределов собственной страны.

Хотелось бы особо подчеркнуть организацию провинциальными штатами борьбы против отрядов наемников.

Они финансировали содержание армии для защиты от них своей территории или откупались от наемников.

В плане моделирования представительной системы следует отметить собрание Генеральных штатов 1439 г., принявшее принципиально важные для судеб монархии решения о постоянной армии и постоянном налоге для ее содержания. Эти решения не повлекли за собой формальной отмены права сословий на предварительный совет короля по вопросу о субсидиях. В ордонансе, принятом с согласия штатов, король оговаривает это обстоятельство, что не исключает выраженного им стремления ограничить подобную практику, объясняемого излишними тяготами, связанными с ней³⁶.

Однако на данном этапе идея постоянного налога еще не могла быть принята обществом, не говоря уже о том, что она не исключала возможности для сословий регулировать его размер или условия раскладки. К тому же у представительного органа, тем более общегосударственного значения, оставались функции политического характера, которые играли не менее важную роль. В частности, эта ассамблея была созвана для обсуждения вопроса о мире с Англией, претендующей на уступку Нормандии, Гиени и многих городов. Подобный прецедент имел место на ассамблее 1359 г., которая осудила предполагаемые на переговорах Иоанна II и Эдуарда III в Лондоне очень тяжелые для Франции условия мира. Участники ассамблеи исходили из представления, согласно которому король не может отдать подданных под другую власть без их согласия. Решение ассамблеи тем не менее не явилось тем конституционным поводом, на основании которого Карл V мог бы разорвать мир в Бретиньи, как не одобренный штатами. В 1439 г. высказывалась та же идея о невозможности для короля делить королевство без согласия подданных³⁷. Эта идея, как отмечалось выше, отразила состояние политической мысли XV века, согласно которой король рассматривался только как пользователь короны, лично отделенный от нее и связанный законами.

Единственные за время правления Людовика XI Генеральные штаты в Туре в 1468 г. тоже обсуждали злободневный для того времени политический вопрос об апанажах. Речь шла о ликвидации одного из неприятных для Людовика XI последствий войны против Лиги общественного блага — вырванного у него грандами обещания предоставить Нормандию в апанаж брату Карлу. Людо-

вик XI добился возвращения провинции с помощью штатов, подтвердивших принцип неотчуждаемости домена. На этом же собрании, участники которого обнаружили глубокое осознание государственных интересов, были высказаны жалобы по поводу материальных и физических трудностей, связанных с их участием на генеральных ассамблеях³⁸. И хотя сословия по-прежнему не отказывались от требования «совета» с ними короля, подобные настроения облегчали намерение центральной власти свернуть практику представительных ассамблей с очевидностью проявившее себя в правление Людовика XI. Это намерение легко объясняется желанием центральной власти освободить себя от контроля сословно-представительных собраний, особенно общегосударственного уровня, претендующих, как показал обзор их истории в XIV—XV вв., на решение самого широкого круга вопросов и трудно управляемых благодаря императивному мандату депутатов. Однако подобный поворот смог произойти лишь при определенных обстоятельствах, которые были связаны с успешным окончанием войны, важными реформами монархии и сдвигами в эволюции сословий.

Новую расстановку сил и новый этап в деятельности сословно-представительного режима, определившейся во второй половине XV в., ярко отразила работа последней в этом веке генеральной ассамблеи 1484 г.

ИТОГИ ПЕРИОДА. СОБРАНИЕ ГЕНЕРАЛЬНЫХ ШТАТОВ 1484 г.

В истории сословного представительства собрание 1484 г., созданное на переломном этапе в развитии французской государственности от сословной монархии к абсолютной, занимает особое место. Исключительность этого собрания подчеркнули сами современники, впервые употребив по отношению к нему термин «Генеральные штаты», который отразил его национальный характер.

О работе ассамблеи мы можем судить по уникальным для скудной в целом документальной базы по истории Генеральных штатов материалам. Основную часть их составил Дневник собрания, принадлежащий перу депутата от Руанского баляжа Жана Масслена и содержащий почти протокольную запись хода заседаний с дебатами депутатов, речами правительства и принятыми решениями. Дневник был издан в 1835 г. адвокатом Королевского двора А. Бернье, который использовал документы, хранящиеся в коллекции манускриптов Дюпюи из

собрания Дариоля, президента Палаты Счетов в 1484 г. Бернье сопроводил Дневник сводкой предложений, составленных сословиями и явившихся органическим его продолжением, сохранил латинский язык оригинала и старофранцузский язык некоторых выступлений депутатов, а также наказов сословий, дополнив латинский текст переводом на современный ему французский язык. Автор Дневника Жан Масслен был доктором канонического и гражданского права, каноником, затем настоятелем Руанского капитула. Великолепно владевший языками и даром слова, он трижды был уполномочен депутатами держать речь перед королем, его Советом и собранием. Из остальных материалов коллекции, главным образом финансового и организационного характера (документы денежного обеспечения депутатов и распределения налогов, сделанного в ходе заседания), Бернье опубликовал еще список депутатов, который позволяет оценить социальный состав собрания.

Генеральные штаты собрались в сложное для Франции время. Многие бедствия страны были связаны с не изжитыми еще последствиями войны с Англией, голода и эпидемий, а также феодальных усобиц периода борьбы монархии с Лигой общественного блага и за подчинение Бургундии в 60—70-е годы XV в. После смерти Людовика XI в августе 1483 г. престол занял его малолетний сын Карл VIII, которому до коронации оставалось еще 10 месяцев³⁹. Страной правила старшая сестра — дама де Боже, и ее муж — Пьер Боже — обстоятельство, которое не гарантировало от злоупотреблений и беспорядков. В борьбе за управление государством, в частности через Королевский Совет, принцы крови, представители дома Орлеанов и Бурбонов составили оппозицию. Ее возглавил Людовик Орлеанский (будущий Людовик XII), стремившийся стать опекуном короля и регентом государства. Желая использовать Генеральные штаты для реализации своих планов, он попытался созвать ассамблею в центре своего апанажа — Орлеане. Однако из-за эпидемии чумы собрание состоялось в Туре и не оказало герцогу требуемой поддержки в захвате власти. Уже после окончания работы Генеральных штатов члены оппозиции предприняли попытку открытого мятежа, который, однако, был быстро подавлен.

Состав собрания, его организационные особенности. Ассамблея собралась 5 января 1483 г. и продолжала работу до 14 марта. Основные заседания происходили во

дворце архиепископа Турского. В списке депутатов названо 284 имени. На этом собрании, по существу замыкающем период сословной монархии во Франции, впервые был последовательно реализован принцип выборности депутатов, когда каждое из сословий послало по распоряжению правительства от 1 до 3 депутатов от бальяжа или сенешальства. Опять-таки впервые в истории Генеральных штатов, заседаая вместе, депутаты разделились не по сословиям, а по территориальному принципу, который лег в основу представительства и работы собрания в целом. Было сформировано 6 секций, соответствующих делению Франции на 6 финансовых округов-генералите:

- I — Париж, Шампань, Вермандуа, Санлис, Сане, Шартр, Орлеане, Ниверне, Оссер, Макон, Монтаржи;
- II — герцогство и графство Бургундия;
- III — Нормандия;
- IV — Аквитания (Арманьяк, Фуа, Ажене, Перигор, Керси, Руэрг);
- V — Лангедок (Дофине, Прованс, Руссильон);
- VI — Берри, Пуату, Анжу, Мэн, Турень, Лимузен, Овернь, Форэ, Божоле, Лизье, Сэнтонж, Рошель.

Каждая секция получила отдельный зал для заседаний. Президентом собрания был выбран 1 депутат Парижа аббат Сен-Дени.

Депутаты твердо отстаивали принцип выборности в работе собрания. 17 февраля было высказано пожелание, чтобы на ассамблею не был допущен никто, кто не являлся избранным лицом, обладающим мандатом избирателей, и канцлер принял его⁴⁰. Действенность этого решения была проверена в двух случаях — по отношению к чиновникам государственного аппарата, прежде всего Парламента, а также духовенству. Епископам, которые пожелали присутствовать в соответствии с привычным правом личного вызова и в полном составе, было отказано в их требовании.

Последовательное применение принципа выборного представительства оказало влияние на социальный состав депутатов, резко сократив число светских и духовных магнатов и соответственно увеличив численность среднего духовенства и дворянства. Эта особенность существенно отличала ассамблею 1484 г. от собраний XIV — начала XV в., состав которых в значительной сте-

пени определялся местом в феодальной иерархии и близостью к королю.

От духовенства в работе ассамблеи приняли участие 2 архиепископа (Бордо и Буржа), 14 епископов, 27 аббатов и викариев, один кюре⁴¹.

К титулованному дворянству в числе 13 человек принадлежали сеньоры Монморанси и де ля Тремуи, графы де Лавор и де Кандаль, виконт Полиньяк, мессир де Леви, шевалье и маршал де ля Фуа и сеньор баронии Мирепуа, Иехан Брисонне из знаменитого дома де Тур и некоторые другие. 47 человек были определены как сеньоры, шевалье и экюйе. Обращает на себя внимание высокий процент лиц, имевших звание мэтра, знатоков канонического и гражданского права: 18 человек из духовенства, двое с титулом экюйе, 33 из числа представителей третьего сословия. В общей сложности они составили 73 общего числа депутатов — довольно значительный процент, который подтверждает и реакция участников собрания, не раз отмечавших многочисленность «судейских» лиц. С учетом того обстоятельства, что многие из депутатов занимали государственные должности, становится понятной и фраза канцлера, подчеркнувшего «высокое» представительство на собрании докторов и могущественных людей.

Любопытно, что в семи случаях в представительстве главным образом от южных областей страны (Бокера, Каркассона, Прованса и др.) депутаты-горожане вообще отсутствовали, и третье сословие, таким образом, представляли духовенство и дворяне. Вместе с тем присутствие последних от каждого бальяжа и сенешальства было неизменным, что можно считать показателем политической активности привилегированных сословий. Это наблюдение чисто организационного порядка найдет подтверждение при анализе работы ассамблей.

Правительство пыталось направить работу ассамблеи под знаком единства. Мотивируя это условие общественной пользой, канцлер во вступительной речи призвал действовать без раздражения и амбиций во имя интересов государства⁴².

Система территориального представительства с последовательно проведенным принципом выборности организационно содействовала обеспечению этого единства. Специальная комиссия из 6 депутатов от каждой из 6 секций после нескольких дней предварительной работы и с 23 января — публичного обсуждения материалов —

свела данные по баляжам, сенешальствам и генералите в общие наказы по каждому из сословий и в два общесословных проекта по вопросам правопорядка и торговли.

Попытки правительства настроить депутатов на единомыслие были, казалось, подкреплены высокими и необычными для средневековой сословной практики представлениями на ассамблее о мандате и достоинстве депутата.

Канцлер определил депутатов как достойных мужей общества (*virosum proborum societas*); на ассамблее неоднократно вспоминали об их законном долге людей, связанных с избирателями необходимостью выполнения мандата; делались попытки изобразить положение депутата как представителя не одного сословия, но всех избирателей и общих интересов государства. Особый интерес вызывает в этой связи применение на ассамблее принципа большинства при выработке ряда вопросов, что принципиально меняло средневековую природу императивного мандата⁴³.

Тем не менее реальность оказалась гораздо сложнее; на собрании в действительности отсутствовало единодушие, многие из обсуждаемых вопросов порождали страсти, в которых, по словам Масслена, кипели подозрительность и ненависть. Противоречия начались с подразделения на секции, когда президент ассамблеи (депутат от парижской секции) выступил с заявлением, чтобы голосование проходило не по секциям, а по баляжам, так как его секция превосходила другие по числу баляжей. Особой остроты противоречия достигли при обсуждении налогового вопроса и комплектовании состава Королевского Совета. В изложении этих разногласий у Масслена подчеркнуты противоречия между провинциями. При раскладке налога, по его словам, следовало следить за тем, чтобы коллега-депутат не перебросил на чужой баляж часть, причитающуюся его области. Борьба с целью облегчить свою участь шла на уровне генералите и баляжей и распространялась далее на налоговые округа (*elections*) и входящие в них приходы. Масслен с горечью отмечал, что каждое заседание рождало новые дискуссии, «дело оборачивалось гидрой с 7 головами — на месте одной отрубленной возникали две новые». Этими распрями провинций пользовалось правительство, действуя по принципу «разделяй и властвуй», срывая планы и притязания депутатов⁴⁴.

Распри порождали страх, что кто-то «опередит» в повиновении королю. Депутаты уступали «из любезности», точнее, под давлением или из желания приобрести фьеф или пенсию. Масслен сообщает красноречивый своей откровенностью факт, как Нормандия, первоначально снискав в налоговом вопросе славу самой трудной провинции, получила скидку, которая сопровождалась советом со стороны правительства ее депутатам сохранять недовольный вид, с тем чтобы не возбудить нежелательные надежды и страсти в среде депутатов других провинций⁴⁵.

Дополняя оценку Масслена, хотелось бы подчеркнуть, что столкновения депутатов в работе ассамблеи питали не только местнические интересы. Они носили характер остросоциальной классовой, межсословной и внутрисословной борьбы, свидетельства которой особенно важны для характеристики позиции и положения сословий. С учетом итогового для периода сословной монархии значения Генеральных штатов 1484 г., эта характеристика составит основную задачу анализа работы ассамблеи. Ее решение должно объяснить сдвиги, которые произошли в обществе и судьбах сословного представительства к концу XV в. Кроме того, именно вопрос о положении сословий в конечном счете доминировал в работе ассамблеи — будь то при обсуждении наказов депутатов или программы, предложенной правительством, которая включала церковный и налоговый вопросы, реформы в области администрации и суда, комплектования Королевского Совета.

Характер имеющегося материала и избранный аспект его анализа позволил выделить несколько проблем.

Церковный вопрос. Судьба Прагматической санкции. Обсуждение церковного вопроса, к которому неоднократно возвращались участники ассамблеи на общих заседаниях (2 и 4 февраля) и узких встречах, в частности канцлера с 12 специально уполномоченными депутатами штатов (2 марта), явилось предметом одного из наиболее крупных конфликтов, сопровождавших работу собрания. Он был вызван двумя демаршами прелатов церкви. Первый из них заключался в том, что, как отмечалось выше, прелаты потребовали права присутствовать и заседать на ассамблее корпорацией архиепископов и епископов в полном ее составе. Такое нарушение выборного принципа в работе ассамблеи они мотивировали необходимостью предпочтительного к себе отношения

как к руководителям галликанской церкви. Однако им было сказано, что ассамблея является не церковным собором, а собранием сословий, созданных по решению светской власти и в соответствии с принятой ею формой. Категорический отказ прелатам в их просьбе был сопровожден резонным и насмешливым замечанием о том, что если претензия касается архиепископов и епископов, то почему бы ее не распространить на всех архидьяконов и кюре или на все дворянство и весь народ? Правда, в этом случае присутствующим, по их утверждению, оставалось неясно, кто бы содержал такое собрание.

Другой причиной скандальной, по словам Масслена, ситуации явилось нежелание прелатов обсуждать вопросы, касающиеся святого престола, с которым они связаны клятвой. Это заявление сопровождалось шумным неодобрением присутствующих, выразившимся в громкой брани, жестах и освистании епископов. Второй инцидент имел любопытный оттенок, объяснимый тем состоянием, которое переживала галликанская церковь. Внесение церковного вопроса в программу светского собрания, не являясь чем-то исключительным в политической жизни Франции и даже в представительной практике, тем не менее имело некоторые новые черты.

Наказ по церковному вопросу, представленный королю и Совету, был составлен от имени трех сословий и предполагал проект мер, направленных на благо и пользу королевства, которое, как отмечалось, тоже заинтересовано в благополучном положении церкви. Отражая идеи времени, авторы документа высказывали идею ограничения решений римского папы не только собором, но и мнением трех сословий.

Депутат от Парижа, Иехан Рэли, доктор теологии, уполномоченный депутатами, в своей речи перед королем при обсуждении церковного вопроса иллюстрировал «деформированное», по его словам, положение в церкви, в частности, указанием на отсутствие порядка в орденах — бенедиктинском, августинском и францисканском. Он побуждал монарха издать соответствующий ордонанс, устанавливающий правила и дисциплину в церковных общинах. Отметив отсутствие порядка в церковной иерархии и гордыню прелатов, он напоминал, что церковь основана не для бога, а для народа, которому духовенство должно подавать благой пример, и предлагал королю и сословиям заставить людей церкви соблюдать декреты святых соборов⁴⁶.

Это настойчивое подчеркивание на ассамблее необходимости вмешательства короля и сословий в дела церкви отразило определенные осложнения и в без того противоречивых взаимоотношениях духовной и светской власти. Природу этих осложнений передает реакция на Прагматическую санкцию, категорическое требование соблюдать которую, высказанное на ассамблее, разделило ее депутатов. В числе противников этого документа были не только лица духовного звания. Прагматическая санкция являлась документом, принятым на ассамблее духовенства, собранной Карлом VII в мае — июне 1438 г., на которой присутствовали принцы крови и члены Королевского Совета. Частично адаптировав постановления Базельского собора, она вместе с тем продолжала серию королевских ордонансов 1385, 1398, 1406 и 1407 гг. и была оформлена как ордонанс 7 июля 1439 г.⁴⁷

Прагматическая санкция в определенном смысле завершала этап, переживаемый христианской церковью в течение последних 50 лет, начиная с апреля 1378 г., когда были избраны на римский престол голосами 16 кардиналов Бартоломео Приньяно под именем папы Урбана VI, а в сентябре того же года, частично голосами тех же прелатов и 12 отсутствующих при первых выборах, — Роберт Женев под именем Клемента VII. Отречение Клемента VII в 1429 г. положило конец длительной распре, последствием которой, однако, послужили попытки реформы церкви. Наиболее существенным результатом их явилось ограничение власти папы решениями соборов, не исключавших присутствия и, следовательно, влияния светских государей. Развитие процесса государственной централизации, проходившего в странах Западной Европы и изменившего соотношение сил духовной и светской власти в пользу последней, особенно явственным было во Франции. Здесь следует вспомнить 70-летний период Авиньонского пленения пап и победы монархии в середине и второй половине XV в., тем более существенные, что церковный раскол был тесно переплетен с арманьяко-бургундской распрей.

Прагматическая санкция 1439 г., для которой пытались создать прецедент в виде фальшивой Прагматической санкции 1268 г.⁴⁸, обеспечивала условия независимого для галликанской церкви существования по отношению к Риму. Она провозгласила следующие принципы: право избрания прелатов церкви — архиепископов, епископов и аббатов; отмену аннатов — побора в размере

дохода одного года от данного папой бенефиция, т. е. своеобразного рельефа, который имел каждый сеньор от любой операции вассала с фьефом; свобода выборов, которую гарантировала отмена права «reserve» папы — на «предпочтительные» (prevention) и предварительные (graces expectatives) назначения на должность; запрет создавать новые канониаты в капитулах или коллегияльных церквях, где было предусмотрено определенное число пребенд; сокращение судебных прав Римской курии за счет регламентации права апелляции только делами вероучения и точным соблюдением прав всех инстанций при этом. Особая статья оговаривала сохранение некоторого числа бенефициев для «gradues» — знатоков права, имевшая целью повысить культурный уровень духовенства и покровительствовать образованию.

Прагматическая санкция, таким образом, определила свободы галликанской церкви, получившие окончательное оформление уже в XVI в. Она послужила основанием для двух главных максим галликанских свобод, сформулированных в виде 83 статей Пьером Питу в 1594 г., которые сводились к утверждению о независимости короля от папы в светских делах и лимитированности могущества папы священными канонами, принятыми во Франции⁴⁹.

Однако в правление Людовика XI исполнение Прагматической санкции стало нарушаться, в частности благодаря нескольким эдиктам, подготовленным епископом Арраса Жаном Гофреди и согласованным после переговоров с папами Пием II, Павлом II и Сикстом IV. В 1472 г. компромисс с Римом предполагал право папы претендовать на вакантные бенефиции в течение 6 месяцев в году, но при условии согласования кандидатур с королем. Кандидатуры при этом предлагались главным образом из числа его ставленников. Сложилась странная, казалось бы, ситуация, являющаяся отклонением от традиционной в последние два века позиции французской монархии по отношению к папству. Не менее любопытной представляется и уже отмеченная ранее реакция Парижского Парламента, который отказался регистрировать эти эдикты. Не исключено, что здесь могли иметь место чисто тактические соображения короля во взаимоотношениях с Римом, тем более что вскоре период примирения Людовика XI с папством вновь сменился конфронтацией.

Дополнительную ясность в ситуацию вносят материа-

лы ассамблеи 1484 г., которая демонстрирует отчетливое стремление восстановить Прагматическую санкцию. Выраженную антиримскую направленность носят выступление Иехана Рэли, общий наказ сословий по церковному вопросу и особенно наказ от третьего сословия. В последнем документе при объяснении причин бедственного положения народа одной из главных составители называют посягательства Рима. Во времена понтификата пап Александра и Мартина за 4 года, по их утверждению, из государства была вытянута сумма более 2 млн. золотых франков — акция, которую они называли «удивительной». 103 епископства и более 3 тыс. аббатств и приорств страны, по их словам, испытывали тяжелые поборы со стороны Римской курии. Они обличали практику индульгенций и десятин; пытаясь предотвратить откачку денег, они предлагали не пускать в страну папских легатов; требовали соблюдения выборов духовенства. Вместе с тем в намерении большей части депутатов ассамблеи восстановить Прагматическую санкцию присутствовала и другая направленность — против ее невыполнения самой светской властью. Критика была обращена на Людовика XI, нарушавшего в свою пользу выборы епископов, из-за чего бенефиции были даны недостойным, а имущества церкви расхищены. В длинном перечне злоупотреблений говорилось, как под предлогом королевского покровительства были взяты в казну короля десятины, отняты многие духовные и материальные права церкви, королевские комиссары не соблюдали иммунитет духовенства, особенно в налоговых вопросах, в частности вынуждая платить со старинных дарений (*fondations*), предполагавших право церкви полностью использовать их доход. Особо оговаривалось светское имущество людей церкви, с тем чтобы оно не было схвачено или испорчено по несправедливой причине⁵⁰.

Приведенные факты позволяют думать, что для королевской власти решение проблемы независимости от римского престола было в известной мере пройденным этапом. Задолго до второй половины XV в. королевская власть получила доступ к церковному имуществу, превратив десятину в объект собственных притязаний, существенно ограничив судебные права церкви и нарушая практику выборов в свою пользу. Французской монархии уже мешали свободные выборы в том виде, в каком они были декларированы в Прагматической санкции. Бо-

лонгский конкордат в начале XVI в., как явствует из материалов ассамблеи, оформил уже сложившееся положение дел и имел значение в известной степени итогового документа.

Красноречивым показателем близости церкви и государства в XV в. служит процесс широкого приобщения духовенства к гражданскому праву, знание которого служило ключом к успеху в карьере. Обратной стороной этого явления была используемая королями практика пополнения администрации лицами, имевшими или получившими церковный бенефиций, часто с их же помощью. Любопытным примером служит биография крупного государственного чиновника и прелата Жака Жувенеля Дезюрсена. В 1437 г. он в возрасте 26 лет является советником и адвокатом Парижского Парламента; в 1441 г. получает первый бенефиций—архидьяконат в Париже. В 1443 г. Дезюрсен—казначей Сен-Шапель, в июле 1444 г. — советник короля, в сентябре 1444 г.— архиепископ Реймса, в январе 1445 г. — президент — клерк Палаты счетов. В конце 40-х годов он выполняет дипломатические функции, является епископом Пуатье и патриархом Антиохии. Осенью 1449 г. он получает епископство Фрейюс, которое, сохранив епископство Пуатье, меняет (как вещь) на приорство Сен-Мартен де Шамп в Париже. После 1453 г. Дезюрсен уходит от больших дел, но остается президентом Палаты счетов. Его жизненный путь вполне созвучен эпохе XVI в., когда церковный галликанизм приобрел характер государственного галликанизма.

Новые тенденции не могли не сказаться на позиции сословий и их неодинаковом отношении к церковному вопросу, поскольку в среде депутатов отсутствовало как межсословное, так и внутрисословное единство. Одной из причин живой реакции участников ассамблеи на положение дел в церкви и ее благополучие могла быть прямая заинтересованность в статусе духовенства как источнике доходов и возможности сделать карьеру младшим сыновьям дворянства, особенно мелкого и среднего, а также выходцам из городского сословия и даже крестьян. Тем более что действительность подкрепляла многими примерами подобные расчеты и надежды. Выходцы из низшего дворянства Пьер Рожер и Гильом Гримоард стали папами под именами Клемента VI и Урбана V, сын горожанина Этьен Оберт — папой Иоанном VI, а сын крестьянина Жан Шарлье — канцлером

Университета. Для окрепнувшей в новых условиях королевской власти резко сократилась опасность чуждого церковного влияния в государственном аппарате, тем более что духовный статус многих его чиновников, особенно крупных, был приобретен не без ее участия. Государственный механизм французской сословной монархии и политика королевской власти, отказавшейся от прежнего стремления максимально ограничить и даже вытеснить людей церкви из состава государственных чиновников, характерного для XIII — начала XIV в., порождали надежды депутатов.

Однако возможность повторить судьбу Жака Жувенеля Дезюрсена существовала лишь для немногих. Последнее соображение может, на наш взгляд, послужить одним из объяснений неодинакового отношения участников ассамблеи к Прагматической санкции. В отличие от низшего духовенства, дворян и чиновников, как отмечает Масслен, «принцы и прелаты» не хотели поддерживать Прагматическую санкцию. Для представителей высших ступеней феодальной и церковной иерархии связь с королевскими милостями, как, впрочем, и с милостями Рима, была более очевидной. Галликанские свободы, в частности выборы духовенства, представляли существенно большую ценность для членов капитулов, права которых страдали от политических комбинаций грандов и прелатов.

Разница экономических возможностей отдельных приходов и диоцезов, а также титулованных и нетитулованных церковных бенефиций усугубляла противоречия среди духовенства. В 1471 г. архиепископство Руана было обязано отчислить в Рим 12 тыс. флоринов, епископства Лангра и Нарбонны — 9 тыс., Дакса — 500 флоринов, Пюи — 300, Байонны — 100. Аббатство Ключи платило Риму 9 тыс. флоринов, Сен-Жермен де Пре и Фекамп — 8 тыс., в то время как аббатство Сен-Савэн — 150 флоринов. Существующая система отчислений от титулованных церковных бенефиций на обеспечение низших церковных должностей, естественно, не способствовала смягчению экономических противоречий, и статья Прагматической санкции, регулирующая число пребенд, рассматривалась низшим духовенством как гарантия его обеспеченности.

К этому следует добавить острые противоречия судебного характера в среде духовенства, которую отличала достаточно сложная иерархия церковных единиц.

В 80-е годы XV в. примерно 15 архиепископств объединяли 88 (или 103?) диоцезов, которые в свою очередь подразделялись на архидиаконы и дьяконы⁵¹. В этой соподчиненной системе отдельные архиепископства на своем уровне претендовали на верховенство в судебных делах, что увеличивало число судебных инстанций при прохождении дел. В диоцезах монашеские организации и капитулы церквей конфронтировали с епископами, не упуская возможности использовать королевский суд. В этой ситуации требование Прагматической санкции о соблюдении иерархии по делам апелляции должно было, в случае соблюдения самого документа, обеспечить судебный порядок. Представляется понятным и специально оговоренное в наказе по церковному вопросу требование защиты прав Университета, созвучное Прагматической санкции. Последняя, как отмечалось выше, предусматривала обеспечение магистров и самого дела образования в государстве, что не могло не найти поддержки участников ассамблеи, треть которых составляли магистры права, чиновники судебного и административных ведомств. Не случайно генеральный прокурор по вопросу о выполнении Прагматической санкции на ассамблее заявил, что ее сторонники грозят прибегнуть к помощи Парламента, уже зарекомендовавшего себя, как отмечалось выше, защитником галликанских свобод.

Несмотря на оппозицию прелатов, наказ сословий по церковному вопросу был утвержден правительством⁵².

Второе сословие на ассамблее. Его гетерогенность и политические притязания. В своем наказе дворянство определило себя как «нерв и силу королевства», хранителя его имущества и свободы. Наказ отразил явный факт обеднения части дворянства, очевидного из жалоб сословия на собственное положение и его предложений. Их сводка начинается с констатации факта «большой бедности» среди дворян и продажи ими в связи с этим наследственной собственности. Основной причиной этого явления названы многочисленные требования военной службы — бана и арьер-бана, которые они просят ограничить необходимостью защиты государства и суждением Королевского Совета.

При обсуждении наказа 10 февраля депутат Парижа, доктор теологии и каноник И. Рэли в своей речи перед ассамблеей выразил эту просьбу в более резкой форме, напомнив о взаимных обязательствах сеньора и

вассала и особенно подчеркнув угнетение господином сверх обычая подданных, которое он назвал захватами и преступлением. Дворяне жаловались на продажу рент, которые они из-за бедности не смогли выкупить в срок и теперь просили продлить эту возможность на два года⁵³.

Упоминание о лимитированном обычае арьер-бане составляет только часть предложений дворянства по поводу военной службы, которые, таким образом, позволяют оценить его отношение к военным реформам. Подобная оценка должна служить важнейшим показателем позиции дворянства, поскольку оно продолжало оставаться и по существу, и по представлениям современников основной военной силой общества, несмотря на происходившие перемены в структуре армии в связи с возросшим значением инфантерии. Любопытно, что признание этого обстоятельства полностью подтверждается в наказе третьего сословия, депутаты которого объявили армию уделом дворянства. Три статьи наказа и некоторые детали обсуждения показывают процесс ломки, который происходил в армии и в сознании военного сословия. Напоминание о размерах арьер-бана служит несомненным признанием наличия феодального ополчения в качестве традиционного элемента военной организации. Более того, в наказе дворянства нашла отражение попытка вернуть себе позиции руководителей феодального ополчения, которые некогда имела довольно широкая масса дворянства — от титулованных дворян до шевалье-баннере. Они просили, чтобы сеньор вел в бан своих людей без вмешательства со стороны бальи и сенешалей, которые бы не принуждали держателей фьефов (очевидно, в нарушение вассальных обязанностей) служить королю.

Наивность этой попытки обнаруживает параллельно высказанное дворянством пожелание о регулярной выплате денег за военную службу, которое оно мотивирует похвальным стремлением не жить за счет народа. Оплачиваемая военная служба в королевской армии стала уже привычной и основной формой отправления дворянством военных обязанностей со всеми вытекающими отсюда последствиями в виде дисциплины, предполагающей беспрекословное подчинение королю и ломающей принципы феодальной иерархии в его пользу.

Особенно важной в этой связи представляется выраженная на ассамблее заинтересованность дворянства в

этой форме службы, убедительно обозначившая перспективу военной организации. В одном из пунктов наказа формулируется требование доверить защиту пограничных крепостей не иностранцам, а дворянам данной области, которые будут действовать в качестве капитанов. Целесообразность подобной системы мотивируется не только гарантией большей военной безопасности, но и соображением о том, что французы принесут меньше вреда народу, чем иностранцы. Особенно любопытно в этом плане специальное обращение депутатов Нормандии к королю в ходе работы ассамблеи, где они ставят вопрос о военной защите их провинции и предлагают фиксировать определенное число людей и их оплату для службы охраны из дворян местного происхождения, не имеющих состояния, а также для службы в кавалерии местных сеньоров в качестве командиров⁵⁴.

Дополнительный свет на позицию дворянства проливают дебаты по поводу постоянной армии, численность которой депутаты четко связывают с размером налога, требуемого правительством.

Когда правительство потребовало сумму на содержание армии в 2500 ланс (т. е. 15 000 человек кавалерии) и 6000 пеших воинов, было высказано мнение ограничиться практикой бана и арьер-бана, поскольку славу и силу родины составляют не оплачиваемые воины, а любовь подданных к монарху и их помощь ему мудрым советом⁵⁵. Только тиранам, утверждал Масслен на ассамблее, нужна армия, внушающая страх. Против врага у короля есть дворянство и верный народ, полные энергии и доброй воли. Пафос этого утверждения, однако, был направлен не столько против самого факта постоянной армии, сколько на сокращение ее численности. Основное зло большой армии депутаты видели в трудностях ее обеспечения на марше или в период пребывания в гарнизонах городов и замков — обеспечения, которое оборачивалось изъятием продуктов у населения, главным образом сельского. Депутаты неоднократно напоминали о зле, которое несли с собой банды неорганизованных военных людей, скрывающихся в лесах и грабящих население. Пожелание депутатов вернуть этих людей к их основным, в том числе мирным занятиям было не чем иным, как косвенным признанием необходимости постоянной армии.

Нельзя не обратить внимания на то обстоятельство, что для Масслена и других депутатов проблема числен-

ности армии связывалась с задачами обороны от нападения извне. Поэтому депутаты требуют сокращения числа городов и замков, в которых бы содержались гарнизоны, недоумевая, почему, в частности, в Аррасе гарнизон насчитывает 400 пеших воинов и 550 человек кавалерии, когда поблизости нет врага. Они высказывают пожелание сократить оплату капитанов крепостей, называя суммы в 1200 ливров, которые получали капитаны Бастилии и крепости Сен-Антуан в Париже, бесполезной потерей народных денег.

Герцог Бурбонский, протестуя против предложения ассамблеи свести число ланс до 2 тыс. вместо 2500, особо оговаривает необходимость дополнительных резервов для охраны крепостей, подчеркивая при этом возможную внешнюю угрозу со стороны англичан для Пикардии (600 ланс и 2920 инфантерии) и Нормандии (700 ланс помимо людей гарнизонов), для Бургундии — из-за близости к немецкой границе (400 ланс помимо гарнизонов), для Гиени — в противовес проискам Англии и Испании (100 ланс и гарнизоны), для Руссильона — из-за Арагона (200 ланс) ⁵⁶.

Внутренняя задача армии, предназначенной для укрепления монархии, оказывается неназванной. Но она присутствовала в тревогах канцлера, желавшего избежать разногласий на ассамблее, чреватых внутренними беспорядками в стране и напоминавшего о миролюбивом характере французов в отличие от англичан. Отстаивая предложенную численность армии, он подчеркивает необходимость последней для государства в качестве его правой руки, без которой тело было бы деформировано.

О капитане Бастилии на ассамблее вспоминают еще раз, в контексте исключительно внутренних задач борьбы монархии с ее политическими противниками. Граф Карл Арманьяк, подавший жалобу королю, рассказал ассамблее, что капитан Бастилии держал его во время заточения в крепости в карцере, подвергая мучениям голода и жажды, пыткам водой, падающей на голову, и т. д. ⁵⁷

11 марта при подведении итогов работы ассамблеи канцлер отметил, что наказ дворян принят целиком, за исключением статьи, в которой говорится, чтобы сеньоры вели своих вассалов на войну ⁵⁸. Этот ответ, лаконично перечеркнувший частную инициативу даже в области арьер-бана, убедительно знаменовал победу принципов, за которые боролась монархия в течение XIV и XV вв.

В борении старых и новых представлений, в частности о военных обязанностях второго сословия, последние брали верх, приближая среднее и низшее дворянство к королю. Именно эти сдвиги в положении господствующего класса сделали возможным изменение принципа представительства применительно к дворянству.

В работе ассамблеи обращают на себя внимание противоречия в среде светских феодалов. Ее материалы позволяют выделить группу грандов, представленную главным образом принцами крови и оппозиционную по отношению к опекунам короля — старшей сестре короля и ее мужу герцогу де Боже. В нее входили герцоги Орлеанский, Алансонский и Бурбонский, графы Ангулемский, Фуа и Дюнуа. Они принесли с собой мятежный дух грандов, владельцев больших принципатов, со своей администрацией и тяготением к государственности. Некоторые из них еще в XV в. претендовали на королевское достоинство и титул управления «милостью божьей» («*par la grace de Dieux*»), подобно владельцу тогда еще не входившего в состав королевского домена герцогства Бретань. С такими притязаниями в XV в. выступали графы Фуа, Арманьяк, Комменж, Астарак. В 1443 г. в обвинительном акте, предъявленном от имени Карла VII Гастону IV Фуа на предмет узурпации прав короны, говорилось о неправомерном использовании им титула «правителя милостью божьей», о запрете собирать королевские налоги, нарушать право королевской охраны (*sauvegarde*) и вести частную войну с подданными⁵⁹. Королю приходилось доказывать, что он универсальный сеньор для всех жителей в своем королевстве.

В уже упомянутой речи депутата Парижа теолога И. Рэли, в той ее части, где комментировалось положение дворянства, названные им «беспорядки» в этом сословии касались в основном образа жизни и поведения крупных феодалов — их стремление к роскоши и исключительные траты в одежде и жилище, забвение старинной традиции оказания милостыни и благодеяния. Он упрекал грандов в прямой ответственности за угнетенное и бедственное положение народа, который страдает от непереносимых тягот, и в укрывательстве этого факта от короля. Конфронтация ассамблеи и принцев приняла конфликтный характер при обсуждении состава Королевского Совета — вопроса, приобретшего острополитическое значение в условиях несовершеннолетия короля. Политические расчеты принцев, стремившихся к бесконт-

рольному распоряжению этим органом, в частности с целью ограничения влияния семейства де Боже, оказались под угрозой. Депутаты ассамблеи предприняли настойчивые, хотя и не совсем последовательные, попытки ввести в этот орган выборных представителей из своего состава. Эта акция, справедливо оцененная ими как проявление свободы и силы сословий, не получила одобрения со стороны принцев, которые приложили серьезные усилия к тому, чтобы смягчить и обесценить ее последствия. Масслен, комментируя затянувшиеся споры по этому вопросу, заметил, что принцы предпочитали собственные интересы служению общественной пользе и свободе сословий⁶⁰.

Притязания принцев на политическую роль в государстве дезавуировали внутренние распри и мелочная озабоченность членов этой группы местоположением около короля. Герцог Алансонский, в частности, ущемленный активностью герцогов Орлеанского и Бурбонского, апеллировал к ассамблее, напоминая о своих заслугах и родственной близости к королевскому дому и просил не наносить ему бесчестья. Ассамблея при выработке документа, касающегося состава Королевского Совета, высказала пожелание обозначить место сира Боже в иерархии его членов после герцогов Орлеанского и Бурбонского, оговорив, что, как и раньше, он и дама Боже будут около персоны короля. Однако депутат сир де ля Рош, отличившись на ассамблее политически смелым выступлением, в котором сформулировал идею народного суверенитета, в данном случае проявил осторожность, сказав, что последняя статья посеет рознь. В результате она не вошла в документ о Королевском Совете, где герцог Орлеанский был обозначен как вторая персона королевства, который в отсутствие короля будет председательствовать в Совете; в случае его отсутствия его подменял герцог Бурбон, коннетабль Франции. Сир Боже был назван в числе 12 первых советников короля.

Ассамблея не преминула отметить губительные для государства последствия политических раздоров принцев. Проявляя высокую степень осознания задач государственного единства, ассамблея видела гарантию его сохранения в недопущении раздела королевства. Специальный пункт в наказе третьего сословия был посвящен требованию неотчуждаемости домена и возвращению того, что было отторгнуто, безоговорочно принятому правительст-

вом⁶¹. Вопрос этот не отличался новизной, но приобрел особую остроту в XIV и XV вв., когда заметное к тому времени расширение королевского домена, сопровождаемое ликвидацией больших феодальных владений, было осложнено рождением системы апанажей — этого феодализма второй формации, по выражению специалиста в области истории права А. Эсмена⁶².

Принцип неотчуждаемости домена был провозглашен на конгрессе принцев в Монпелье в 1275 г. под влиянием римского права и сам стал существенной вехой в правовом оформлении публично-территориальной власти европейских государей. Во Франции этот принцип был законодательно введен при Филиппе Валуа в ордонансе от июня 1318 г., затем уточняясь и приобретая большую завершенность в постановлениях XIV и XV вв. В них внедрялась идея «домена короны», согласно которой монарх выступал только пользователем и распорядителем прав и имущества короны. В XVI в. идею короны заменит нация. При короновании монарх должен был давать соответствующую клятву высшего хранителя непередаваемых и неотчуждаемых прав короны. Настойчивость в отстаивании и развитии этого принципа была вызвана необходимостью в обеспечении содержания детей королевского дома — младших сыновей и дочерей — и соответствующей практикой выделения им частей домена в виде апанажей, т. е. владений, включенных в домен короны. Это условие предполагало, что апанаж не мог быть передан или отторгнут, он возвращался короне при отсутствии прямого наследника по мужской линии; дочери короля, как правило, обладали денежным выражением земельных владений в составе домена; король сохранял в апанажах право суверенитета в сфере королевских дел, а также по ряду других феодальных прав.

Решительные меры в системе апанажей были приняты Карлом V, который, по существу, ликвидировал апанаж в землях в октябре 1374 г. для второго сына Людовика и всех последующих сыновей, которые могли бы родиться, компенсировав эту ликвидацию суммой в 12 тыс. ливров дохода и 40 тыс. ливров в серебре. Однако это решение не соблюдалось при преемниках Карла V, и реванш Людовика после смерти отца, получившего герцогство Орлеанское при Карле VI, имел печальные последствия в феодальных усобицах, которые раздирали Францию в конце XIV и в XV в.

Известная разрядка наступила в правление Людо-

вика XI, сумевшего повернуть в свою пользу итоги борьбы с Лигой общественного блага, в частности сохранив в составе домена Нормандию. После 1477 г. был ослаблен Бургундский дом; перешли к короне владения угасшего дома Анжу. Однако после смерти Людовика XI новая оппозиция принцев, возглавляемая герцогами Орлеанским и Бурбонским, бросает свою тень на внутреннюю жизнь страны и работу ассамблеи 1484 г. Поэтому реакция депутатов относительно единства страны и неделимости домена имела вполне конкретное содержание.

Таким образом, правящая династия Валуа и ее ответвления — Валуа — Орлеаны, Валуа — Ангулемы, линия Бурбонов и Бурбонов — Орлеанов — демонстрировали очень противоречивое и чреватое опасностями гражданских войн, но тем не менее постоянство дома Капетингов.

Материалы ассамблеи позволяют говорить о некоторых новых, явно определившихся в XV в. явлениях во взаимоотношениях монархии с крупными феодалами. Последние озабочены не столько проблемами личного суверенитета, сколько соучастием в государственном управлении, обладанием должностью и пенсиями, что служило убедительным подтверждением успехов процесса государственной централизации. В этих новых условиях задача грандов состояла не столько в обеспечении автономии своих владений от короля, сколько в усилении собственной власти с его помощью. Административная или военная должность отдавала им под контроль уже целую провинцию, в которой их владения могли составлять лишь часть ее территории. Систему вассальных связей перекрывали политические альянсы, представляющие новую форму контракта, не связанную с вассальной клятвой оммаж. Они создавали клиентулу грандов, выходящую за пределы их владений и феодальной иерархии, включавшую доверенных лиц, которые часто оказывались влиятельными людьми при дворе или в центральных органах управления. Определяется облик грандов — «куртизанов» (т. е. придворных) — процесс, который имел характер социального явления, формирующего особую прослойку в среде господствующего класса.

На ассамблее действие политических альянсов особенно отчетливо прослеживается при решении вопроса о Королевском Совете. В распрях, которые возникали при выдвижении туда кандидатов от депутатов ассамб-

леи, по замечанию Маеслена, брал верх или принцип большинства, или позиция «влиятельных» лиц. В частности, протест Нормандии, возражавшей против засилья представителей Парижской секции в Королевском Совете, оказался безуспешным из-за отступничества Аквитании, которая вначале поддержала Нормандию. Масслен объясняет этот факт тем, что в составе ее депутатов были сеньоры, имевшие влияние в Королевском Совете. Волю депутатов, замечает он в другом месте, парализовало мнение старых членов Королевского Совета⁶³.

Политические связи, политический расчет и комбинации явятся одной из главных причин крушения «демократических» планов ассамблеи в вопросе о составе Королевского Совета, к которому мы вернемся ниже.

Несомненным знаком времени являлись высокомерие и презрение родовитых феодалов к мелким и средним дворянам и особенно нуворишам. Примером может служить инцидент с Карлом Арманьяком, обратившимся через адвоката на ассамблее с личной просьбой к королю о восстановлении справедливости и возвращении, в частности, конфискованных владений. Он обвинял исполнителей акций насилия в жестокости по отношению к брату, несправедливо, по его утверждению, обвиненному в политической измене, к жене брата, а также к нему самому. Он высокомерно называл этих лиц бесчестными выскочками, преисполненными ненависти как к высшим, так и к низшим членам общества, способными на убийство знатного человека. В ярости, с которой говорилось о франк-аршерах, посмеявшихся ворваться в женские покои замка, отчетливо проглядывает классовый снобизм дворянина, сознающего свою исключительность. В числе врагов Арманьяка оказываются граф Даммартен, действовавший во главе королевской армии против его брата и не допустивший, чтобы тот смог оправдаться перед королем, а также Робер де Бальзак, сеньор Аженуа и де Кастельяно, Филипп Лулльеи мэтр Оливье Леруль. Когда граф Даммартен, тоже бывший на ассамблее, ответил, что действовал по указанию короля, сеньоры де Комменж и другие «из партии Арманьяка» заявили, что убили бы его, если бы не присутствие короля и принцев. На этой же ассамблее сеньор де Кастельяно и Леруль были оправданы; для вынесения окончательного решения дело Карла Арманьяка было передано в Королевский Совет⁶⁴.

Другой инцидент уточняет социальный облик нувори-

шей, вызывавших особую ненависть родовитого дворянства. Ими были чиновные дворяне, представители которых вышли из горожан, Оформление этой прослойки тоже стало социальным явлением в жизни Франции XV в., дополнявшим противоречия и расслоение в среде господствующего класса. Речь идет о конфликте в связи с вопросом об оплате депутатов ассамблеи. Намереваясь развенчать миф о депутатах третьего сословия как о представителях и защитниках народа, дворянин Филипп де Пуатье заявляет, что они далеки от народа и, как правило, не платят талы.

Не менее любопытна и красноречива для характеристики позиции дворянства на ассамблее другая деталь этого конфликта. Отвергая претензии депутатов третьего сословия на исключительную роль защитников народа и изобразив таковыми привилегированные сословия, Филипп де Пуатье сделал очевидным стремление дворян на ассамблее взять в свои руки знамя народных интересов. Выдвижение подобных лозунгов было удобным и распространенным приемом в ходе политической борьбы того времени, к которому прибегали и гранды и который свидетельствовал о возросшем значении народных масс. В данном случае, однако, важно, что это средство попыталось использовать дворянство, притязая на политическую активность и значимость в обществе. Безусловно и то, что дворянство на ассамблее проявило в своей массе по ряду вопросов высокую степень осознания государственных интересов. В частности, оно отказалось от притязаний на традиционные феодальные права. Исключение составила просьба о праве охоты на всех зверей в их лесах, кроме королевских заповедников, спокойно принятая правительством⁶⁵. Эта ситуация представляла значительный контраст с той, какая имела место в движении провинциальных лиг 1314—1315 гг, открывших изучаемый нами период⁶⁶. Даже если утверждение относительно политической сознательности дворянства считать некоторым преувеличением, безусловно тем не менее, что отмеченный факт является красноречивым показателем той трансформации, какую пережило сословие к концу XV в.

Третье сословие и крестьянский вопрос на ассамблее 1484 г. Выше отмечалось настойчивое упоминание о «народе» в работе ассамблеи. «Народ» упоминается то в соотношении, то в противопоставлении центральной власти (вплоть до идеи народного суверенитета) церковным

и светским феодалам или чиновной бюрократии. Участники ассамблеи вкладывали различный смысл в понятие «народ». Особый интерес вызывает позиция той покрываемой этим термином социальной общности, которую составляли люди «третьего сословия». Последний термин, появившийся в XV в., прилагался к лицам небогатого происхождения, обозначал сословие, являвшееся податным, большая часть которого — *laboueurs* — своим трудом кормила и одевала остальных членов общества (*status tertius, quem vocant populi statum sive ordinem*). Судя по материалам ассамблеи, этот термин скрывал весьма разнородную в имущественном и социальном отношении общность. В ней четко выделяется прослойка чиновной бюрократии и судебных лиц. Часть ее уже приобрела права дворянства и даже наследственного дворянства и таким образом вышла из состава третьего сословия. Другая часть в силу привилегий служебного положения тоже, по существу, перестает быть податной.

Собственно податное население делилось на две прослойки: горожан — лиц, связанных с ремеслом и торговлей, и крестьян, т. е. людей городов (*villes*) или «*cives*» и людей равнинной страны (*plat pays*) — или «*homines*», «*rustici*», «*servi*», «*vilains*». Участники ассамблеи, наконец, выделяют низы третьего сословия — «*menu peuple*», «*plebs*», «*povres*»⁶⁷.

Подчеркнутое внимание к бедствиям народа как податного сословия составляет выраженную особенность работы ассамблей. Именно народ-труженик фигурирует при обсуждении уже названных основных вопросов ассамблеи на общих заседаниях и заседаниях секций. Улучшение положения духовенства и дворянства депутаты ставят в зависимость от улучшения положения народа. Даже герцог Бурбонский, выступавший 19 февраля от имени Королевского Совета, признал вопрос о народе главным в деле государственных реформ, направленных на общее благополучие. Независимо от сословного мандата депутаты подчеркивают, что представляют общие интересы и говорят от имени народа и для народа⁶⁸.

Отмеченная специфика ассамблеи обеспечивает относительную конкретность информации о положении народных масс и позволяет оценить возможные перспективы и классовые лимиты проектов улучшения жизни народа.

Более того, изменение характера представительства сделало возможной попытку выяснить, в частности, сте-

пень представленности интересов крестьянства в органе, в котором основной эксплуатируемый класс общества не имел права представительства. В новых условиях, однако, крестьянство смогло принять участие в разработке наказов от третьего сословия и выборах депутатов по крайней мере на нижних ступенях многостепенных выборов, последний тур которых заканчивался обычно в главном городе бальяжа. Анализ истории сословного представительства в XIV и первой половине XV в. показал, что главным образом благодаря городским депутатам и особенно в условиях крупных общественных движений принятые сословиями решения предполагали защиту отдельных интересов крестьянства. Однако применительно только к собранию 1484 г. можно допустить факт косвенного, но участия крестьян в лице уполномоченных от третьего сословия — явление, которое станет обычным на собраниях XVI в.

В анализе реакции участников ассамблеи на народотруженик представляет интерес характер оценки его места в обществе. В материалах ассамблеи присутствует неоднократно и четко выраженная мысль о значимости тружеников, которые трудом рук своих кормят и одевают остальных членов общества. Более того, многие депутаты в своих речах устанавливают прямую зависимость благоденствия и процветания страны от богатства этих тружеников. Залог процветания при этом они видят не только в развитии ремесла и росте городов, но и в агрикультуре, с помощью которой снимается, по их словам, ежегодный урожай с земли. Любопытно, что эти идеи, которые могли стать и становились в какой-то мере принципами экономической государственной политики, присутствовали главным образом в речах депутатов, тогда как в правительственной оценке положения в стране они имели весьма скупую и общую форму⁶⁹.

Депутаты ассамблеи в своих предложениях реформ оформляют специальную главу, посвященную условиям развития торговли, без которой по их словам «государство не может благоденствовать». Они осознают особое значение ремесла как средства благополучия, в частности в условиях военных тягот и эпидемий чумы, которые переживала страна. Кто не владел ремеслом, тот был нищим, кто владел им, тот жил в крайней нужде, утверждал один из депутатов. Отсутствие местного ремесла идет на пользу только купцам, говорил другой, тогда как наличие ремесла и распространение его богатств в

деревню обогащает даже сельских жителей. Эта позиция, очевидно, отразила факт заметного в конце XV в. проникновения городского ремесла в деревню. Вместе с тем в дискуссии по вопросу о распределении налога участники ассамблеи обнаруживают отчетливое понимание зависимости дохода и, следовательно, финансовых возможностей провинций от плодородия земли. В ответ на жалобы депутатов Нормандии, которая составляла, по их мнению, 1/8 или 1/10 часть всей страны и платила 1/4 общей контрибуции, чиновники финансового ведомства ответили, что ни одна из провинций не может избежать зла так легко, как Нормандия. Опыт показывает, утверждали они, что Нормандия может обогатить себя за один год больше, чем другая провинция за 2 года, благодаря плодородию ее земли. Один арпан земли в Вексене по этой же причине стоит больше, чем 10 арпанов в Гатине⁷⁰.

В стремлении к справедливому распределению налогов ассамблея обращает внимание не только на плодородие земли, но и на ее населенность, в частности населенность равнинной территории. Обличая депутатов Пикардии в преувеличении ими бедствий их провинции и преуменьшении ее финансовых возможностей, чиновники финансового ведомства и другие депутаты утверждали, что она очень населена и имеет бурги и деревни, которые подобны городам по величине и богатству.

Само понятие богатства толкуется с включением в него продукции агрикультуры и благ земли: богатство — это стада овец, быков и лошадей; это луга, реки и леса, все плоды земли, включая яблоки и груши, из которых делаются напитки, а также морская и речная рыба и т. д. Богатство уходит из страны, если оставлена, заброшена агрикультура, фиксируют депутаты в жалобах на бедствия своих провинций.

Материалы ассамблеи отразили факт возросшей в сознании общества значимости народа-труженика, в том числе и крестьянства. Масслен в одной из своих речей перед общим собранием депутатов заявляет, что народу нужна не милость и не утонченное обращение, а справедливость (*justitia*). Народ является господином собственного имущества, которого никто не вправе его лишить, так как народ этот свободного, а не сервильного состояния. Он подданный монархии, цели мудрого правления которой, по Аристотелю, — благо его.

Росту самосознания народа и его признанию широки-

ми общественными силами страны способствовал в значительной мере памятный депутатам победоносный опыт войны с Англией, в частности последней военной экспедиции 1475 г. Успехи Франции некоторые из депутатов прямо связывали с трудом, в том числе с ратным трудом широких народных масс.

Поэтому формула, применяемая на ассамблее проабсолютистски настроенной правительственной группировкой, в которой благо королевства отождествлялось с благом государя, получает существенно иное толкование у большинства депутатов, даже если сделать скидку на неизбежную дань риторике. Они переносят в ней центр тяжести на благо подданных и еще уже — на благо народа-труженика ⁷¹.

Любопытно, что в документах ассамблеи неоднократно упоминаются общины равнинной (т. е. сельской) страны, наряду с городскими сообществами, что можно расценивать как факт признания за ними определенной политической автономии, причем признания общественными силами страны на общегосударственном уровне ⁷². По аналогии с судебной, финансовой и военной жизнью страны можно предполагать, что крестьянство, не получившее в отличие от городского сословия права прямого представительства на Генеральные штаты, реализовало свое участие в выборах депутатов и составлении наказов третьего сословия на ассамблею 1484 г. именно через названные общины и благодаря им. В этой связи существен не только факт признания современниками народа-труженика, но возросший уровень его самоопределения и самосознания.

Выше подчеркивалось стремление представителей господствующего класса возглавить реформаторскую деятельность ассамблеи и выступить защитниками «всего страждущего» населения. Однако нельзя не отметить характер наказа от третьего сословия, отличный от наказов по церковному и дворянскому вопросам, составленных по принципу пожеланий для блага данного сословия, где только «вспоминают» о народе. Наказ третьего сословия дает широкую сводку причин и проявлений общественного беспорядка, сопровождая ее рекомендациями реформ во всех сферах жизни — по церковному и налоговому вопросам, работе государственного аппарата, армии, восстановлению домена, пенсиям и т. д., что говорит о том, насколько грамотно и глубоко делегаты этого сословия продумали и осмыслили положение в

обществе и собственные пожелания. Их влияние заметно чувствуется в содержании общего наказа, посвященного правопорядку в стране. Об этом говорят совпадения в его негативной и конструктивной части с наказом третьего сословия, а также общая направленность документа на защиту интересов народа, вплоть до включения в него статьи с требованием неприкосновенности орудий труда при налоговых изъятиях⁷³.

Основным злом, по мнению депутатов третьего сословия, являлось финансовое состояние страны. Государство, писали они в своем наказе, есть тело, залогом существования которого является кровь, отождествляемая ими с финансами. Если тело теряет ее, оно гибнет. Крайняя бедность государства и «эвакуация» денег из него, по их мнению, связана с политикой Рима и положением в церкви, с войнами, истощавшими страну, с изменениями монет и курсом иностранных монет, с характером торговли, в частности на ярмарках Лиона, способствовавших утечке золота и серебра. Но главную причину бедности они видят в налогах — непереносимых разрушительных и смертельных, поставивших народ в положение раба.

Народ, по утверждению депутатов, в течение жизни Людовика XI был почти раздавлен тяжестью налогов. Сумма их возросла по сравнению со временем Карла VII в 5 раз. Это заявление примерно соотносится с официальными данными, согласно которым, по свидетельству канцлера, талья прошлого 1483 г. равнялась 4 400 000 ливров (турских), тогда как доход казны от налогов в целом, т. е. прямых и косвенных, в последний год жизни Карла VII равнялся 1 750 000 ливров. При всей приближенности расчетов, в которых не учтены сумма собственно тальи, а также возможные изменения стоимости монеты, свидетельства подобного рода представляют особый интерес в связи с установлением во Франции с конца 30-х годов XV в. постоянного налога⁷⁴.

Крайнее недовольство вызвало взимание габели, обычно отдаваемое на откуп за долги королевского дома и связанное с особыми злоупотреблениями. Часть депутатов по этой причине была озабочена соблюдением налоговых исключений для лиц духовного и дворянского звания. В ответ на предложение депутатов на заседании 3 февраля о замене габели неким эквивалентом им было сказано, что отказаться от габели нельзя, можно только исправить злоупотребления.

Анализ материалов ассамблеи позволяет утверждать, что в рисуемой депутатами картине бедствий и крайней нужды народных масс преимущественное место занимают беды именно сельских тружеников. Вероятно, это обстоятельство объясняется положением крестьянства в качестве основного эксплуатируемого класса и преобладанием аграрного сектора в экономике даже такой урбанизированной страны, какой являлась Франция к концу XV в. Депутаты объясняют бедствия крестьян в значительной мере последствиями войны и эпидемий, из-за которых земля оставалась невозделанной, селения лежали в развалинах, глубокое молчание царило на земле, не слышно было ни человеческого голоса, ни птиц, только в лесах скрывались кровожадные звери. Депутаты баляжа Ко свидетельствовали, что в огромном числе деревень, имевших ранее до 100 очагов, осталось только по 40 очагов.

Материалы содержат только одно упоминание о сеньориальных тяготах крестьян. В то же время, даже делая скидку на специфическую направленность информации, отразившей диалог подданных с государем, а не с сеньорами, нельзя не признать очевидность засвидетельствованного в материалах непреложного факта резко возросшей государственной эксплуатации. Последняя существенно потеснила сеньориальную ренту в среде сельского населения.

Депутаты прямо связывают широко распространенный в жизни Франции XV в. заклад крестьянской наследственной земли и установление дополнительной ренты (сюрценза), отразившие проникновение ростовщического капитала в деревню, с необходимостью уплаты под угрозой тюрьмы государственной талли.

Разорение крестьян, фиксируют они, ведет к потере рабочего скота и орудий труда, из-за чего многие крестьяне (мужчины, женщины и дети), принуждены были трудиться, впрягаясь вместо скота, трудиться даже ночью, так как не хватало дня, чтобы оплатить налоги. Выше отмечалось, что в наказ о правопорядке вошла статья, предусматривавшая гарантии сохранности рабочего скота и орудий труда при налоговых изъятиях как условие для получения продуктов питания, необходимых всем трем сословиям. Любопытно, что правительство согласилось принять и соблюдать эту статью. Другая статья, также принятая правительством, предусматривала возможности для выкупа крестьянами земли⁷⁵.

Налоговые тяготы усугубляла неупорядоченная государственная система их взимания, варьируемая от провинции к провинции и особенно тягостная в случае с тальей — прямым экстраординарным налогом, предназначенным в первую очередь для военных нужд. Некоторые депутаты объявили южный вариант тальи, где она являлась подоходным налогом, более справедливым и разумным. Высказываясь за справедливую систему обложения налогом, депутаты считали правильным, в частности, что на юге ротюрная земля, внесенная некогда в разряд податной и затем попавшая в руки дворянина, не исключается из налога. Идею подоходного налога заключало в себе и предложение распределять налоги не по долям земли, а по числу работников, так как платит не земля, а люди, — с продукта, полученного от урожая или ремесла, а также пожелание, чтобы богатые платили больше, чем бедные. Тяжелые государственные тальи в условиях поочагового обложения (на севере страны) порождали, по свидетельству одного из депутатов, такую особенность уклада в бальяже Кан, как многосемейное проживание в одном очаге. Число членов такого очага с совместным владением имуществом могло достигать 70 человек (примерно 10 семейных пар), что, по мнению депутата, противоречило человеческой природе. Подобное явление встречалось также в других местах Франции и даже в более поздний период.

Некоторые депутаты говорили о многочисленных фактах преимущественного положения городов перед деревнями при налогообложении их тальей, о чем шла речь в III главе настоящей работы. Любопытно отметить при этом, что какая-то часть депутатов стремилась ликвидировать несправедливость, ограничив число привилегированных городов и действуя, таким образом, в пользу крестьянства⁷⁶.

Депутаты третьего сословия, судя по их наказу, видели три основные причины увеличения налогового гнета. Они связывали его в первую очередь с учреждением постоянной армии в 1445 г. Подобно дворянам, у депутатов третьего сословия вызывал протест не столько самый факт постоянной армии, сколько ее численность и плохое содержание. Народ, и в первую очередь крестьяне, по мнению депутатов, нес двойные тяготы — у него вытягивали средства на оплату войска и принуждали, чаще всего бесплатно, содержать его на марше и в гарнизонах. Иными словами, военные люди, по утвержде-

нию депутатов, опустошали кошельки тех, кого они были призваны охранять. Любопытно, что третье сословие в своем наказе признавало военное дело преимущественно занятием дворянства, обращая к нему призыв о контроле на местах за оплатой издержек на содержание армии.

Другой причиной увеличения налогового гнета они называли злоупотребления, связанные с бюрократизацией государственного аппарата: практика продажи государственных должностей, сдачи их в аренду тому, кто дает наибольшую цену, и совмещения служб, чрезмерная численность аппарата и столь же чрезмерная заработная плата, наконец, просто вымогательства и поборы сборщиков тальи, сержантов, секретарей, судейских лиц Парламента и т. д. Признав необходимость администрации для короля и государства, представители третьего сословия, однако, замечали, что она должна содержаться на доходы домена⁷⁷.

Следствием разрастания государственного аппарата было оформление группы чиновной бюрократии, пользующейся льготами в государстве, в частности благодаря исключениям из налога по службе, а также группы чиновного дворянства. Выше была отмечена реакция дворянства на появление этой последней группы в их среде. В данном случае представляет интерес протест против вновь аноблированных лиц со стороны представителей податного населения, которые стремились регламентировать и предупредить только возможность нарушения принятой формы аноблирования — по заслугам или покупкой этого права⁷⁸. И это было естественно, так из их среды рекрутировалась данная прослойка, близкая к тому же депутатам третьего сословия (представителям городской магистратуры и чиновничества по преимуществу).

Общественное зло, связанное с работой государственного аппарата, настолько ошутимо затрагивало все слои общества, что вынудило ассамблею принять общий документ о правопорядке, в котором был дан глубокий анализ нарушений в финансовом, служебном и административном ведомствах. Выше отмечалась близость этого документа наказу третьего сословия, что объясняется наличием большого числа юристов в составе депутатов ассамблеи в целом, и особенно от третьего сословия, причастных в той или иной мере к государственному управлению. Поэтому меры, предложенные для исправле-

ния положения, представляют значительный интерес как показатель прежде всего гражданственной позиции третьего сословия. Депутаты предлагали сократить численность аппарата, запретить продажу должностей и сдачу их в аренду, особенно в налоговом ведомстве, выборность чиновников в судебном и административном аппарате силами корпорации или с помощью короля, который выбирал одну из трех предложенных ему кандидатур, требовали пожизненности исполнения должностей при условии соблюдения служебного долга. Последнее требование рассматривалось как гарантия от злоупотреблений, поскольку человек, по их мнению, нарушал долг, когда не был уверен в завтрашнем дне. Связь этой практики несменяемости должностей с другим уже определившимся общественным злом — оформлением семейных кланов в государственном аппарате — не была упомянута депутатами.

Значение этого документа, естественно, выходило за рамки только средства смягчения налогов и денежных вымогательств.

Другим рычагом налогового пресса депутаты объявили пенсии, квалифицированные как высочайшее зло благодаря своей численности и манере оплаты, так как они ложились не на доходы домена, но на податное население. Отраженный в материалах ассамблеи процесс оформления группы придворной аристократии и дворянства, близкой к королю и пользующейся в полной мере плодами централизованной ренты, уже отмеченный выше, в данном контексте интересен интерпретацией его с точки зрения ее противников. Желанию некоторых депутатов облегчить народ от налогов сопротивлялись, пишет Масслен, многие из тех, кто жадно ждал щедрых пенсий. Эти лица, располагавшие самыми большими пенсиями, огромным жалованьем и высшими чинами, держали, по утверждению Масслена, в своих руках управление государством. Он предупреждал об опасности слишком быстрого лишения их этих благ, что могло спровоцировать выступление против короля, и предлагал «шагать медленно». Результативность усилий сословия, и особенно податного третьего сословия, сказалась тут же на ассамблее в установленной сумме налога. Филипп де Коммин называет цифру 2 500 000 турецких ливров. Очевидно, такая сумма была первоначальным тактическим запросом правительства, от которой оно почти сразу отказалось. В дальнейшем обсуждалась сумма в

1 500 000 ливров, отстаивая которую правительство подчеркивало, что им уже были сделаны большие уступки в $\frac{2}{3}$ первоначальной суммы. Депутаты, однако, пытались довести сумму тальи до 1 200 000 ливров, по предварительной договоренности, стороны сошлись на сумме в 1200 000 ливров тальи и 300 000 ливрах для коронации короля и его торжественного въезда в Париж, названной добровольным и единовременным даром. Таким образом, правительство, по существу, реализовало свой запрос. Тем не менее, желая подчеркнуть иную, чем у тальи, природу последней суммы, депутаты настаивали на отдельном ее сборе⁷⁹, однако уже при раскладке налога на ассамблее, которую королевские чиновники организовали по возможности сепаратно и не публично, сумма была увеличена.

Далее, депутаты попытались осуществить контроль над финансами, потребовав проверки счетов государственных доходов и приходов тут же на ассамблее. Масслен, подчеркивая решительность этой акции, писал, что на подобный контроль секретов короля не осмеливались наши отцы. 21 февраля в присутствии чиновников финансового ведомства мэтр Андре Бринью принес счета, в которых, по словам Масслена, было трудно разобраться. Проверка обнаружила ошибки, характер которых отразил явное и грубое стремление фальсифицировать счета и ввести депутатов в заблуждение, «как если бы они были слепые», пишет Масслен. Он приводит оценки доходов от домена и налогов отдельных провинций, заниженные чиновниками почти в 2 раза. Возмущение и насмешки депутатов вызвал счет на меблировку зала заседаний ассамблеи, которая была оценена в 1100 ливров. Но истина была перед глазами, пишет Масслен, меблировка не стоила и 300 ливров. Гильом Кузине, ответственный за это, пытался оправдаться, но люди финансов, по словам Масслена, молчали, так как знали, что депутаты правы.

Уже не забавной, а скорее драматичной выглядела ситуация с пенсиями. Депутаты, по словам Масслена, были поражены не суммами, так как они не были обозначены, а числом пенсий. Даже если суммы были скромными, замечает Масслен, они казались достаточными, чтобы опустошить кошельки народа⁸⁰.

Депутаты предусмотрели меры по контролю и над взиманием налога, так как злоупотребления королевских чиновников, по их заявлению, приводили к удвое-

нию налога. Выход они видели в передаче сбора тальи лицам, назначенным провинциальными штатами или избранным народом. Живо обсуждавшееся на ассамблее, это требование вошло специальным пунктом в наказ третьего сословия. Таким образом, одно из наиболее ярких проявлений активности представительного органа в 1484 г. было связано с деятельностью депутатов третьего сословия. После длительных переговоров, как отмечалось выше (см. III главу работы), стороны сошлись на компромиссном решении, согласно которому сбор в Уз налога должен был осуществляться лицами, назначенными народом в помощь государственным чиновникам.

Однако главную гарантию общественных интересов многие депутаты видели в регулярности (1 раз в 2 года) созыва Генеральных штатов⁸¹.

Эта идея неоднократно высказывалась на ассамблее, вошла специальной статьей в наказ третьего сословия и в общий наказ ассамблеи о правопорядке. И хотя эта идея чаще всего связывалась, казалось бы, с налоговым вопросом, в котором более всего было заинтересовано третье сословие, она тем не менее принадлежала ассамблее в целом и, что особенно важно, отразила притязания сословий, выходящие за пределы функции вотирования и регламентации налога. Это делает необходимым специальное рассмотрение вопроса о притязаниях сословий.

Притязания сословий. Надежды и реальность. Настойчивое требование периодичности Генеральных штатов, с которым выступает ассамблея 1484 г., вызывает особый интерес в связи с новыми условиями в стране, когда практически отпала необходимость их созыва благодаря созданию постоянной армии и введению постоянных налогов. Депутаты, принимая необходимость «публичных» расходов на содержание армии и администрации, пытались тем не менее сохранить свой контроль в этих вопросах. Не получив достаточно удовлетворения от своих попыток эффективного контроля размера тальи и ее расходования, а также численности армии, они вспоминали, что талья предназначена на нужды войны и взимание ее должно быть прекращено с установлением мира, что у короля, не стремящегося быть тираном, всегда есть под рукой верные, готовые оказать ему помощь дворяне и народ.

С другой стороны, правительство, собравшее ассамблею, первоначально не возражало против самой идеи ее

повторения через два года и даже формально приняло это предложение, отраженное в наказах сословий.

Правительство явно искало поддержки у ассамблеи и потому расширительно толковало ее функции «совета» как право обсуждения и действия в решении дел, необходимых для пользы государства. Канцлер в начале работы ассамблеи был озабочен в связи с этим единством депутатов и их верностью монархии. Поэтому он апеллировал к истории и, как отмечалось выше, противопоставлял французов англичанам, которые, как он утверждал, со времени Вильгельма I сменили 9-ю династию. Залог успешной работы ассамблеи он видел в отсутствии амбиций и жадности, в недопущении того, чтобы одно сословие или члены его узурпировали обязанности другого: рука не должна шагать, а нога брать, утверждал канцлер⁸². Однако терпимость монархии кончается, как только ассамблея, расширительно толкуя свои права, пытается реализовать их.

Решительный настрой притязаниям депутатов был дан выступлением сира де ля Рош, Филиппа По, великого сенешаля Бургундии, на тему о власти и свободе сословий, в котором он сформулировал идею народного суверенитета, тесно соединенную с практикой генеральной ассамблеи. Сир де ля Рош провозгласил королевскую власть саном, а не наследством, назвав верховным сувереном народ, который некогда создал и королей, и государство. Именно поэтому, согласно его рассуждениям, государство может быть доверено Генеральным штатам. Короли существуют не для того, чтобы обогащаться за счет народа, но чтобы заботиться о его пользе, идя от хорошего к лучшему. В ином случае они являются тиранами, приобретшими права скорее волков, чем пастырей. И если государство есть вещь народа, его творение, то как же он может не заботиться о ней, не прибегая при этом к просьбе, но властвуя. Под народом он подразумевал все население королевства, оставляя тем самым широкую возможность представителям каждого из сословий толковать положение о народном суверенитете в свою пользу.

В русле тех же идей выступал и Иоганн де Рэли, который объявил королевскую власть «службой», а также еще один депутат из числа ревнителей интересов третьего сословия, который в ответ на стремление правительства свернуть работу ассамблеи не выполнив пожеланий депутатов назвал советников короля тиранами.

По словам Масслена, хотя многие из депутатов думали то же самое, его заставили замолчать⁸³.

Оценивая это явление, нельзя не подчеркнуть особенности конкретно-исторической ситуации — малолетство короля и проблемы управления государством, в частности состава и деятельности Королевского Совета. Не случайно выступление сира де ля Рош имело место при обсуждении именно вопроса о составе Королевского Совета; в высказываниях участников собрания присутствует мысль о временности власти сословий. Тем не менее основные положения сторонников этой позиции носят, как правило, общий характер: «Все что происходит, не имеет силы, пока сословия это не санкционируют, и никакой институт не существует здраво и основательно, если поднимается против них, действует без консультации с ними...» Несомненно, исключительность ситуации можно считать фактором снижающего значения для оценки выдвинутой идеи суверенитета народа. Однако несомненно и то, что она соединялась с идеей Генеральных штатов как регулярного органа, а также с общим настроением на высокое назначение данной ассамблеи, которая, как было признано, к тому же не являлась новостью в истории страны и была собранием свободных людей, а не рабов. Более того, подкрепленные конкретными акциями этого органа, высказанные положения приобретали весомый и пугающий правительство характер.

В ряду конкретных акций-притязаний ассамблеи на первое место следует поставить попытку ввести в состав Королевского Совета выборных представителей сословий. Две другие радикальные попытки ассамблеи — проверка счетов и изменение практики сбора налогов — уже анализировались.

В ответ на решение принцев, назвавших 15 членов Совета, которые бы обеспечили им власть в государственном управлении, ассамблея предложила довести их число до 24 или 36 человек, дополнив при этом список, составленный принцами, лицами из числа депутатов. Депутаты связали вопрос о Королевском Совете и его комплектовании с судьбами Генеральных штатов — с их подъемом или падением, — очевидно, осознав, особенно на исходе работы, зыбкость принятых решений в связи с отсутствием у них исполнительного органа и принудительной силы⁸⁴.

Обсуждение вопроса прошло несколько этапов, ос-

ложненное, как отмечалось выше, распрями принцев и, что особенно важно, противоречиями между депутатами. В ходе их развития ассамблее пришлось отступить от первоначальной решительности.

Споры между депутатами начались с вопроса о количестве членов Королевского Совета — 24 или 36, и о способе их выдвижения. Парижская секция и Лангедок, ссылаясь на большое число бальяжей, потребовали преимущественного представительства. Париж подкреплял это требование претензией на первенство. Позиция этих двух секций вызвала протест Нормандии, Бургундии и позднее Аквитании. Самыми существенными были споры относительно того, кому будет принадлежать окончательное утверждение членов Совета из числа депутатов ассамблеи — королю и принцам или только сословиям. 14 февраля принцы, форсируя ситуацию, представили список лиц, якобы утвержденных королем, а точнее, назначенных ими персонально из состава ассамблеи: 4 — от духовенства, 4 — от дворянства, 4 — из чиновников финансового ведомства, 4 — из купечества. Квота распределения их по секциям была неравной: от Парижской секции было предложено 6 человек, от Лангедока — 4, от Бургундии — 1, от Нормандии — 2 и т. д.

Итоговый документ по составу Королевского Совета определил цифру 12 человек от ассамблеи (от каждой из 6 секций и от каждого из сословий). Окончательное решение принадлежало королю, который должен был определить лиц из кандидатов, представленных ассамблеей⁸⁵.

В анализе противоречий, обнаруживших себя при комплектовании Королевского Совета, уже были отмечены такие факты, как частные интересы провинций в спорах депутатов, боявшихся вызвать гнев короля, а также влияние политических альянсов. В этой связи хотелось бы особенно подчеркнуть позицию Парижской секции. На каком-то этапе, представители этой секции, очевидно, поняв, что сумеют обеспечить себе преимущественные позиции в Королевском Совете, начинают активно ратовать за то, чтобы членов этого органа избирали не депутаты, а король.

Этот поворот Парижа, в прошлом, как правило, выступавшего лидером крупных общественных движений, представляется весьма знаменательным. Он служит, на наш взгляд, показателем нового этапа государственного развития. «Демократизм» прошлых лет был ныне невы-

годен многим. Выгоднее было контролировать государственный аппарат не через Генеральные штаты, а путем политических альянсов и прямым использованием крупных должностей. Так определился во второй половине XV в. еще один фактор, ослабляющий влияние общегосударственного представительного органа и свидетельствующий в конечном счете об успехах государственной централизации.

Ассамблея 1484 г. откровенно обнажила противоречия между Генеральными и провинциальными штатами, обозначив печальную перспективу общегосударственного представительного органа. При конкретном решении вопроса о возможности созыва будущей ассамблеи через год в связи со сбором оставшейся части уже утвержденного в 1484 г. налога депутаты Нормандии и Лангедока заговорили о тяготах и беспокойстве, которые испытывает народ в реализации подобных собраний. Не случайно отступили от идеи ежегодных собраний провинции, располагающие действенными провинциальными штатами. Любопытно также, что возможностью противопоставить провинциальные штаты Генеральным тут же воспользовались государственные чиновники. Они утверждали, что созыв Генеральных штатов даже 1 раз в два года нарушит обычай вотирования субсидий провинциальными штатами. Масслен по этому поводу замечает в Дневнике, что было бесполезно бороться против подобного настроения, так как чиновники рассчитывали взять на провинциальных штатах двойную талью⁸⁶.

Все эти традиционные и новые особенности в функционировании Генеральных штатов делали беспочвенными усилия сословий и надежды, которые они внушали. По мере продвижения работы ассамблеи к концу исчезал ее победительный тонус, который сменило беспокойство депутатов за судьбы принятых решений, за проверку правительственных обещаний их выполнения. Тем более что позиция правительственных кругов давала к этому основание. Теоретически соглашаясь с пожеланиями регулярности Генеральных штатов и правом сословий, в частности через Королевский Совет, делать все необходимое и полезное для государства, правительство тем не менее не допускало возможности ограничить прерогативу короля — приказывать только его собственным именем⁸⁷. Канцлер и приближенные к нему лица (господа Дюнуа, Торши и Жанлис, епископы Альби и Кутанса), проявив в ходе заседаний большую осторож-

ность и дипломатию для того, чтобы добиться собственных целей и обуздать эту опасную массу депутатов, не отказывались и от окрика. Масслен пишет о негодовании правительства в ситуации проверки финансовых счетов. Депутатов назвали легкомысленными людьми, которым успех настолько вскружил голову, что «они возомнили себя господами, забыв о том, что являются подданными». Депутатам внушалось, что их усилия протезировать народу, который еще недавно страдал под барщиной, могут привести только к желанию этого народа вообще отказаться от ярма подчинения. В более категоричной форме эту позицию выразил герцог Бурбонский. Он заявил, что хорошо знает нравы крестьян, которые, если их не перегружать, становятся наглыми. Предвосхищая Ришелье, он скажет, что налоги — лучшее ярмо для того, чтобы сдерживать их, иначе они возомнят себя свободными. Крестьяне же не должны знать свободы, им нужна только зависимость. Любопытно, что подобные настроения не ограничивались только правительственными кругами. Когда по истечении двух месяцев работы на ассамблее был поднят вопрос об оплате содержания депутатов (сумма издержек оценивалась в 50 000 ливров), разыгрался острый конфликт между «радетелями» за народ.

Предложение депутата от третьего сословия (адвоката из Труа), чтобы каждое из сословий оплатило издержки своих представителей, встретило резкую оппозицию привилегированных сословий. Их мнение с циничной откровенностью, одобренной политической демагогией, выразил шевалье Филипп де Пуатье. Спекулируя на идее, что каждый депутат представляет интересы всех трех сословий, а не частные интересы пославшего его сословия, он утверждал, что духовенство и дворянство больше заботится о народе, так как их благосостояние целиком зависит от благосостояния народа, в отличие от адвокатов и судейских, которые не перестают обогащаться, даже если народ беден. В своем раздражении против чиновной бюрократии Филипп де Пуатье, по существу, разоблачил социальный облик представителей третьего сословия в Генеральных штатах. Их претензии на исключительную роль защитников народа неоправданы, так как они, по его утверждению, не разделяют с ним их платежи, они не работают, подобно крестьянам, и их не секут, как вилланов. Хотя они и являются депутатами третьего сословия, они не платят тальи по при-

чине аноблирования, привилегий города или службы, а также страха, который внушает их должность. Филипп де Пуатье завершил свою речь словами о неизбежности трехчленного деления общества, согласно которому третье сословие единственно обязано платить и кормить первые два сословия. Он утверждал, что не следует трудиться над тем, чтобы «воспитывать или возвышать крестьян». Последние должны только «подчиняться и слушать». Канцлер, желая успокоить шумевших депутатов, сказал, что в данном конкретном случае желательно, чтобы каждое сословие самостоятельно оплатило издержки, но это нарушение обычного права оправдано только тяжелым положением народа. Больше к этому вопросу не возвращались, и было ясно, что платить придется третьему сословию. Эти два инцидента красноречиво показывали, что идеи народного суверенитета в изложении их депутатом сиром де ля Рош или требование регулярного общегосударственного сословного представительства как олицетворения общего совета и согласия весьма далеки от действительных интересов и нужд настоящего народа, черни. Забота о нем была на ассамблее, по существу, торгом представителей господствующего класса и городской верхушки с государством в общем деле его эксплуатации.

Знамя защиты народных интересов на ассамблее явилось удобным приемом в ходе социально-политической борьбы, подогреваемой внутриклассовыми и межсословными противоречиями, которая развернулась по церковному и налоговому вопросам в связи с оформлением прослойки придворной аристократии и чиновного дворянства. Естественно, побудительные мотивы особого внимания к положению народных масс у депутатов третьего сословия и привилегированных сословий были неодинаковы. Третье сословие было податным, и это заставляло его депутатов проявлять особое рвение при обсуждении налогового вопроса, которое тем не менее не устранило внутренней борьбы между ними⁸⁸. К тому же основные налогоплательщики города, а тем более крестьянства вообще не были представлены на Генеральных штатах 1484 г.

Озабоченность представителей господствующего класса и правительства положением бедного народа выдавал их страх перед возможным возмущением народных масс. Наконец, они просто тревожились за собственные доходы перед лицом усиливающегося государственного гнета.

Бедность народа, открыто заявляет дворянство в своем наказе, чревата потерей их доходов⁸⁹.

Несомненно, что социальные противоречия служили источником слабости генеральной ассамблеи в ее попытках играть самостоятельную роль, подобно тому как классовые лимиты сужали ее общественное влияние и соответственно поддержку общественных сил. Однако среди причин длительного периода бездействия Генеральных штатов, который наступил после собрания 1484 г., решающее значение имели условия конкретно-исторического развития Франции, и в частности сам процесс складывания государства, определившие расстановку сил в пользу королевской власти.

Анализ результатов работы ассамблеи в целом, в частности в сопоставлении наказов сословий и ответа правительства, заставляет сомневаться в том, были ли вообще допущены какие-либо уступки со стороны монархии. Правительство, по существу, добилось всего, чего хотело: оно взяло в свои руки в конечном счете формирование состава Королевского Совета с помощью той же ассамблеи, сумевшей противостоять интригам принцев; оно получило спрашиваемую сумму налога, независимо от того, в какую форму она была облечена — тальи или добровольного дара; оно сохранило основные позиции государственных чиновников элю для сбора налога, сумело противопоставить провинциальные штаты Генеральным с перспективой налоговых выгод для себя; оставило за собой право решать вопрос о соединении должностей в одних руках, устанавливать нужное количество чиновников и реализовать право сдачи на откуп должностей в зависимости от обстоятельств и т. д. Иными словами, ассамблея 1484 г. именно благодаря своей исключительности, в частности в вопросе о притязаниях сословий на власть, сделала особенно очевидной роль общегосударственного представительного органа, предназначенного служить орудием процесса централизации.

Завершая оценку собрания 1484 г., хотелось бы подчеркнуть реализованный на ассамблее факт представительства от третьего сословия в целом. Он оказался возможным благодаря протекавшему в среде крестьянства процессу самоопределения класса, хотя и не завершившемуся для него обретением статуса действительного сословия в феодальном обществе. Именно этот процесс, отразивший рост экономической и политической значимости крестьянства в обществе, содействовал тому, что крестья-

янский вопрос был поднят на уровень государственной политики. Отсутствие у крестьянства права прямого доступа в общегосударственный орган сословного представительства подтвердило его положение в качестве основного угнетаемого класса общества. Однако в условиях развитой феодальной государственности на этапе сословной монархии эта формула усложняется и приобретает более глубокий смысл, так как крестьянство становится объектом государственной политики в таких решающих для государства сферах, как суд, финансы и армия. Этот факт представительства на ассамблее 1484 г. от третьего сословия в целом ни в коей мере не исключает признания крайней разнородности социальной общности, покрываемой термином «третье сословие». Материалы ассамблеи при этом не исчерпывают всей сложности социальной жизни податного населения. В частности, за кадром ассамблеи оказались противоречия, вызванные расслоением крестьянства и горожан, которые определяло развитие производства. Однако внутри этой разнородной социальной общности существовали совпадения экономических и политических интересов, связанные в первую очередь с положением ее членов в качестве податного и эксплуатируемого населения, совпадения, которые не только не ликвидирует, но даже в чем-то подкрепит в последующий период генезис капиталистических отношений.

XIV—XV века в истории сословного представительства во Франции приходятся на этап сословной монархии, который повсеместно предполагает наибольшую активность сословно-представительной практики. Не составила исключения и Франция, хотя здесь эту историю отличала существенная особенность в виде системы сословного представительства, включившей в себя органы различного территориального уровня, возникновение и история которых повторяла общие закономерности развития. Генеральные штаты возникли как составная ее часть на этапе общегосударственной централизации, тем самым позволив в ряде случаев опередить себя органам местного значения и реже — провинциальным штатам.

За двухвековой период система в целом пережила свое становление, расцвет и подошла к началу спада, который имел неодинаковое проявление для разных ее

звеньев. Для Генеральных штатов он обернулся практической бездеятельностью органа с конца XV в., после длительной его активности, когда принцип регулярности был реализован де-факто. Для провинциальных и местных штатов он завершился главным образом лишением их прежней автономии и подчинением центральной власти. Механизм системы сословного представительства отличался сложными отношениями его звеньев, нередко кончавшимися конфронтацией Генеральных штатов с провинциальными и местными органами. Генеральные штаты как учреждение, призванное реализовать общегосударственное единство, решали вопросы соответствующего значения, обычно направляя или пытаясь направлять работу провинциальных штатов.

Последние имели, таким образом, более ограниченное значение, хотя и играли существенную роль, реализуя на местном уровне те же задачи, что и общегосударственный орган.

Их созыв мог быть сознательно рассчитан монархией на то, чтобы в местных или провинциальных консультациях с сословиями с меньшими усилиями или потерями для себя добиться необходимой помощи, как правило, денежной. Они сами не всегда хотели координировать свои действия с Генеральными штатами, будучи привержены местным интересам. Тем более любопытно, что в ситуации конфронтации с Генеральными штатами бывали случаи, когда именно провинциальным штатам приходилось брать на себя защиту монархии. Таким образом, парадокс заключался в том, что действенность сословно-представительной системы демонстрировали равным образом как гармония ее звеньев, так и отсутствие этой гармонии.

Существует опасность объяснять активность сословного представительства в XIV—XV вв. обстоятельствами в известной мере внешнего характера, вызванными экстремальной ситуацией войны, которая стимулировала частое обращение монархии к помощи сословий. Важно, однако, подчеркнуть развитие процесса консолидации сословий, естественным результатом которого был рост их политической и социальной активности. Нельзя не отметить при этом неоднозначное влияние Столетней войны на развитие сословий. Она в известном смысле притормозила и без того трудный процесс консолидации сословий, связанный с особенностями предшествующего этапа централизации страны, не преодолевшего еще провинциальные вольности. Длительная оккупация Франции, тяжелые

налоги способствовали замкнутости и изоляции провинций. Вместе с тем именно война стимулировала необычный рост политического сознания, патриотических настроений, в которых присутствовали и стремление сословий к политическому единству, и осознание своей принадлежности к Франции. Политическое сознание сословий в известном смысле опережало материальные показатели их консолидации, т. е. реальную неизжитость местных особенностей или вассальных и корпоративных связей в положении отдельных территориальных групп сословий.

Столь же противоречивый характер носила и сама сословно-представительная практика. С одной стороны, она способствовала формированию отношений подданства и поднимала сословия до уровня общегосударственных интересов. Вместе с тем в реализации компромисса монархии и сословий она сопровождалась предоставлением частных привилегий, которые подкрепляли местную исключительность отдельных сословно-территориальных групп. Любопытно в этой связи оценить крупнейшее завоевание сословно-представительного режима — реализованный на ассамблее 1484 г. принцип территориального представительства. Способствуя развитию принципа выборности, он имел, таким образом, принципиальное значение для социальной консолидации дворянства, а также третьего сословия, организация представительства которого в этих условиях сделала возможным косвенное участие свободных крестьянских общин в избирательной кампании и выработке наказов.

Однако этот же самый территориальный принцип, по которому на ассамблее разделились депутаты и который таким образом не устранил провинциального деления, позволил разыгаться провинциальным и региональным страстям, ослабившим позицию депутатов.

Сословно-представительная практика стимулировала политические притязания сословий, которые реализовывались, как правило, через Генеральные штаты. Нельзя не подчеркнуть при этом, что особая активность сословий имела место в исключительных условиях — плена, болезни, малолетства короля, — естественно заставляющих вторую из договаривающихся сторон брать на себя решение государственных задач. Притязания на так называемый «народный суверенитет» в условиях централизованного государства менее всего напоминали борьбу республиканского и монархического принципов управления, хотя и свидетельствовали о силе не только индивидуаль-

ного, но и коллективного начала в условиях развитого феодализма. Оба эти начала были равно органичны феодализму. Индивидуальное, авторитарное — как воплощение иерархической структуры класса с присущей феодальной собственности совокупностью политических прав, и коллективное — как проявление ее сословно-корпоративного характера.

Несомненность начавшегося спада в сословно-представительной практике и особенно Генеральных штатов к концу XV в. кажется очевидной скорее с ретроспективных позиций. Современники, во всяком случае участники собрания 1484 г., были преисполнены надежд. Генеральность собрания создавала ощущение значительности, а озабоченность трудностями путешествий и расходами, казалось, не должна была иметь принципиальных последствий, тем более что эта озабоченность компенсировалась воодушевлением депутатов. Сознание людей того времени еще не приняло до конца ни идеи постоянной армии, ни связанной с ней идеи постоянного налога, хотя обе они имели вполне конкретное материальное воплощение. Сложившаяся к этому времени в общих чертах налоговая система и созданная центральной властью постоянная армия безусловно сыграли существенную роль в свертывании сословно-представительного режима. Но дело заключалось не столько в самом факте осуществленных монархией реформ, имевших вполне определенные даты—1439 и 1445 годы, которые ослабили зависимость центральной власти от сословий. Важнее иметь в виду существенные сдвиги в обществе и сословиях, знаками и рычагами которых явились эти реформы. С точки зрения механизма сословно-представительной системы они усугубили те особенности, которые всегда служили источником ее слабости. Сдвиги в обществе усилили позиции королевской власти, расширив ее социальную базу за счет дворянства, ставшего военным сословием на службе короля. Военная реформа закрепила приверженность дворянства к военной службе и безучастность его к хозяйственной деятельности, тем самым если и не усилив, то во всяком случае и не способствовал сближению его с городским сословием.

Процесс складывания чиновного дворянства и рост государственного аппарата, к которому были причастны и привилегированные сословия, не могли изменить существующую расстановку сил, тем более что чиновное дворянство сохранило заметную автономию внутри господ-

ствующего класса и вызывало отчуждение у родовитого дворянства. Но что бесспорно усилило раскол привилегированных сословий с третьим сословием, так это налоговая исключительность духовенства и дворянства, оформившаяся к XV в.

История сословного представительства в XIV—XV вв. дала много примеров относительности противопоставления функций совета или власти сословий, к которому склонны некоторые исследователи. Несомненно придется признать более слабую ограничительную роль Генеральных штатов по отношению к королевской власти в сравнении с английским парламентом и испанскими кортесами в XIV—XV вв. Однако, как показала конкретная история Франции того же периода, организационные особенности и функции учреждения не только не препятствовали сословиям выразить свое несогласие с королевской политикой, тем самым подтверждая наличие у них определенного суверенитета, но и выступить с серьезными политическими притязаниями. Результативность этих притязаний демонстрировало сильное воздействие Генеральных штатов, не располагавших законодательной властью, на законодательную деятельность монархии, работу судебных и финансовых органов страны⁹⁰.

Вызванный к жизни потребностями незавершенного, процесса централизации, сословно-представительный режим с момента своего возникновения способствовал в конечном счете укреплению королевской власти и государственности, в чем сказалось прогрессивное значение этого организма. Объективная необходимость в его функционировании предполагала выгоды, извлекаемые при этом монархией. Они заключались в военной, финансовой, политической помощи, которую она получала от сословий, а также в корректировке политики центральной власти.

Результатом этой помощи явилось существенное укрепление монархии, которое определило в ее пользу в конце XV в. баланс взаимоотношений с сословиями, что способствовало свертыванию сословно-представительной практики. Однако подобное явление не представляло собой чего-то исключительного. Аналогичные тенденции переживали в условиях абсолютизма английский парламент и кастильские кортесы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В книге была предпринята попытка системного исследования политической и социальной организации французского общества на этапе сословной монархии, или феодальной монархии с сословным представительством. Цель его составило выяснение вопроса о социальной природе новой формы государства, оценка которой должна была конкретизировать не только классовую сущность французской сословной монархии, но и специфику реализации этой сущности на данном этапе развития и, следовательно, характер взаимодействия монархии со всей совокупностью социальных сил, в том числе с городским сословием и крестьянством.

Системообразующими факторами объекта исследования явились основные звенья государственного механизма— юрисдикция и право, налоговая система, военная организация и практика сословно-представительных учреждений во Франции XIV—XV вв. Работа органически соединила в себе проблемно-социологический и конкретно-исторический методы анализа. В этом соединении конкретно-исторический материал, систематизированный с помощью проблемного анализа и послуживший исходным условием и необходимой основой последнего, в ходе исследования в ряде случаев приобретал самостоятельное значение. Наиболее ярким примером служит анализ работы собрания Генеральных штатов 1484 г. Итоговый для изучаемого периода характер собрания позволил проверить и подтвердить сделанные в работе наблюдения и обобщения.

I. Теоретический и конкретно-исторический анализ материала позволил определить сословную монархию как форму государства, в которой дуализм политической структуры, свойственный феодализму, характеризовался специфическим распределением суверенитета между государем и сословной группой, а также его

договорной юридической базой и правом сословий на диалог с монархом в соответствии с их местом в социальной иерархии.

В образовании новой формы государства, возникшей на определенном этапе централизации страны в условиях развитого феодализма, существенную роль сыграло усиление центральной власти, которое сопровождалось обретением ею публично-правового характера. В процессе трансформации ее природы от власти государя-сюзерена к власти государя-суверена решающее значение имели приобретение ею наследственного характера, высшей судебной власти и функции правотворчества, централизация военных сил, оформление системы постоянных налогов и исполнительного централизованного аппарата.

Вторую существенную сторону процесса образования новой формы государства составило сословное оформление общества на базе централизации страны.

Консолидация сословий и рост их политической активности нашел отражение в практике сословно-представительных органов на общегосударственном, провинциальном и местном уровнях. Сословно-представительная практика не исчерпывает характеристики сословной монархии, поскольку она являлась только одним из воплощений, хотя и наиболее ярким, диалога между правительством и сословиями.

Автором уточнено марксистское понимание социальной структуры феодального общества, в частности по вопросу о соотношении в нем сословного и классового деления, а также по содержанию понятия «сословие».

В сословном делении, характеризуемом в первую очередь суммой юридических прав и обязанностей отдельных социальных групп, подчеркнута его связанность с производственными отношениями феодального общества. Мы старались подчеркнуть, что сословное деление обнаруживало зависимость не только от отношения той или иной группы к собственности на орудия и средства производства, которое регулировалось классовым делением, но и от природы феодальной собственности. Сословное деление таким образом рассматривается в работе как своеобразное проявление в сфере надстройки глубинной особенности собственности при феодализме — ее корпоративного характера, который делал эту собственность несвободной от политико-юридических ограничений.

И. Анализ обнаружил к середине и особенно к концу XV в. существенные изменения в социальной природе французской сословной монархии, которые привели к расширению ее социальной базы за счет перегруппировки общественных сил в стране. Эта перегруппировка была вызвана в первую очередь эволюцией классов и сословий в ходе социально-экономического развития феодального общества, которое происходило под воздействием товарно-денежной экономики, а также экономических и демографических трудностей, вызванных Столетней войной и эпидемией чумы. Одним из важных последствий отмеченных сдвигов, непосредственно связанных с эволюцией государства, явилась трансформация общественных связей, в которой вассальные связи теснились контрактными и договорными отношениями, активно используемыми центральной властью. Наиболее зримую ломку вассальных связей продемонстрировала реформа по созданию постоянной армии, и в частности правительственная мера первой трети XV в., ликвидировавшая оплату военной службы в зависимости от места в феодальной иерархии. Это уравнило оплату дворян в кавалерии и поставило ее в зависимость от военной должности. Не следует, однако, преувеличивать масштабы этой трансформации. Для центральной власти безусловно был изменен лишь принцип вассального права, позволивший ей вступить в непосредственные отношения со всеми феодалами. Однако и для нее вассальные связи сохранялись и сосуществовали с договорными. О жизнеспособности вассальных связей красноречиво свидетельствовало частичное сохранение феодального ополчения и практики арьер-бана в рамках постоянной армии. Отмеченная особенность, можно думать, с еще большей убедительностью демонстрировала себя в общей массе господствующего класса.

Наряду со сдвигами социально-экономического характера социальная перестройка в обществе в значительной мере была связана с ролью в ней государства. Эволюция классов и сословий исследуемого времени несет на себе выраженную печать государственного влияния.

Оформление и развитие государственного аппарата, как показал анализ, привели в исследуемый период к активному заполнению его представителями господствующего класса, особенно в высших звеньях финансового и судебного ведомств. Уже в первой половине

XIV в. 1/4 состава судебного ведомства — это лица дворянского звания. Их пропорция росла на высших ступенях судебной иерархии и за счет увеличения, особенно в XV в., численности аноблированных по службе. Крайне любопытной по своему значению в этой связи выглядит ситуация, которая сложилась в постоянной армии. Социальный состав армии обнаружил попытки наследственного дворянства удержать если не монопольное, то господствующее положение в отправлении военной функции в обществе, теперь уже на условиях оплачиваемой государством службы. Эти попытки активно поддерживались монархией с помощью высокой оплаты и назначений на командные должности. Именно армия позволила монархии с наибольшей эффективностью перегруппировать и приблизить к себе основную массу дворянства. Приведенные в работе материалы свидетельствуют о не менее интересном факте начавшегося оформления группы придворного дворянства, близкого королю и в полной мере пользующегося благами, которые предоставляла служба королю и его милости. Крупные феодалы на этом этапе были озабочены не столько вопросом личной автономии по отношению к монархии, сколько участием в государственном управлении, что усиливало их экономические и политические позиции.

В эволюции духовенства анализ опять-таки показал сильное влияние на его внутреннюю жизнь государства: значительная часть духовенства, в том числе прелатов, связала себя с милостями короля, что отразило развитие процесса формирования государственного галликанизма. Развитие государственного галликанизма привело к свертыванию выраженной в XIV в. тенденции к ограничению лиц духовного звания в составе государственного аппарата.

В изучаемый период новые грани обнаружил союз городского сословия и королевской власти. Этому способствовала роль горожан в Столетней войне, а также их участие в работе государственного исполнительного аппарата. Последнее обстоятельство приводит к образованию уже в XV в. группы чиновного дворянства (дворянства мантии), выходцев из горожан, аноблированных по службе, — обстоятельство, имевшее одинаково важное значение для эволюции как дворянства, так и городского сословия. Вовлечение дворянства вместе с городским сословием в государственный аппарат не

привело к существенному ослаблению правовых границ дворянства, а также к сближению этих общественных сил. Импульсы, идущие не изнутри господствующего класса, а извне, со стороны государства и городского сословия, не приводят к сближению сословий, как это могло произойти в случае вовлечения дворянства в хозяйственные занятия и торговлю. Более того, в условиях социально-экономических и политических сдвигов в обществе, а также попыток господствующего класса удержать свои позиции можно отметить определенное усиление корпоративных тенденций в среде наследственного и родовитого дворянства, которые нашли отражение в сохранении служилым дворянством своей автономии по отношению к нуворишам (чиновному дворянству), а также в выраженной тенденции к ограничению института рыцарства в изучаемое время. Любопытно, что армия в отличие от судебного и налогового ведомств не обеспечивала возможности для аноблирования.

Государство, наконец, явилось существенным фактором процесса сословного определения класса крестьянства, поддерживая через Парламент его попытки улучшить свое экономическое и юридическое положение, поскольку это укрепляло его влияние на крестьянство и ослабляло сеньоров. Включение крестьянства в орбиту судебной, финансовой и военной политики было для французской монархии одной из самых существенных проблем, решенных ею именно в период XIV—XV вв. С этой точки зрения вопрос о союзе с городским сословием в известной мере потерял новизну, свойственную периоду оформления сословной монархии, приобретая характер данности. Как и в случае с горожанами, связи монархии с крестьянством усилила Столетняя война и исключительная роль, которую сыграли народные массы в ее победоносном исходе.

Изменившаяся в пользу монархии политическая ситуация тем не менее не устраняла и на этом этапе возможностей оппозиционных и сепаратистских устремлений в среде феодалов, осложнявших основное противоречие между монархией и сословиями. Масштаб и глубина этих устремлений приобретали значительные размеры именно потому, что их носители использовали в своих интересах государственный аппарат. Особую опасность в этот период представляли собой владельцы апанажей, политические альянсы и клиента которых

перекрывали территориальные границы их владений, захватывая государственный механизм. Следовательно, основное противоречие политической структуры на данном этапе развития — между королем и сословной группой — было осложнено сохранившим до известной степени свое значение противостоянием короля и крупного вотчинника, унаследованным от предшествующего времени.

III. Отмеченные выше явления позволяют говорить об усилении общего воздействия политического фактора на общественную жизнь на этапе сословной монархии. Политический фактор всегда играл значительную роль в системе феодальных отношений, являясь средством реализации внеэкономического принуждения, которое в свою очередь обеспечивало реализацию самой феодальной собственности. В условиях сословной монархии он, однако, обретает централизованные и потому особо выраженные формы, будучи связан с усилением монархии. Не случайно процесс личного освобождения крестьян и усиления центральной власти совпадают по времени, подчеркивая очевидную потребность феодального класса в более совершенных средствах внеэкономического принуждения, а также возможности монархии в новых условиях обеспечить эту потребность. Процесс государственной централизации убедительно определил расстановку сил в пользу королевской власти, и она сама на этом этапе пожинала плоды воздействия на социальную жизнь политического фактора, тем более сильного, чем убедительнее были успехи централизации. Это обстоятельство наполняет глубоким и живым содержанием формулу о классовой сущности феодального государства.

Уступив монархии в политическом соперничестве, господствующий класс с помощью государства частично вернул те потери, которые принесла ему эволюция ренты в условиях товарной экономики и сам процесс централизации. В ряде случаев за счет государства он приумножил свои богатства, получив доступ к аккумулированным в государственной казне средствам благодаря пенсиям и плате за службу в исполнительном аппарате и армии. Источником этих средств являлась сложившаяся в общих чертах к середине XV в. налоговая система. Она в свою очередь подчеркнула классовую структуру общества, разделив его на податное и неподатное население прежде всего по классовому признаку

и определив налоговые исключения для духовенства и дворянства.

Отмеченные явления приобретают особый смысл в свете так называемой теории кризиса XIV—XV вв. На наш взгляд, они подкрепляют позиции ее противников. Несомненно, что трансформация, которую переживало феодальное общество в условиях товарно-денежных отношений, а также экономических и политических потрясений того времени, имела не только социально-экономические, но и политические показатели. Несомненно также и то, что для показателей последнего рода определяющее значение имели социально-экономические сдвиги, свидетельством чему служила эволюция в социально-экономическом положении дворянства, сделавшая возможной королевскую реформу армии.

Однако в данном контексте важно подчеркнуть, что политическая перестройка убедительно показала возможности феодального строя, форсированные с помощью государства. На новом витке своего развития феодальное общество открыло для господствующего класса дополнительные возможности в реализации им господства за счет новой формы государственности. Не менее убедительным свидетельством возможностей феодального строя явился самый факт успехов центральной власти. Приведенные в работе материалы позволяют отметить любопытное соотношение в положении монархии и активности общественных сил страны. Взлеты этой активности, обычно сопровождаемые ограниченными усилиями сословий по отношению к королевской власти, имели тем не менее своим результатом усиление последней. Проекты государственных реформ, которые выдвинули сословия в общественных движениях середины XIV и начала XV в., послужили своеобразной подсказкой для монархии. Используя ее, она корректировала свою политику, упорядочивала работу исполнительного аппарата, укрепляя и расширяя его кадрами, которые, однако, оказывались подконтрольными не Генеральным штатам, а монархии. Эти конечные для монархии результаты не исключали тем не менее известной автономии сословий, заданной развитием самой социально-политической системы в условиях сословной монархии.

IV. Существенным итогом этапа сословной монархии явилась выраженная политическая активность сословий и политизация сознания широких народных масс, что

нашло отражение в деятельности сословно-представительных органов, а также в классовой и социальной борьбе того времени.

В социальных движениях XIV—XV вв. обращает на себя внимание их политическая, антигосударственная направленность, часто на время объединявшая различные социальные силы в общем протесте, а также связанность этих движений с деятельностью сословно-представительных органов. Практика Генеральных штатов, которые, казалось, реализовали в XIV—XV вв. принцип периодичности, институционно организовывала сословия и поднимала их до уровня общегосударственных интересов. Она стимулировала политические притязания сословий и их попытки участвовать в решении крупных политических вопросов внутренней и внешней политики. Эти притязания подкреплялись развитием политической мысли, которая прошла путь в XIV—XV вв. от идеи необходимости совета монарха с сословиями, затем ответственности государя перед народом до идеи народного суверенитета. Эти идеи высказывались чаще всего на заседаниях Генеральных штатов. Однако деятельность Генеральных штатов, хотя и подстегивала общественную активность сословий, создавая иллюзию общей воли, была ограничена определенными социальными и классовыми лимитами. Последнее обстоятельство играло свою роль в доведении борьбы до ее крайнего выражения — городских и крестьянских восстаний, когда она выходила за легальные рамки, обнажая межсословные и классовые противоречия. В отличие от горожан социальная активность крестьянства не была напрямую связана с деятельностью Генеральных штатов. Процесс сословного оформления, который, подобно горожанам, переживало крестьянство, не получил институционного завершения в общегосударственном органе сословного представительства. Представительство крестьян во Франции имело место в весьма ограниченных областях страны и на низших уровнях представительной системы. Общегосударственное признание, хотя и в весьма ограниченных формах, крестьянство получило в другом государственном органе — Парламенте. Ситуация изменилась лишь к концу XV в., когда в результате процесса сословного определения, которое переживало французское крестьянство, оно было интегрировано в третье сословие и оказалось подключенным к многостепенным выборам депутатов на Генеральные штаты

на низших ступенях этих выборов. Однако двойная сословная неполноправность крестьянства — в масштабах государства и в рамках третьего сословия, где оно не смогло себя уравнять с городским сословием, — отразила его положение основного эксплуатируемого класса в обществе.

Рост политической активности и сознательности широких народных масс, получивший отражение в социальных движениях и освободительной борьбе, которую они вели против английской оккупации, в работе объясняется процессом развития сословий, который шел через ремесленные и городские корпорации в среде горожан и сельские коммуны и общины в среде крестьянства.

В очень важных, хотя и редких попытках современных французских историков выяснить роль и место дворянства в системе французской сословной монархии, нельзя не видеть реакции на направление буржуазной историографии XIX в., связанное с именем О. Тьерри и объяснявшее победы монархии исключительно результатом ее союза с буржуазией. Отход от этой концепции несомненно способствует более правильному пониманию классовой природы сословной монархии. К сожалению, этот взгляд не свободен от другой крайности, а именно от стремления изобразить дворянство единственной общественной силой, «чувствительной к утверждению ограниченной монархии», стремления, связанного при этом с недооценкой роли городского сословия. Не желая переоценивать роли горожан, нельзя тем не менее не подчеркнуть отмеченного выше исключительного значения этого общественного слоя в становлении централизованного государства и развитии сословной монархии.

Городскому сословию Франции нельзя отказать ни в стремлении к ограничению монархии, ни в способности выработать общегосударственные реформы, направленные на упорядочение общественного строя и ликвидацию злоупотреблений. Тем не менее гораздо существеннее иметь в виду другое, а именно прогрессивное значение союза королевской власти и городов, которому XIV и XV века принесли наряду с новыми противоречиями новые возможности для его укрепления.

V. Возникнув в XIII в. новая форма государственности не оставалась неизменной на протяжении XIV и затем XV века, к концу которого обозначились, в пер-

вую очередь в сфере государственного механизма, условия, необходимые для абсолютной монархии. В контексте основной задачи исследования — оценки социальной природы французской сословной монархии — нами были выделены два крупных этапа — ее становления и ранней истории и затем последующего развития в XIV и XV вв. Подобная периодизация представляется оправданной в силу специфики социальной истории, сферу которой составляют явления долговременного, протяженного действия. Именно в силу этой причины было бы затруднительно, если не невозможно, выделить этапы внутри исследуемого периода XIV—XV вв. — как по результатам социальных сдвигов во французском обществе, так и для социально-политической системы в целом.

Последняя существовала в совокупности разных ее компонентов, развитие которых совершалось не однолинейно, а с отступлениями, не синхронно и, следовательно, не сбалансированно. Поэтому в соответствующих главах работы была прослежена динамика ее отдельных звеньев — судебного, налогового, военного ведомств, а также динамика связанных с историей этих ведомств колебаний в расстановке сил.

Тем не менее отсутствие гармонии в компонентах социально-политической системы в целом отнюдь не ставит под сомнение факт ее существования, примером чему может служить противоречивая история провинциальных и Генеральных штатов, составивших свою микросистему. Во всей своей сложности социально-политическая система демонстрировала взаимосвязь отдельных звеньев: оформление налогов с очевидностью корреспондировалось с эволюцией военной организации; активность общественных сил, в частности вызванная налоговой политикой государства, стимулировала деятельность сословно-представительных органов; наконец, активность народного ополчения в войне способствовала оформлению инфантерии и, таким образом, изменениям в структуре армии. Примеры подобного рода можно было бы продолжить, однако они не облегчают задачу внутренней общей периодизации для XIV и XV вв. Ее решению не может помочь и англо-французский военный конфликт, поскольку в качестве временного рубежа в двухсотлетнем периоде он сам длился с перерывами более ста лет.

Война шла с чередующимися поражениями и успе-

хами для обеих сторон. Характер и результаты военных действий решительным образом зависели от внутренней ситуации. Вместе с тем нельзя не признать очень сильного обратного воздействия внешнего фактора на внутреннюю жизнь интересующей нас Франции. Оформление системы постоянных налогов и постоянной армии, которые послужили решающими рычагами усиления монархии, были напрямую связаны с войной, которая не только создала объективные возможности для реализации этих мер, но в ряду других условий конституировала их через практику арьер-бана и выкуп военной повинности. Именно война в ряду других причин активизировала социальную активность и самосознание общества, в том числе народных масс. Несомненно, что монархия во Франции удачно воспользовалась военными потребностями и трудностями для осуществления решающих для себя реформ, хотя сами они явились результатом не только войны, но и совокупности условий, в том числе сдвигов в социально-экономической жизни. В свою очередь эти реформы должны были способствовать укреплению и развитию происходящих в социальной жизни перемен.

Характеристика сословной монархии во Франции осталась бы неполной без соотнесения ее с абсолютной монархией. Сословная и абсолютная монархия — не только исторически сменяющие одна другую, но тесно взаимосвязанные и имеющие много общего политические формы. Схожесть этих двух политических форм определялась их феодальной сущностью и общим для них основанием, которым служил процесс централизации в условиях развитого, затем позднего феодализма.

Таким образом, сословная монархия как форма государственности соответствовала начальному этапу централизации, предварительному по отношению к абсолютизму, при котором централизация достигает максимума, возможного в условиях феодализма.

При абсолютизме отсутствовал прямой дележ политической власти с основными группами феодалов, характерный для сословной монархии; государство как бы поглощалось личностью короля и подвластным ему аппаратом.

Однако и при абсолютизме сохранится получившая особое развитие на этапе сословной монархии сословная структура общества, и, следовательно, сохранится, хотя и с явным перевесом на стороне монархии, свой-

ственный феодализму дуализм политической структуры. Установление абсолютизма не исключало рецидивов феодальной анархии, временного ослабления монархии и существования или временного возрождения сословно-представительных органов. Не менее очевидно и то, что на этапе сословной монархии центральной власти не были чужды попытки «самодержавной» политики, кончавшиеся установлением зависимости сословно-представительных учреждений или свертыванием на время их деятельности.

Именно на этапе сословной монархии закладывались основы таких решающих рычагов абсолютной монархии, как постоянная армия, система постоянных налогов, действенный и достаточно разветвленный исполнительный аппарат.

Существовала, наконец, известная аналогия в механизме действия этих государственных форм, связанная со специфической расстановкой социальных сил в обществе. Важным условием высокой степени независимости государственного аппарата от господствующего класса при абсолютизме, как известно, служил противовес сил феодалов и крепнущей буржуазии, который резко повысил шансы королевской власти. Этот баланс был предвосхищен оформлением городского сословия, которое в случае, если оно становилось политическим союзником королевской власти, как это случилось во Франции, служило таким же важным средством ее усиления.

Городское сословие в первую очередь выделит из своей среды будущую буржуазию. Наконец, расцвет феодализма в период сословной монархии обеспечит высокую степень специализации ремесла, социально-экономической дифференциации крестьянства и ремесленников, а также накопление капиталов — необходимых предпосылок для генезиса капитализма. Именно этот социально-экономический процесс убедительно обозначит качественно новый этап феодальной государственности, хотя его растянутость во времени, неодинаковая сила преобразования в различных сферах общества и в целом по регионам, как и отмеченная близость двух политических форм, делали в известном смысле размытыми границы между ними.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВИ	— Вопросы истории
МГИАИ	— Московский государственный историко-архивный институт
СВ	— Средние века
СГ	— Средневековый город
УЗ ИГПИ	— Ученые записки Ивановского государственного педагогического института
УЗ МГПИ	— Ученые записки Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина
ФЕ	— Французский ежегодник
Annates	— Annales. Economie, Societe, Civilisation
ABSHF	— Annuaire a Bulletin de la Societe de l'Histoire de France
BEC	— Bibliotheque de l'Ecole des Chartes
BIHR	— Bulletin of the Institute of Historical Research
BICHHS	— Bulletin of the International Committee of historical Sciences
ЕНАЕ	— Etudes presentees a la Commission Internationale de l'histoire des assemblees d'etats
МА	— Le Moyen Age
РН	— Revue Historique
RHDFE	— Revue Historique de droit franc.ais et etranger
RHF	— Recueil des Historiens de la France
SHF	— Societe de l'Histoire de France

К введению

¹ См.: Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 1. С. 138—139.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 37. С. 417.

³ См. там же. Т. 21. С. 171.

⁴ Aubert F. Histoire du Parlement de Paris de l'origine a Francois I (1250—1551). P., 1894. Т. I; Le Parlement de Paris de Philippe le Bel a Charles VII (1314—1422). 2 v. P., 1887, 1890; Ducoudray G. Les origines du Parlement de Paris et la justice aux XIII et XIV siecles. P., 1903; Maugis E. Histoire du Parlement de Paris de l'avenement des rois Valois a la mort d'Henri IV. 3 v. P., 1913—1916.

⁵ Picot G. Histoire des Etats Generaux considere au point de vue de leur influence sur le gouvernement de France de 1355—1614. 4 v. P., 1872; *idem*. Histoire des Etats Generaux. 5 v. P., 1888.

⁶ Ковалевский М. М. От прямого народовластия к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму. М., 1906. Т. 1—3; Кареев Н. И. Поместье — государство и сословная монархия средних веков. М., 1909. См. также труды немецкой школы корпоративистов конца XIX — начала XX в. (Гирке и др.).

⁷ Развитие этих направлений, в том числе и в наше время, отражено в печатном органе Международной комиссии по истории представительных учреждений, организованной в 1936 г.: Etudes presentees a la Commission Internationale de l'histoire des assemblees d'etats. Paris, Louvain, 1937, etc.; Lousse E. Parlamentarisme ou corporatisme? Les origines des assemblees «d'etats»//RHDFE. 1935. Ser. IV. Т. XIV. P. 683—706; *idem*. Les caracteres essentiels de l'Etat corporatif medieval//BICHHS. 1937. Т. IX. N 37. P. 452—467; *idem*. La Formation des Ordres dans la Societe medievale. L'organisation corporative du Moyen Age a la fin de l'Ancien Regime//EHAE. Louvain, 1937. P. 61—90; *idem*. Assemblees d'Etats//EHAE. Louvain, 1943. P. IX—XV, 241—266; *idem*. Gouvernes et Gouvernants en Europe occidentale durant le Bas Moyen Age et les Temps Modernes//Anciens Pays et Assemblees d' Etats. Bruxelles, 1966. N XXXV. P. 7—48; *idem*. Assemblees representatives et taxation//EHAE. 1966. N XXXI. P. 19—32; Fawtier R. L'Europe Oxidentale de 1270—1380/Publ. G. Glots. Histoire General, Moyen Age. P., 1940. Т. VI; Olivier-Martin (F). Histoire de droit franchise. P., 1948; *idem*. L'Organisation corporative de la France d'Ancien regime. P., 1958; Perroy E. La guerre de Cent Ans. P., 1945; Le Moyen Age. Histoire generate des civilisations/Publ. sous la direction de Maurice Crauset. P., 1957. Т. III; Viala A. Le Parlement de Toulouse et l'administration royale la'ique. 1420—1525. Albi, 1953; Lagarde G. La naissance de l'esprit lai'que au declin du Moyen

age. Paris, Louvain, 1956. T. I; Lot (F) et Fawtier (R). Histoire des Institutions franchises au Moyen Age. 3 v. P., 1957—1962; Soule C. Les Etats Generaux de France (1302—1789). Heule, 1968; Cam H., Marongiu A., Stoke G. Recent Work and present vim on the origins and development of representative assemblies. In X Congresso Internazionale di Science Storiche, Relazioni. Roma, 1955. V. I. P. 3—100 Гутнова Е. В. Обзор доклада Э. Кэм, А. Маронжу, Г. Штекль «Новые работы и современные точки зрения на происхождение и развитие представительных собраний»// Средние века. 1956. Вып. VIII.

⁸ Duby G. Hommes et structures du moyen age//Recueil d'articles. P., 1973; *idem*. Guerriers et paysans: VII—XIIeme siecles. Premier, essor de Teconomie europeenne. P., 1980; *idem*. Les trois ordres ou Fimaginaire du feodalisme. P., 1978; Fossier R. Enfance de l'Europe. Aspects economiques et sociaux. P., 1982. T. 1—2; *idem*. Histoire sociale de l'Occident medieval. P., 1970; Toubert P. Les structures du Latium medieval. Paris, Roma, 1973. T. 1—2. См. также: Блок М. Характерные черты французской аграрной истории. М., 1957; Bout-ruche R. Seigneurie et feodalite. P., 1959; Duby G. L'economie rurale et la vie des campagnes dans l'Occident medieval. P., 1962; Fourqu-in G. Les campagnes de la region parisienne a la fin du Moyen age du milieu du XIII siecle au debut XVI siecle. P., 1964; Fossier R. Le terre et les hommes en Picardie jusqu'a la fin du XIII siecle. Paris, Louvain, 1968. V. 2; Duby G., Wallson H. Histoire de la France rurale. P., 1976—1977; L'Histoire de la France/Publ. sous la dir. de G. Duby. P., 1971; Sivery G. Structures agraires et vie rurale dans le Hainaut a la fin du Moyen Age Lille, 1973. C. il — 2; Bois Guy. Crise du feodalisme. Economie rurale et demographie en Normandie orientale du debut du XIVs au milieu du XVIs. P., 1976; Augourd'hui, l'histoire. P., 1974; Histoire sociale et ideologic des societes/Faire de l'histoire. P., 1974. V. I.

⁹ Bartier I. Legistes et gens de finances au XV siecles. Bruxelles, 1955; Fedou R. Les hommes de loi lionnais a la fin du Moyen Age. Etude sur les origines de la classe de robe. P., 1964; Guenee B. Tribunaux et gens de justice dans le baillage de Senlis a la fin du Moyen Age (vers 1380 —vers 1550). P., 1963; Rey M. Les finances royales sous Charles VI. P., 1965; *idem*. Le domaine du roi et les finances extraordinaire sous Charles VI. 1388—1413. P., 1965; Autrand F. Naissance d'un grand corps de l'Etat. Les gens du Parlement de Paris 1345—1454. P., 1981; Contamine Ph. Guerre, Etat et societe a la fin du Moyen age. Etudes sur les armees des rois de France 1337—1494. Paris, La Haye, 1972; *idem*. La France au XIV et XV siecles. Hommes, mentalites guerre et paix. L., 1981.

¹⁰ Fawtier R. Parlement d'Angleterre et Etats Generaux de France au Moyen Age. Comtes rendus de l'Academie des Inscriptions et Belles-Lettres. P., 1953. P. 275—284; Myers A. R. The English Parliament and the French Estates General in the Middle Ages//Album H. M. Cam. Louvain, Paris, 1961. T. II. P. 139—153; Lewis P. S. The Failure of the French Medieval Estates//Pbst and Present. 1962. N 23. P. 3—24; Marongiu F. A. Medieval Parliaments. A Comparative Study. Londres, 1968; Bisson Th. Assemblies and Representation in Languedoc in the XIII c Princeton, 1964; *idem*. An Early Provincial Assembly: the General Court of Agenais in the XIII c//Speculum. 1961. N 26. P. 254—281; Gilles H. Les etats de Languedoc au XV siecle. Toulouse, 1965; Mayor J. R. Representative institution in Renaissance France 1421 — 1559. Madison, 1960; *idem*. French Representative Assemblies: Research opprtunities and Research//Studies in Medieval and Renaissance

History. N. Y., 1964. P. 183—219; *Tucuo-Chala P.* Gaston Febus et la vicomte de Beam. Bordeaux, 1960; eadem. Gaston Febus. Un grand prince d'Occident. Pau, 1976; *Dumont P.* Les Etats particuliers du Centre de la France et l'imp6t//EHAЕ. P., 1966. N XXIX. P. 211—222, 139—154; *Appolis E.* La Representation des villes aux Etat Generaux de Languedoc//Album Helen Maud Cam. Louvain, Paris, 1960. T. I. P. 219—228; *Langmuir G.* Concilia and Capetian Assemblies 1179—1230//EHAЕ. Louvain, Paris. 1961. N XXIX. P. 27—63; *Taylor C //* An Assembly of French Towns in March 1318//Speculum. 1938. T. 13. P. 295—303; *idem.* Assemblies of French Towns in 1316//Speculum. 1939. T. 14. P. 275—299; *Idem.* French Assemblies and Subsidy in 1321//Speculum. 1968. T. 43. P. 217—244; *Brown E.* Philip the Fair. Plena Potestas and the Aide pur Fille Marier of 1308//EHAЕ. Bruxclles, 1970. T. XXXIX. P. 3—27.

¹¹¹ *Guenee B.* L'Occident aux XIV et siecles. «Les Etats». P., 1971; *Lewis P.* La France a la fin du Moyen Age. P., 1977.

¹² *Chabot F.* Y-a-t-il un Etat de la Renaissanse? De Petrarque a Descartes//Actes du Colloque sur la Renaissance. P., 1958. T. III. P. 57—71; *Mayor J. R.* Representative institution in Renaissance France...

¹³ *Гутнова Е. В.* Возникновение английского Парламента. М., 1960; *ее же.* Сословная монархия и крестьянство в Западной Европе XIII—XIV вв.//ВИ. 1978. № 8. С. 57—71; *ее же.* Роль бюргерства в формировании сословных монархий в Западной Европе//Социальная природа средневекового бюргерства XIII—XVII вв. М., 1979. С. 50—88; *ее же.* Классовая борьба и общественное сознание средневекового крестьянства в Западной Европе (XI—XV вв.). М., 1984; *Репина Л. П.* Сословие горожан и феодальное государство в Англии XIV века. М., 1979; *Люблинская А. Д.* Структура сословного представительства в средневековой Франции//ВИ. 1972. № 1. С. 100—113. См. также главы в общих трудах: *Сидорова Н. А.* Франция во время Столетней войны. Жакерия//Всемирная история. М., 1957. Т. 3. С. 633—659; *Люблинская А. Д.* Расцвет феодализма (X—XIII века). Столетняя война и народные восстания XIV—XV вв.//История Франции. М., 1972. Т. 1. С. 69—150; *Хачатурян Н. А.* Возникновение Генеральных штатов во Франции. М., 1976; *ее же.* Социальная организация французского крестьянства XIII—XIV вв. (по материалам Парижского Парламента)//Феодальная рента и крестьянские движения в Западной Европе XIII—XV вв. М., 1985. С. 222—253; *ее же.* Крестьянский вопрос на Генеральных штатах 1484 г. во Франции //Идейно-политическая борьба в средневековом обществе. М., 1984. С. 141—164; *Корсунский А. Р.* История Испании. IX—XIII вв. М., 1976; *Колесницкий В. Ф.* Политическая борьба в германских землях в XIII—XV в. и возникновение ландтагов//Социальные отношения и политическая борьба в средневековой Германии (XI—XVI вв.). Вologda, 1985. С. 61—82; *Бойцов М. Л.* Состав имперских собраний в Германии в конце XIV в.//Из истории древнего мира и средневековья. М., 1987. С. 41—54.

¹⁴ *Ordonnances des rois de France de la troisieme race* (далее — **OR**). 22 v. P., 1723—1849; *Isambert F. A., Jourdan A. J. et Decrusyff/* Recueil general des anciennes lois francaises depuis Tan 420 jusqifa la Revolution de 1789 (далее — **R. G.**). 29 v. P., 1822—1833; Documents relatifs a l'administration financiere en France de Charles VII a Francois I (1443—1523)/Par G. Jacqueton. P., 1891.

¹⁵ *Lettres Closes, Lettres «de par le roy» de Philippe de Valois/* Par R. Cazelles. P., 1958. Письма «closes» заверялись печатью на

лицевой стороне листа, письма «par le roi» — печатью на его оборотной стороне.

¹⁶ Luce S. Histoire de la Jacquerie. P., 1895. Appendice. P. 175—224.

¹⁷ Boutaric E. Actes du Parlement de Paris 1254—1328. 2 v. P., 1863 et 1866.

¹⁸ Langlois Ch.-V. Textes relatifs a l'histoire du Parlement. P., 1888.

¹⁹ Les Olim ou registers des arrêts rendus par la cour du roi/Publ. par le comte A. Beugnot. P., 1839—1848. T. I—III (далее — Olim (I), (II), (III)).

²⁰ Furgeot A. Actes du Parlement de Paris. 2 t. P., 1929. T. I (1328—1342); P., 1960. T. II (1343—1350)/ Revu par M. Dillay, S. Clemencet et J. P. Laurent (далее — A. P.).

²¹ Timbal P. C. avec la coll. de M. Gilles. H. Martin, J. Metnan, J. Payen et B. Poussin, La guerre de Cent ans vue a travers les registers du Parlement 1337—1369. P., 1961.

²² Beaumanoir Ph. Coutumes de Clermont en Beauvaisie/Publ. par A. Salmon. P., 1899—1900. T. I—II.

²³ Institutes coutumieres d'Antoine Loysel, avec les notes, d'Eusebe de Lauriere/Publ. par M. Dupin et M. E. Laboulaye. P., 1846. T. I—II.

²⁴ Les plus anciennes chartes en langue française (1241—1286)/ Publ. par Lenis Carolus—Barre. P., 1964. T. I; Chartes de coutume en Picardies (X—XIII siècles)/Publ. par R. Fossier. P., 1974.

²⁵ Documents relatifs a l'administration financière en France de Charles VII a François I (1443—1523)/Par. G. Jacqueton (далее — Documents). P., 1891; Favier J. Les contribuables parisiens a la fin de la Guerre de cent ans. Les rôles d'impôt de 1421, 1423 et 1438. Geneve, 1970; Loanglois Ch.-V. Inventaire d'anciens Comptes royaux dressés par Robert Mignon sous le règne de Philippe de Valois. P., 1899; Les journaux du Tresor de Philippe IV le Bel/Publ. par J. Viard (далее — J. T). P., 1940; Textes et documents d'histoire du Moyen Age. XIV—XV siècles/Par J. Glenisson, J. Day (далее — Textes et documents...). P., 1970. В работе были использованы документы, помещенные в приложении к упомянутым выше работам М. Рея и Ф. Контамина, а также Ф. Вольфа, Г. Дюпона-Феррье и др.

²⁶ Proces-verbal des Etats Generaux au mois d'octobre 1356/R. G. P., 1822. T. IV; Acte d'accusation contre Robert Le Coq, eveque de Laon/Publ. par L. Douet d'Arcq//BEC. P., 1840. T. II.

²⁷ Journal des Etats Generaux de France tenus a Tours en 1484 sous le règne de Charles VIII, rédigé en latin par Jehan Masselin député du bailliage de Rouen/Publ. par A. Bernier (далее — Masselin). P., 1835.

²⁸ Documents relatifs aux Etats Generaux et assemblees reunies sous Philippe de Bel/Publ. par G. Picot. P., 1901. См. также: Хачатурян **Н. А.** Возникновение Генеральных штатов во Франции. М., 1976.

²⁹ Proces-verbaux des seances du Conseil de regence du roy Charles VIII pendant les mois d'aout 1484 a Janvier 1485/Publ. par A. Bernier. P., 1836.

³⁰ Chronique normande/Ed. E. Molinier//SHF. P., 1882; Chronique des quatre premiers Valois (1327—1393)/Ed. S. Luce//SHF. P., 1862; Venette Jean de. Continuationi Chronici Guillelmi de Nangiaci pars tertia (1340—1368)/Ed. H. Geraud//SHF. P., 1843; Chronique du religieux de St. Denys, contenant le règne du Charles VI de 1380 a 1422/Publ. et trad. L. Bellaguet. 6 v. P., 1839—1844; Les Grandes

chronique de France/Ed. J. Viard//SHF. 10 v. P., 1920—1963. Chroniques des regnes de Jean II et Charles V/Ed. R. Delachenal. P., 1910. T. I.

³¹ *Basin (Thomas)*. Histoire de Charles VII/Ed. et trad, par Ch. Samaran. P., 1933. T. I; P., 1944. T. II.

³² *Journal d'un bourgeois de Paris. 1405—1449*/Ed. par A. Tuetey. P., 1881; *Journal d'un Bourgeois de Paris a la fin de la guerre de Cent ans (1405—1449)*/Ed. par J. Thiellay. P., 1963.

³³ *Questiones Johannis Galli*/Ed. par Marguerite Boulet (далее — *Questiones*). P., 1944. Материалы Дневника систематизированы в рубрике в виде вопросов — la questio (сокр. qu.), — отсюда его название.

³⁴ *Journal de Nicolas de Baye, greffier de Parlement de Paris. 1400—1417*/Ed. par. A. Tuetey. P., 1885, 1888. T. I—II.

К главе I

¹ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 28. С. 344.

² *Duby G.* Guerriers et paysans...; *Fossier R.* Enfance de TEurope...; *EjUSD.* Le Moyen Age; *Бессмертный Ю. П.* «Феодалная революция» X—XI веков ?//В И. 1984. № 1. С. 52—67.

³ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 410.

⁴ См.: там же. С. 411.

⁵ *Керов В. Л.* К вопросу об усилении эксплуатации крестьянства в Южных Нидерландах, Бельгии и Северной Франции в середине XIII В./СВ. 1955. Вып. VII. С. 64—91; *его же.* Восстание «пастушков» в Южных Нидерландах и во Франции 1251 Г./ВИ. 1956. № 6. С. 115—123; *его же.* Из истории борьбы народных масс против католической церкви в эпоху феодализма. М., 1970.

⁶ *Duby G.* Les trois ordres ou l'imaginaire du feodalisme...; *Le Goff L.* Les trois fonctions indoeuropeennes: l'historien et l'Europe feodale//Annales. 1979, N 6. 1187—1215.

⁷ *Тьерри О.* Опыт истории, происхождения и успехов третьего сословия. М., 1937.

⁸ *Mousnier R.* Fureur paysannes, les paysans dans les revoltes du XVII siecle (France, Russie, China). P., 1967; *idem.* Les Hierarchies sociales de 1450 a nos jours. P., 1969; *Fourquin G.* Les soulèvements populaires...; *idem.* Les campagnes de la region parisienne...; *Гутнова Е. В.* Проблема антифеодалной борьбы средневекового крестьянства в Западной Европе в современной французской, английской и американской историографии//СВ. 1977. Вып. 41. С. 203—229.

⁹ *Ленин В. И.* Поли. собр. соч. Т. 2. С. 475—476; см. также: Т. 6. С. 311.

¹⁰ *Lagarde G.* Naissance de Tesprit laique... Т. I. P. 107—108, 112—113, 116—118; *Lousse E.* Les caracteres essentiels... P. 452—453, 458, 462—463.

¹¹ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. I. См. также: *Маркс К. Энгельс Ф. Фейербах.* Противоположность материалистического и идеологического воззрений (новая публикация первой главы «Немецкой идеологии»). М., 1966*.

¹² *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. I. С. 18.

¹³ *Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах.* С. 77, 96—97; *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. I. С. 493—494.

¹⁴ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 400—421; Т. 46. Ч. I. С. 471—472.

¹⁵ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. I. С. 468—475.

¹⁶ См. там же. С. 18, 468—472, 474—475, 485—486.

¹⁷ См. там же. Т. 3. С. 23, 50, 52; Т. 27. С. 403; Т. 46. Ч. I. С. 44, 487.

В советской исторической науке разработку проблемы корпоративного характера собственности при феодализме см.: История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. М., 1985—1986. Т. 1—2; *Хачатурян Н. А.* Город в системе феодальной формации//ВИ. 1983. № 1. С. 67—84.

Роль французской сельской общины в советской медиэвистике исследовалась в следующих работах: *Конокотин А. В.* Борьба крестьян за самоуправление и коммуну на севере Франции в XII—XIV вв./УВИ. 1957. № 9. С. 123—139; *Сказкин С. Д.* Очерки по истории западноевропейского крестьянства в средние века. М., 1968; *Бессмертный Ю. Л.* Феодальная деревня и рынок в Западной Европе XII—XII вв. М., 1969; *Серовайский #. Д.* Борьба французских крестьян против феодального освоения лесов в XI—XIII вв./СВ. 1980. Вып. 43. С. 53—76; *Колесник В. И.* Сельские коммуны во Франции в XI—XIII вв. К историографии вопроса//Проблемы истории античности и средних веков. М., 1979. С. 59—73; *его же.* Социальный состав сельской коммуны в Пикардии в XI—XIII вв./Проблемы истории античности и средних веков. М., 1981. С. 83—98.

¹⁸ См.: *Маркс Я., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 424—425.

¹⁹ *Себенцова М. М.* Кабошьены и ордонанс 1413 Г./УЗ МГПИ. 1946. Т. XXXVII. С. 57—90; *ее же.* Восстание кабошьенов//МГИАИ. 1958. Вып. 12. С. 208—240; *Столцкая-Терешкович В. В.* Основные проблемы истории средневекового города. М., 1960; История Франции. Т. I. Разд. 2—3; *Vlirot L.* Les insurrections urbaines au debut du regne de Charles VI 1380—1383. P., 1906; *Petit-Dutaillis Ch.* Les communes franchises. P., 1970; *Wolff Ph.* Les luttes sociales dans les villes du Midi francais XIII—XIV siecles //Annales. 1947. N 2. P. 443—454; *Mollat M., Wolff Ph.* Ongles bleus. Jacque et Ciompi. Les revolutions en Europe aux XIV et XV siecles. P., 1970.

²⁰ *Блок М.* Характерные черты французской аграрной истории. М., 1957; *Сказкин С. Д.* Очерки...; *Бессмертный Ю. Л.* Феодальная деревня и рынок...; *Люблинская А. Д.* Сельская община и город в Северной Франции XI—XIII вв./СВ. 1975. Вып. 33. С. 152—160.

²¹ Впервые этот термин встречается в одном из намюрских документов 1429 г.; чуть позже бургундский хронист Жорж Шатален напишет о «tiers membre». В конце века это выражение появится в письмах Людовика XI: «Tiers, commun et bas estat», — затем в наказе Генеральных штатов 1484 г. и, наконец, в сочинении Тома Базена «История Людовика XI» — «tertii et inferioris status» (*Guenée B.* L'Occident... P. 226).

²² *Duby G.* La noblesse dans la France medievale. Une enquete a poursuivre//Hommes et structures du Moyen Age. P. 145—166; *idem.* Situation de la noblesse en France au debut du XIIIeme siecle//Ibid. P. 343—352.

²³ La noblesse au Moyen Age/Publ. par Ph. Contamine. Introduction. P., 1976. P. 31—32.*

²⁴ Исключение, может быть, составляли южные районы страны, где в силу ряда особенностей городского развития исследователи отмечают известную близость дворянства и горожан.

²⁵ *Хачатурян Н. А.* Возникновение Генеральных штатов... С. 84—87, 160.

²⁶ Новые явления в социальной организации господствующего класса побудили многих западных исследователей расценить их как

показатели деформации феодализма, выделяя этот этап в качестве «продленного», «внебрачного» или «нового» феодализма (McFarlane К. В. *Bastard Feudalism*//BYHR. 1943—1945. N 20. P. 161—180). Подобные оценки в конечном счете связаны с пониманием феодализма прежде всего как системы вассально-ленных отношений. Однако присутствующее в этих оценках положение об известной регенерации феодализма не лишено смысла, если его понимать как приспособление социальных отношений к глубоким изменениям в структуре феодального общества.

²⁷ *Хачатурян Н. А.* Возникновение Генеральных штатов... С. 58—73, 106—135, 160—161.

К главе II

¹ «Fief, ressort et justice n'ont rien de commun ensemble» (Institutes coutumieres... Т. I. L. II. Titre II, 271). В кутюмах Анжу и Мэн — «fief et justice est tout un» (Ibid. P. 274).

² Documents relatifs aux Etats Generaux... N MIX.

³ Masselin. P. 500—502.

⁴ В 1308 г. примерно каждый седьмой город из 259 посылал депутатом легиста (*Хачатурян Н. А.* Возникновение Генеральных штатов... С. 92).

⁵ 68 человек из 241 депутата по данным собрания 1484 г. (Masselin. P. 716—741). (Приложение IV и V.)

⁶ Etablissement de Saint Louis, accompagnes des textes primitifs et de textes derives avec une introduction et des notes/Publ. par P. Viollet. P., 1881—1886. 4 v. Т. II. Ch. 76; OR. Т. I. P. 169.

⁷ Филипп Длинный ордонансом 29 июля 1318 г. отменил все отчуждения от домена. Возможно, принцип неотчуждаемости был сформулирован уже во время правления Филиппа IV. Жан Лекок ссылается на этот принцип при отводе петиции графа Сен-Поль о выплате из королевской казны 300 ливров (Questiones. Qu. 362).

⁸ Ibid. Qu. 284. P. 346.

⁹ *Beaumanoir Ph.* Op. cit. Ch. XXXV, § 29; Institutes coutumieres... Т. I. L. I. Titre I, 19.

¹⁰ Livre de Justice et de Plet/Ed. par Rapetti. Collection des documents inedits sur Thistoire de France. P., 1850. Ser. I. Т. I. P. 9; *Beaumanoir Ph.* Op. cit. Ch. XXXIV. § 41.

¹¹ Questiones. Qu. 64. P. 80—81; Qu. 374. P. 465; Qu. 374. P. 462—463. «Undecimo ad principem spectant ea que sequuntur que sunt viginti quatuor... potestas constituendi magistratum ad justiciam expediendum... Decimo tercio, quia contra jus commune, princeps sententiam potest mutare...»

¹² Questiones. Qu. 304, 19, 18, 295.

¹³ Распоряжение Филиппа II Августа перед отъездом для участия в III крестовом походе (O. R. Т. I. P. 18. Art. 3).

¹⁴ *Ducoudray G.* Les origines du Parlement de Paris... P. 50—53.

¹⁵ O. R. Т. I. P. 320, 357.

¹⁶ Упоминание о палате расследований, точнее, о лицах, занимающихся расследованием des anquestes, содержится в ордонансе 1278 л. (Textes relatifs a Thistoire du Parlement... NLXXII. P. 95). К середине века ее численность достигает 40 человек (прежде было 4—8 человек) (O. R. Т. I. P. 320, 547, 702, 727; Т. II. P. 219). В состав Палаты прошений (ходатайств — requetes) входило 5—8 человек [O. R. Т. I. P. 320 (1303); P. 727 (1320); Т. II. P. 219 (1345); Т. IV. P. 418 (1364)]. Это число не менялось до 1454 г. Число чле-

нов Большой палаты с 22 человек в 1307 г. вырастает до 30 к середине века (включая президентов при Карле V) и до 30 без президентов в 1388 г. (O. R. T. IV.. P. 418; T. VII. P. 213).

¹⁷ O. R. T. II. P. 235; *Ducoudray G.* Op. cit. P. 68. Секретарь Парламента Николас де Бе называет число членов Парламента — 100 человек (*Journal de Nicolas de Baye...* T. I. P. 241).

¹⁸ *Ducoudray G.* Op. cit. P. 95—141.

*⁹ O. R. T. VIII. P. 218—1388 (89), 21 Janvier.

²⁰ *Guenée B.* L'Occident. P. 78. См. также: *Fedou R.* Les hommes de loi lyonnais...

²¹ O. R. T. VIII. P. 181 (1389, 4 mars). P. 315 (1397, 98).

²² *Procès-verbaux des séances du Conseil de régence du roy Charles VIII...* P. 16, 25, 44.

²³ *Questtiones. Qu. 15.* О противоречиях с провинциальной юстицией, в частности Нормандии и Бретани, и о стремлении в целом соблюдать ее см.: A. P. T. II. N 5631, 5949, 8477.

²⁴ Подробный анализ крестьянских исков дан в работе: *Хачатурян Н. А.* Социальная организация французского крестьянства в XIII—XIV вв. С. 222—253.

²⁵ Данные A. P. не могут быть использованы для статистических подсчетов из-за большого числа неоконченных дел, зафиксированных в этом издании.

²⁶ *Beaumanoir Ph.* Op. cit. § 1451. Жак д'Аблейж, автор *Grand Coutumier de France*, в XIV в. определил статус человека не знатного, но свободного как человека, который может свободно распоряжаться имуществом без нанесения ущерба другому лицу, вступать в брак по собственному желанию. В отличие от знатных он подлежит талье и другим обложениям (*Viollet P.* Histoire du droit civil francos. P. 208—209, 216—217; *Lemarnier Y.-Fr.* La France medievale: institutions et societe. P., 1970).

²⁷ Особый интерес в этом плане представляют свидетельства Гильома Жюмьежского о восстании 997 г. в Нормандии, в ходе которого имел место факт организации крестьянами местных собраний с выбором депутатов на генеральную ассамблею, которая должна была установить правила пользования лесными угодьями, лугами, водой. Жестокая расправа с крестьянскими представителями, по словам хрониста, заставила их вернуться к своим плугам (*Ex Willetmi Geneticensis monachi. Historia Normannorum//RHF.* T. X. P. 185).

²⁸ Olim (I). N XVII (1259); N II (1261).

²⁹ Ibid. N XII (1270).

³⁰ Olim (III). N XLVII (1301): «Dicti hospites ab impetitione predicta dictorum religiosorum fuerunt per curia nostre iudicium absoluti».

³¹ Olim (III). P. 573-574. N LXVIII (1310).

³² Olim (I). N LX (1272).

³³ Olim (III). N LXXV (1318).

³⁴ Olim (I) N (1263); Olim (II). N L (1279); N XI (1290); N I (1279); N VI (1284); N XXXVI (1298).

³⁵ Olim (II). N VIII (1299).

³⁶ Olim (II). N VI (1304); N VIII (1311).

³⁷ Olim (II). N III (1266).

³⁸ *Блок т.* Указ. соч. С. 229; *Бессмертный Ю. Л.* Указ. моногр. С. 180—181; *Adam P.* La vie paroissiale en France au XIV siècle. Si-rey, 1964. P. 80—99; *Lewis P.* Op. cit., P. 371—379; *Histoire de la France.* P. 171.

³⁹ Olim (I). N I (1258); N VIII (1261); N V (1260); N X (1267);

N I (1271); Olim (III). N LXXX (1309); A. P. N 4597, 4706, 4902, 5009, 5019, 5172, 5224, 5230, 5406, 5842, 5866, 7003, 7281, 7287, 7901, 7953, 8341, 8402, 9589.

⁴⁰ Olim (I). N 11(1256); N XXVIII (1257); N IX (1257); N XII (1270); N VIII (1270); N XVI (1265); N LI (1272); N XII (1263); Olim (II). N VI (1304); A. P. N 5423, 6581, 6828, 6977, 8456, 8593.

⁴¹ Olim (I). N IV (1265); N IX (1266); N XVII (1268). N 1(1268); Olim (II). N X (1279); N XV (1282); Olim (I). N XIV (1270); Olim (II). N III (1293); A. P. N 4653, 5331, 6524, 6780, 9251.

⁴² A. P. N 5973, 6386, 7024, 7038, 6513, 6517, 6119, 6350, 7330, 4792, 7648, 7837, 7980, 8439, 8441, 8955, 8957, 8923, 9810, 9065, etc.

⁴³ Ibid. N 8345, 5893, 5398, 8740, 8842, 5526, 7096.

⁴⁴ Ibid. N 7142, 7638, 5804, 5816, 6002, 6247, 7900, 6416, 6933, 6998, 7728.

⁴⁵ Ibid. N 5082, 7382, 7251, 7419, 7880, 8282, 7381, 8592.

⁴⁶ *Cheyette F. L.* Procurations by large-Scale Communities in Fourteenth Century France//*Speculum*. 1962. N XXXVII. P. 18—31; *Chomel V.* Bourgs francs, communautés rurales et escartons en Dauphiné//*Annales*. 1965. N XI. P. 358; *Boutruche R.* La crise d'un société... P. 125; *Delcambre E.* Les États de Velay./St. Etienne. 1938. P. 64.

⁴⁷ *Lewis P.* Op. cit. P. 377.

⁴⁸ Olim (III). P. 172—173, 201.

⁴⁹ A. P. N 4821.

⁵⁰ Olim (I). N XV (1263).

⁵¹ Ibid. N XIV71263).

⁵² *Autrand P.* Naissance d'un grand corps de l'État. P. 47, 78, 49, 159.

⁵³ Анализ таблиц, приведенных Ф. Отран, позволяет сделать ряд наблюдений о численном соотношении старинного дворянства, нового дворянства и лиц неблагородного происхождения в составе Парламента. Если исключить 40% случаев, когда происхождение членов Парламента установить нельзя, то из оставшихся 60% общего состава за период с 1345 по 1454 г. дворяне составляли убедительное большинство — около 40% (245 человек). Число аноблированных в этот же период составляло 7% (46 человек), а лиц неблагородного происхождения — 20% (131 человек). Такое же количественное соотношение наблюдается и при анализе изменения состава Парламента по годам: из 100 человек 30—44 — дворяне (только в 1364 г. их число снижается до 27 человек, т. е. примерно 30% состава). Количественный состав советников Парламента отражает некоторый рост в нем представителей нового дворянства к середине XV в.: в 1345 г. соотношение дворянства старинного и нового выражалось в числах 31 и 7, в 1413 г. — соответственно 12 и 32, в 1450 г. — 8 и 25 (*Autrand P.* Naissance... P. 168, 171, 259—261, 263—267).

⁵⁴ *Delachenal* Histoire des avocats au Parlement de Paris 1300—1600. P., 1885; *Gazelles R.* Paris de la fin du règne de Philippe — Auguste à la mort de Charles V 1223—1380. P., 1472; *Ejusdem.* La société politique et la crise de la royauté sous Philippe de Vallois. P., 1958; *Leguai A.* De la seigneurie à l'État. Le Bourbonnais pendant la Guerre de Cent ans. Dijon, 1969; *Garrlsson F.* Histoire du droit et des institutions. Le pouvoir des temps féodaux à la Révolution. P., 1977; *Autrand F.* Op. cit. P. 259—261.

⁵⁵ *Journal de Nicolas de Baye.* T. I. P. 348.

^{ss} *Autrand F.* Op. cit. P. 178, 168.

⁵⁷ *Questiones.* P. 29—30.

- ⁵⁸ R. G. T. VIII. P. 614; T. X. P. 528, 541.
⁵⁹ *Glasson E.* Le Parlement de Paris, son role politique. P., 1901. P. 4—6, etc.
⁶⁰ R. G. T. IX. P. 252; T. XXI. P. 18, 19, 339, 403.
⁶¹ *Institutes coutumieres.* T. I. L. I. Titre III, 21.

К главе III

¹ *Questiones.* P. 80—81. «Item nota quod rex Francie quomdolibet sibi licet imponere super subditis suis, immediate vel mediate, in toto regno suo, subsidia absque consensu, per missione vel tollerantia suorum subditorum quorumcumque».

² В соответствии с распоряжением короля от 27 января 1359 г. клятва, которую давали чиновники Палаты счетов, включала требования о сохранении в секрете дел, относящихся к финансовым делам короля и самого ведомства («secrete tenebunt») (О. R. T. III. P. 393).

В течение XIV—XV вв. государство сделало не менее 15 попыток выправить кадастры, которые бы отразили состояние движимого и недвижимого имущества налогоплательщиков (1303, 1328, 1339—1340, 1357, 1367, 1383, 1426, 1460, 1464, 1480, 1493 гг.), однако они ограничивались в лучшем случае фиксацией числа очагов. И хотя в XV в. государство всячески стимулировало дублирование местной документации по раскладке налогов с целью ее концентрации в центре, усилия были безуспешны (*Lot F.* L'etat des paroisses et des feux du 1328//BEC. 1929. Janvier — Juin. P. 50—107; Juillet — Decembre. P. 256—315).

³ *Люблинская А. Д.* Франция при Ришелье. Французский абсолютизм в 1630—1642 гг. Л., 1982.

⁴ Documents. N XVIII, XIX.

⁵ *Beaumanoir Ph.* Op. cit. Ch. XXXII. § 977.

⁶ *Хачатурян Н. А.* Указ. моногр.; *ее же.* Налоговая политика французской сословной монархии в XIV—XV вв.//CB, 1987. Вып. 50. С. 113—137; *Brown E. A. R. Philip the Fair...: Strayer J. R. Consent to Taxation under Philip the Fair...; Strayer J. R. and Taylor. C. H. Studies in Early French Taxation.* Cambridge, Mass., 1939.

Работы по периоду так называемого финансового перемирия (после 1315 г. и до начала Столетней войны) см.: *Henneman J. B., Jr.* The Black Death and Royal Taxation in France, 1347—1351//Speculum. 1968. T. 43. P. 405—428; eadem. Financing the Hundred Years' War: Royal Taxation in France in 1340//Speculum. 1967. T. 42. P. 275—298.

⁷ Доход от изменения монеты в 1298—1299 гг. обеспечил казне поступления, которые составили ³/₆ общей суммы бюджета. Рекордной цифры — 50 — достигло число монетных операций за период с 1335 по 1355 г. Начиная с октября 1358 по март 1360 г. 22 раза изменялся вес серебряной монеты, Серебро исчезает с рынка, стоимость его по отношению к золоту выросла почти вполнину к середине XIV в. (*J. T. P.* LXI, LXV; *Fourhial E.* Histoire monetaire de l'Occident medieval P., 1970; *Cambier P.* La vie economique en France a la fin de la Guerre de Cent ans. P., 1942; *Lot F. et Fawtier R.* Histoire des institutions franchises a u Moyen Age. Institutions royales. P., 1958. T. II).

⁸ Филипп IV взял за 28 лет правления 23 десятины (См. J. T., где Ж. Виар приводит суммы доходов короны не только от десятины, но и аннагов — доходов от первого года церковного бенефиция, ко-

торые должны были принадлежать папе). Филипп IV руководствовался при этом соображением о том, что духовенство «является частью общего тела, которое оно тоже обязано охранять» (*Strayer T. R. Consent to Taxation. P. 41. № 131*). О притязаниях французской монархии на церковные доходы см. также: *Favier /.* Les finances pontificales a l'epoque du grand schisme d'Occident 1378—1409. P., 1966.

⁹ O. R. T. I. P. 15, 16, 22; T. II. P. 225.

¹⁰ *Beaumanoir Ph. Op. cit. § 1510.*

¹¹ Olim (I). P. 216, 886, 887, 899, 911, 989 (1272—1273).

¹² Olim (I). P. 832. N XLIII (1270).

¹³ В личном письме Филиппа VI сиру де Лаваль от 18 июля 1345 г. король просит его согласиться на налог в 4 денье с ливра в землях Анжу и Мэн, подобно тому как это сделали другие сеньоры, и в частности виконт Бомона (*Lettres Cluses... P. 118*).

¹⁴ R. G. T. III. P. 271; T. IV. P. 764. Art. I. P. 709, 744, 758, 801, 803, 848; OR. T. III. P. 124—146.

¹⁵ Размер налога мог быть уменьшен в землях баронов. В 1295 г. была сделана попытка изменить способ взимания установлением побора в 1 денье на ливр запаса товаров. Резкий протест против этого решения заставил правительство вновь вернуться к налогу на продаваемый товар. Косвенный налог в 6 денье с ливра в 1314 г. получил в народе название maltote (J. T. N 339, 2749, 4633, 5311, etc; O. R. T. I. P. 580; T. VI. P. 383, 403, 461; T. VII. P. 51, 186, 525, 687, 746—750).

¹⁶ O. R. T. II. P. 179 253 262

¹⁷ J. 'T. V 56 '0, 668, 845, 'etc; O. R. T. I. P. 369—374, 384—385, 412—413 etc.

¹⁸ В 1369 г.— 4 ливра на очаг в городе, 30 су в деревне; в 1374 г.— 6 ливров в городе, 2 ливра в деревне и т. д. (O. R. T. VI. P. 3, 4, 430, 443, 444).

¹⁹ *Wolff Ph. Les luttes sociales...; Mirot L. Les insurrections urbaines...; Bouclet M. La Jacquerie des Tuchins. P., 1875; Себенцова М. М. Восстание «гарель» в Руане 1382 Г./УЗ МГПИ. 1957. Вып. 5. № 104. С. 67—77; Сидорова И. А. Антифеодальное движение в городах Франции во второй половине XIV — начале XV в. М., 1960.*

²⁰ *Wolff Ph. Les «estimes» toulousaines des XIV et XV siecles. Toulouse, 1956.* Трудность оценки имущественных возможностей и численного состава очагов отражают современные исследования по истории демографических процессов во Франции XIV—XV вв. (*Бессмертный Ю. Л. Демографические и социальные процессы во французской деревне XIV В./ФЕ. 1981—1983. С. 127—146*).

²¹ O. R. T. VII. P. 710.

²² O. R. T. VI. P. 385, 403, 461; T. VII. P. 51, 186, 525, 687; *Chronique du religieux de St. Denys... T. I. P. 29; Jouvenel des Ursins. Op. cit. T. II. P. 325.*

²³ Между 1423—1440 гг. штаты Лангедока и Лангедойля собирались 14 раз, чаще всего отдельно, а также вместе — в Шиноне в 1428 г. (с обещанием субсидии в 400 000 ливров) и в Орлеане в 1439 г. (O. R. T. XIII. P. 14, 34, 133, 211, 230).

В 1426 г. Карл VII был вынужден отказаться от попытки взять талью в 150 тыс. ливров, наложенную на Лангедок до заседания ассамблеи в Пуатье, которая санкционировала ее. На тех самых штатах 1439 г., которые, как считается в литературе, вотируют «постоянную» талью (в 100 000 ливров), епископ Бове Ювеналь Де-

журсен отмечал необходимость для монархии руководствоваться государственным интересом и законами королевства (*Garrillot /*. *Etude de la Coutume constitutionnelle au XV siecle. Les Etats Gene-raux de 1439*. Nancy, 1947. P. 71). Ассамблея вотировала королю талью только на один год при условии внутренних реформ, которые бы устранили злоупотребления в государстве. По ордонансу 1439 г., принятому после этого собрания, король признает факт «частого» согласия штатов при взимании налогов (R. G. T. IX. P. 68—71).

С конца 30-х годов Генеральные штаты не собирались вплоть до 1467 (68) г., и далее следует большой разрыв до 1484 г. Карл VII заявлял при этом, что взимание субсидий без Генеральных штатов объясняется желанием не обременять народ расходами на путеше-ствие и содержание депутатов (R. G. T. IX. P. 46). Правда, сословия не оставляют мысли сделать собрания Генеральных штатов регуляр-ными, как показывают материалы заседания ассамблеи в Туре в 1484 г., четко связывая их назначение с вотированием налога. Mas-solin (P. 414, 416, 679, 698).

²⁴ Под страхом отлучения Латеранский собор 1179 г. постановил: «Nee quisdam novas pedagiorum exationes, sine auctoritate et consensu regum et principum, statuere aliquo modo...» (*Institutes coutu-mieres*. T. I. P. 36—37).

²⁵ Olim (II). N XIII. P. 435 (1295); A. P. T. II. N 7936. P. 231 (1347).

»> A. P. T. II. P. 191, 277, 283.

²⁷ O. R. T. XIII. P. 306; R. G. T. IX. P. 69—70. Art. 41, 42, 43.

²⁸ Vestige des finances: «Nota, que nul ne peult mettre sus, asseoir ne levez aucunes aydes ne tailles sans commission du roy» (*Docu-ments*. P. 239).

²⁹ «...Extraits de noble lignee, non marchandans et frequentans les arme...» (O. R. T. VII. P. 189, 23 mai 1388).

³⁰ O. R. T. III. P. 618—620; T. VII. P. 733, 758, 766; T. XLV. P. 192, 199; T. XXI. P. 9. T. XV. P. 577; T. XIV. P. 66.

³¹ Masselin. P. 317, 369, 405, 413—415, 428.

³² Вопрос о формировании финансовой администрации — объект специального рассмотрения в историографии. См. указ. работы Ф. Лота и Р. Фавтье, Ж. Бартье, а также: *Borrelli de Serres* (Cf. L. L). *Recherches sur divers services publics du XIII au XVII siecle*. 3 v. P., 1895—1909; *Dupont-Ferrler G*. *Etudes sur les institutions fi-nanciers de la France a la fin du Moyens Age*. P., 1930. V. 1—2.

³³ O. R. T. I. P. 83; R. G. T. I. P. 460. В J. T. есть упоминание о Палате счетов (документ № 4659 от 12 мая 1301 г.) как органе, контролирующем казну. В этот же период происходит слияние этих служб.

³⁴ O. R. T. XIII. P. 428, 444; T. XX. P. 200; *Lot F. et Fawtier R*. *Op. cit.* T. I. P. 242—280; *Dupont-Ferrler G*. *Etudes*. T. I. P. 20—32, 158 ect. *Eiusdem*. *Les origines et le premier siecle de la Cour du Tre-sor*. P., 1936; *Jassemin H*. *La Chambre de Comtes de Paris au XV siecle*. P., 1939.

³⁵ O. R. T. XIV. P. 238; *Documents*. P. 57—74.

³⁶ *Documents*. P. 58—60.

³⁷ *Dupont-Ferrler G*. *Etudes...* V. I. P. 37, 38.

³⁸ *Хачатурян Н. А.* Крестьянский вопрос...

³⁹ *Documents...* P. 31—32 (1445); P. 97 (1460).

⁴⁰ *Documents*. P. 97, 175, 180 O. R. T. XIV. P. 184 (1499); T. XXI. P. 385 (1508).

⁴¹ *Documents*. P. 32—33, 91—93, 94—95, 180.

⁴² Им мог быть доход в 5—6—10 ливров. В XIV и XV вв. в определенных случаях налогоплательщик все-таки отдавал 5 су с дохода менее 5 ливров. Получающий заработную плату менее 5 ливров освобождался от побора, с 10 ливров побор равнялся 10 су, с 5 ливров — 5 су.

⁴³ Documents. P. 137, 175.

⁴⁴ См. упомянутые выше работы В. Вольфа по Тулузе и работы *Deniau H.*, *Philippon E.* et *Perrat Ch.* *Le vaillant des habitants de Lyon en 1388.* 1927; *Favier J.* *Les contribuables parisiens a la fin de la Guerre de Cent ans.* Geneve, 1970; *Bois G.* *Crise du feodalisme Economie rurale et demographie en Normandie orientale du debut du XIV siecle au milieux du XVI siecle.* P., 1976; *Le Roy Ladurie E.* *Les paysans de Languedoc.* P., 1966; *Fourquain G.* *Les soulevements populaires...*; *Duby G.* *L'economie rurale...*; *Duby G.* et Wallon H. *Histoire de la France rurale...*; *L'Histoire de la France/Publ. sous la dir. de G. Duby...*; *Sivery G.* *Structures agraires et vie rurale dans le Hainaut.* L., 1973; *Бессмертный Ю. Л.* Предпосылки и характер крестьянских движений во Франции XIV в./ФЕ. М., 1976. С. 205—225.

⁴⁵ *Bois G.* *Crise du feodalisme.* P. 192—193, 273. Ливр парижский был на Уб больше ливра турецкого и равнялся 20 парижским су или 25 турецким су.

⁴⁶ *Rey Af.* *Le domaine du roi.* P. 178, 296—298, 241—244, 255—260, 262.

⁴⁷ Documents. P. 237, 238; 124—129; O. R. T. VI. P. 4; 445; T. VII. P. 766; T. VIII. P. 214.

⁴⁸ *Masselin.* P. 582, 583, 644, 584.

⁴⁹ *Ibid.* P. 500, 626—627, 679, 693, 705.

⁵⁰ O. R. T. XIII. P. 372, 414; Documents. P. 279—283.

⁵¹ *Masselin.* P. 682. Практика аренд по сбору косвенных налогов приобрела столь большое распространение, что правительство, страхуя собственный доход, регламентирует количество человек на одну аренду в зависимости от ее дохода: на аренду в 300 ливров — 1 человек, от 300 до 600 ливров — 2 человека, от 600 до 1000 ливров — 3 человека, более 1000 ливров — 4 человека, с увеличением ручательства в половину арендной суммы (Documents. P. 128, 129).

⁵² *Dupont-Ferrier G.* *Etudes.* Appendice. P. 237 etc.

⁵³ Особый интерес в этом плане представляет решение Королевского Совета от И июня 1510 г., в котором ручательство объявляется условием безопасности финансового дела и гарантией от возможного ущерба государству. В решении примерно по 50 статьям расписаны суммы залога для чиновников различных ведомств, в том числе Парламента и армии, имевших отношение к доходам и расходам короны. Согласно этому распределению, залог для Генерального получателя Лангедойля равнялся 10 000 ливров (при заработной плате, которая была меньше, чем у генералов финансов, и составляла примерно 2000 ливров, включая суммы на поездки); получателя Верхней Сены, Нормандии и Лангедока — 6000 ливров; Бургундии, Пикардии, Дофине и Прованса — 3000 ливров. Все рядовые получатели талы, эд и габели обеспечивали залог в половину части, причитающейся по генеральной раскладке (Documents. P. 150—153).

⁵⁴ *Dupont-Ferrier G.* *Etudes.* T. I. P. 177—178, 183, 112, 86.

⁵⁵ Ордонанс 28 декабря 1355 г. признает пожелание сословий реализовать сбор налогов (косвенный побор в 8 денье с ливра) лицами, назначенными штатами (R. G. T. IV. P. 740. Art. 2). Наиболее законченное выражение идея исполнительной власти, в частности в области финансов, которой облекались, генералы, делегированные и

избранные на ассамблее в Париже, получила в мартовском ордене 1357 г.

⁵⁶ O. R. T. VI. P. 555—556.

⁵⁷ «...locum tenentes electorum a populo eligantur, qui tertiam stipendiorum partem accipiant» (Masselin. P. 632—635).

⁵⁸ Documents. P. 177, 187, 179.

⁵⁹ *Guenee P.* L'Occident. P. 180; *Lot F. et Fawtier R.* Op. cit. T. II. P. 272; *Rey M.* Les finances royales. P. 81—82, 348—349, 611.

⁶⁰ *Rey M.* Le domaine du roi... P. 371—377.

⁶¹ Documents. P. 100—102.

К главе IV

¹ *Cazelles R.* La societe politique... Подробную характеристику Столетней войны можно найти в первом и единственном в отечественной историографии исследовании монографического характера — в книге: *Басовская Н. И.* Столетняя война 1337—1453 гг. М., 1985. См.: рецензию Н. А. Хачатурян на эту работу: ВИ. 1985. № 11. Q 130—132

² *Bois G.* Crise du feodalisme. P. 257, 280, 283.

³ *Chronique de Monstrelet.* France. Angleterre. Bourgogne (1400—1444)/Ed. par J. Buchon. 5 v. P., 1826, 1927. T. 3. P. 237, 253, 254, 297; *Journal d'un Bourgeois de Paris*/Ed. par J. Thiellay (далее — J. B.). P., 1963. P. 15, 36, 39.

⁴ O. R. T. XI. P. 429—430 (1314), 569 (1315).

⁵ R. G. T. III. P. 34—37, 138; *Contamine Ph.* Guerre, Etat et societe. P. 37, 41, 43, 531.

⁶ Шевалье-башелье имел знамя, суживающееся к концу. Узкий конец отрезали при переходе владельца в ранг шевалье-баннере.

⁷ *Textes et Documents.* N 36—39 — поручение сенешаля Тулузы графу Фуа принять участие в кампании в течение 8 дней с 200 людьми кавалерии и 2000 сержантов против врагов в районе Беарна и Марсо, «совершивших много убийств и грабежей». Оплата контракта должна быть произведена через Палату счетов (P. 112—113).

⁸ O. R. T. IV. P. 14—18, 81; T. V. P. 16, 111; *eadem.* *Contamine Ph.* Guerre, Etat et societe. Annexe III. P. 563, 569, 574.

⁹ *La Guerre de Cent ans vue a travers les registres du Parlement (1337—1369)*/Ed. par Pierre-Clement Timbal (далее — *La Guerre de Cent ans*). P., 1961. P. 108, 109, 159—160, 166—167.

¹⁰ *Ibid.* P. 109—111, 112, 115—117, 185—186, 187, 190—198.

¹¹ *Ibid.* P. 201—203, 249—252, 254—257, 166—167, 234—237, 237, 218—224

¹² O. R. T. I. P. 144—145 (1363); *eadem.* P. 120, 129—131, 333, 135, 137, 139, 146—147, 175—178.

¹³ *Ibid.* P. 169—170, 165, 173—174, 121—127.

¹⁴ Ланс обычно состоял из 6 человек — рыцаря, тяжелого вооруженного и 5 помощников, приданных ему (пажа или слуги, 2—3 археров и одного кутилье или фантассина, вооруженного ножом).

¹⁵ O. R. T. V. P. 658; *Contamine Ph.* Guerre, Etat et societe. P. 143; *Дельбрюк Г.* История военного искусства в рамках политической истории. М., 1938. Т. 3. С. 376—378.

¹⁶ Запрет брать продовольствие и корм для лошадей без оплаты, покидать армию без разрешения под угрозой потерять лошадь и экипировку, регулировка экипировки и вооружения, распределение

артиллерии по городам; льготы купцам, везущим провиант в армию при транспортировке товаров, и их охрана (О. R. T. V. P. 568—661; *Contarnine Ph. Guerre, Etat et societe.* P. 198—199).

¹⁷ R. G. T. I. P. 658—661; T. IV. P. 734; O. R. T. IX. P. 589.

¹⁸ *Contarnine Ph. Guerre, Etat et societe.* P. 204, 137, 545.

¹⁹ Их называли бригадами — словообразование от названия предмета экипировки — brigandine, представлявшего собой вид нагрудных лат [Delachenale R. Histoire de Charles V. 5 v. P., 1909—1931. P., 1914. T. III (1364-1368). P. 247; *Contarnine Ph. Les compagnies d'aventure en France pendant la Guerre de Cent ans//La France au XIV et XV siecle.* P. 365—396].

²⁰ *Contarnine Ph. Rancons et butins dans la Normandie anglaise (1421—1444)//La France au XIV et XV siecle.* P. 241—242.

²¹ Одна из попыток имела место в 1367—1368 гг. когда компании потребовали от Карла V 1 400 000 франков, чтобы освободить королевство (*Contarnine Ph. Les compagnies d'aventure.* P. 278). Вторую крупную акцию можно датировать 1435 годом (после мира в Аррасе), когда банды военнослужащих, получивших прозвище «экоршеры», распространились из Шампани по стране. Ф. Базен употребляет слово «экоршеры» применительно к воинам, которые драли шкуру, по его словам, с живых людей своей же страны, не платящих им выкуп (*Basin Th. Histoire de Charles VII. T. I. L. I. Ch. 7.* P. 237; T. II. L. IV. Ch. 9. P. 57. См. также: B. J. P. 165—166; *Textes et Documents.* N 38—40, 61. P. 126—131, 239—241).

²² Судя по протоколам заседаний Королевского Совета, зло подобного рода, однако, еще продолжает лихорадить страну в 80-е годы XV в. (*Proces-verbaux des seances du Conseil le regence de roy Charles VIII.* P. 16—18, 24—26, 32—35, 115, 221—225).

²³ *Бессмертный Ю. Л. Феодальная деревня и рынок...* С. 95, 99, 103.

²⁴ *Duby G. «Les jeunes» dans la Societe aristocratique dans la France du Nord-Ouest au XII siecle//Hommes et structure du Moyen Age.* P. 203—213.

²⁵ *Fossier R. La noblesse picarde au temps de Philippe de Bel//La noblesse au Moyen Age XI—XV siecles. Essai a la memoire de Robert Boutruche/Reunis par Philippe Contarnine.* P., 1976. P. 119, 126.

²⁶ *Perroy Ed. A l'origine d'une economie contracte: les crises du XIV siecle//AESCS.* 1948. P. 167—182; *Bois Guy. Noblesse et crise des revenus seigneuriaux en France au XIV et XV siecles; essai d'interpretation//La noblesse du Moyen Age.* P. 223.

²⁷ *Fourquin G. Les campagnes de la region parisienne...; Plaisse A. La baronnie du Neubourg.* P., 1961.

²⁸ О. R. T. III. P. 99—100. К 1310 г. стоимость вооружения рыцаря обычно составляла 20—25 турецких ливров, что соответствовало заработной плате квалифицированного работника за два месяца. Копье стоило от 10 су (турских) до 1 ливра (это примерно 3—6-дневный заработок квалифицированного рабочего) (*Contarnine Ph. La Guerre de Cent ans en France un approche economique//La France au XIV et XV siecles.* P. 133—134).

²⁹ *Contarnine Ph. Points de vue sur la chevalerie en France a la fin du Moyen Age//La France au XIV et XV siecle. Ch. XL* P. 258, 259; *Perroy Ed. La noblesse forezienne et les ligues nobiliaires de 1314—1315//Bulletin de la Dians.* 1960. N XXXVI. P. 188—221.

³⁰ R. G. T. V. P. 658—661.

³¹ О. R. T. III. P. 219—232.

³² Оруженосец возглавлял 3 бойцов, рыцарь-башелье — 15, рыцарь-баннере — 35 бойцов (*Contamine Ph. Guerre, Etat et societe. P. 80*).

³³ Froissart. Chroniques (Ed. Kervyn de Lettengove.— Bruxelles 1867—1879. 25 v.). Т. I. P. 167—168; Т. II. P. 68—69; Т. XIII. P. 224; Т. XXI. P. 74—75.

³⁴ В Хронике Жия ле Мюиза говорится о том, что в войске французского короля присутствовали люди городов, среди которых были, в частности, и арбалетчики Генуи. Другой хронист приводит следующие цифры участников битвы — 20 тыс. кавалерии и более 100 тыс. пикейщиков, из которых только около 12 тыс. были иностранцами, в том числе швейцарцами. Он отметил неповиновение королю сеньоров, «пребывавших в гордости и зависти» в период выработки тактики боя, что кончилось позорным их бегством. Отсутствие порядка погубило и городское ополчение, которое не знало, ни где король, ни где их сеньор, и солдат убивали, как овец (*Textes et documents. N 46—47. P. 166—174*).

³⁵ R. G. Т. II. P. 360—362; Т. V. P. 66—69.

³⁶ O. R. Т. IV. P. 169—170; Т. V. P. 16—17, 111—112; R. G. Т. III. P. 360—362; Т. V. P. 660—669.

³⁷ *Contamine Ph. Les fortifications urbaines en France a la fin du Moyen Age: aspects financiers et economique//La France au XIV et XV siecle. Ch. V. P. 23—47.*

³⁸ *Басовская Н. И. Столетняя война. С. 58—59.*

³⁹ O. R. Т. III. P. 34—37, 291—292, 618—627.

⁴⁰ *Venette Jean. Op. cit. Т. 2. P. 287—291.*

⁴¹ *Chronique des quatre premiers Valois (1327—1393). P. 102.*

⁴² *Райцес В. И. Указ. соч.; Басовская Н. И. Освободительное движение во Франции в период Столетней войны//ВИ. 1987. № 1. С. 48—66; ее же. Проблема освободительной борьбы во Франции XV в. во французской и английской историографии//Историография проблем международных отношений и национального движения в странах Западной Европы и Северной Америки. М., МГИАИ. 1985. С. 153—171.*

⁴³ *Chroniques de Monstrelet. Т. 3. Ch. СЫН—CLIV. P. 337—356.*

⁴⁴ Базен пишет, что крестьянин мог работать вблизи городов и укрепленных мест, чтобы при появлении врага или бригаанда, желавшего пожить, укрыться за их стенами. Даже быки и лошади в силу долгой привычки по сигналу об опасности, по его словам, бросались бежать в безопасное место (*Basin Th. Op. cit. Т. I. P. 85—89*). Существует большая литература, посвященная экономической истории войны. См. историографическую статью Контамина: *Contamine Ph. La Guerre de Cent ans en France: une approche economique//La France au XIV et XV siecle. Ch. IV.*

⁴⁵ *Басовская Н. И. Столетняя война. С. 92—93, 61.*

⁴⁶ *Adam Paul. La vie paroissiale en France au XIV siecle. Sirey, 1964. V. 3. P. 99, 114—117; Lefevre-Pontalis G. La guerre de partisans dans la Haute Normandie (1424—1429)//BEC. 1893. Т. LIX. P. 475—521.*

⁴⁷ В одной из разрешительных грамот, или грамот помилования, данной Жану ле Жаклинару из Тьеблемона в бальяже Витри за участие в Жакерии, говорится о том, что по всей Шампани коммуны были извещены о данном им разрешении звонить в два колокола при появлении врага, которого надлежало преследовать до его поимки и возвращения награбленного имущества. В каждом из названных

селений было назначено при этом лицо, ответственное за выполнение приказа о защите страны. Грамоты опубликованы в приложении к книге: *Luce S. Histoire de la Jacquerie*. P., 1894. Appendice. P. 264—266, 300—301, 385—386, 391, 398, 410.

Параллельно с практикой крестьянских общин любопытно отметить действие корпоративных организаций горожан в городских восстаниях, в частности в восстаниях майотенов и кабошьенов в Париже, также ожививших свою общественную деятельность в связи с отправлением военных функций в городском ополчении (O. R. T. VI. P. 685; *Chroniques de Monstrelet*. T. 3. Ch. CIX. P. 266).

⁴⁸ A. P. T. II. N 4821 (1343). P. 16.

⁴⁹ *Basin Th.* Op. cit. L. II. Ch. XIII—XIV. P. 143—149, 149—153; L. IV. Ch. 19. P. 105—111; L. III. Ch. 18. P. 285—289.

⁵⁰ Ibid. L. I. Ch. 14. P. 67—70; L. V. Ch. 4. P. 177—182.

⁵¹ Ibid. L. III. Ch. 5. P. 221.

⁵² *Lefevre-Pontalis*. Op. cit.; *Jouet R.* La resistance a l'occupation anglais en Basse-Normandie (1418—1450). Caen, 1969; *Basin*. Op. cit. L. IV. Ch. 8. P. 53—56; L. III. Ch. 2. P. 201—202; Ch. 3. P. 203—205.

⁵³ Любопытен с этой точки зрения рассказ Базена об освобождении от англичан Лизье — города, где он был епископом, «одним из самых мудрых и блестящих», по его собственному утверждению. Им был создан совет с жителями, где решался вопрос о мирном переходе под власть французского короля. Англичанам предлагалось уехать из города в 3—4 дня (*Livre IV. Ch. 17*. P. 97—104). Не менее интересен рассказ о подъеме городского сопротивления в Руане. По звуку колокола в час мессы начали строить баррикады на улицах. Англичане оказались запертыми в крепости и были вынуждены оставить город. Ополчение получило подкрепление регулярных войск (100 ланс вошли в город (*Livre IV. Ch. 20—21*)).

⁵⁴ *Basin*. Op. cit. L. IV. Ch. 19—21; L. III. Ch. 5. P. 225—226.

⁵⁵ R. G. T. IX. P. 58—61.

⁵⁶ O. R. T. XIV. P. 2.

⁵⁷ *Contamine Ph.* Guerre, Etat et societe. P. 293.

⁵⁸ В 1478 была создана компания корабинеров, получивших название от их оружия — корабина, подобия алебарды.

⁵⁹ *Lewis P.* La France a la fin du Moyen Age. P. 159—160.

⁶⁰ *Contamine Ph.* Guerre, Etat et societe. P. 400—407, 426, 410—411, 419.

⁶¹ Ibid. P. 438—439, 441—442.

⁶² Ibid. Annexe III. P. 650.

⁶³ *Contamine Ph.* Un serviteur de Louis XI dans la lutte contre Charles le Temeraire: Georges de la Tremoille, sire de Craon (vers 1437—1481)//La France au XIV et XV siecle. P. 70—79.

⁶⁴ Ф. Контамин выделяет только три имени — Гаспара де Бюро, мэтра артиллерии, Шарля де Маре, капитана Дьеппа и затем Перпиньяна и Пьера Лувена, капитана при Карле VII. Все трое начинали свою карьеру в период Столетней войны, когда еще ценился талант, и были аноблированы (*Contamine Ph.* Guerre, Etat et societe. P. 417—418).

⁶⁵ В списке аршеров отсутствует добавление «de mons», или «messire», характерное для лиц, служащих в тяжелой кавалерии. При поступлении на службу в качестве конного воина учитывалось его происхождение и денежный достаток. Между 1440 и 1460 гг. экипировка для него стоила, включая лошадь, от 220 до 230 турецких ливров (примерно 150 экю в золоте), что равнялось его заработной

плате за 15 месяцев (из расчета 15 ливров в месяц на человека) или доходу очень хорошего фьефа (Там же. С. 471, 474. Приложение XII. С. 150).

⁶⁶ Контамин дает следующие цифры для сопоставления: 1340 г.—счет военного казначейства фиксирует 28 000 человек, сольдируемых Филиппом Валуа, среди которых 16% составляли шевалье, шевалье-баннере, бароны и графы. В 80-х годах XIV в. их уже 11%, а во второй половине XV в. — 3—4% общего состава. Только состав дворцовой службы короля дает процент, сравнимый с XIV в. Однако эта цифра отражала факт сосредоточения элиты молодой аристократии при дворе (*Contamine Ph. Point de vue...* P. 261, 262, 264, 269).

К главе V

¹ *Beaumanoir Ph. Op. cit.* T. II. Ch. 48. P. 257.

² Lettre au regent 18 avril 1358/Publ. Jacques d'Avout. 31 juillet: le meurtre d'Etienne Marcel. P. 1960. P. 302.

³ *Хачатурян Н. А.* Возникновение Генеральных штатов: ее же. К вопросу о природе французской сословной монархии; *Люблинская А. Д.* Структура сословного представительства в средневековой Франции.

⁴ *Lewis P.* La France a la fin du Moyen Age. P. 482, 477—526.

⁵ *Lot F., Fawtier R.* Histoire des institutions franchises au Moyen age. T. II. P. 573; *Soule C* Les Etats Generaux en France. P. 24; *Maronglu A.* Medieval Parliaments. A Comparative Study. Londres, 1968.

⁶ O. R. T. I. P. 683, 687 (1355); R. G. T. IV. P. 709, 786, 848, 852; T. V. P. 18, 110, 273.

⁷ *Хачатурян Н. А.* Указ. моногр. С. 96—105.

⁸ *Люблинская А. Д.* Структура... С. 102, 113. *Le Sourd A.* Essai sur les etats de Vivarais. P., 1926; *Delcambre E.* Les etats du Velay des origines a 1642. Saint-Etienne, 1938; *Coville A.* Les Etats de Normandie. Leur origines et leur developpement au XIV siecle. P., 1894; *Prentout H.* Les Etats provinciaux de Normandie. Caen, 1925; *Texier E.* Etude sur la cour ducale et les origines du Parlement de Bretagne. Rennes, 1905; *Billioud J.* Les Etats de Bourgogne aux XIV et XV siecles//Mem. Acad. Dijon, 1922. Ser. 5. IV. P. 7—23; *Lewis P.* Op. cit. P. 496—527. См. также сн. 10 к Введению.

⁹ *Lewis P.* Op. cit. P. 497—499.

¹⁰ Ibid. P. 516—517.

¹¹ O. R. T. VI. Ans 1379, 1374, 1375, 1376, 1378, 1380, 1381, P. 68, 77, 78, 79, 164, 243, 362, 450, 600. См. также: *Lewis P.* Op. cit. P. 534.

¹² Ее усилия при этом могли быть отмечены партикуляризмом, который необязательно имел антикоролевскую направленность. Так, например, депутаты Руэрга на генеральной ассамблее в Шиноне в 1428 г. заявили, что не хотят иметь ничего общего не только со штатами Лангедойя, но и Лангедока (*Liwis P.* Op. cit. P. 511).

¹³ Хартия Нормандии, данная в 1315 г., была возобновлена в 1339 г. Филиппом VI, в 1381 г.—Карлом VI, в 1423 г.—герцогом Бедфордом, в 1485 г.—Карлом VII, в 1462 г.—Людовиком XI.

Материалы работы Королевского Совета в конце XV в. отражают процесс подчинения провинциальных и местных штатов контролю королевских чиновников (имеются данные, в частности, по штатам в Беарне, Лангедоке, Оверни, Перигоре) (*Proces—verbaux*

des seances du Conseil de regence du roy Charles VIII. P. 115, 151, 455, 177).

¹⁴ O. R. T. I. P. 693.

¹⁵ Ibid. T. III. P. 19—37.

¹⁶ Ibid. P. 127—128.

¹⁷ Les Grandes Chroniques de France. T. I. P. 74—75, 108—110.

¹⁸ O. R. T. III. P. 23—24, 126—127, 27, 131.

¹⁹ Proces-verbaux des Etats Generaux au mois d'octobre 1356// R. G. T. IV. P. 776, 874; O. R. T. III. P. 138, 139, 140.

²⁰ R. G. T. IV. P. 765—766, 793.

²¹ O. R. T. III. P. 139, 127—128.

²² Les Grandes Chroniques. T. I. P. 139—141, 147.

²³ Ibid. P. 83—84, 108, 125—127, 171; R. G. T. IV. P. 781.

²⁴ Во время войны с регентом руководители восстания отказались от прежней монетной политики, ставившей ограничение разорительным изменением монеты, и на штатах 28 января 1358 г. решили выпустить ослабленную монету (O. R. T. III. P. 26, 131—132, 193—194; R. G. T. IV. P. 767).

²⁵ O. R. T. III. P. 31, 132—133, 137, 139.

²⁶ Luce S. Histoire de la Jacquerie. P., 1895; Конокотин А. В. Жакерия 1358 г. во Франции//УЗ ИГПИ. 1964. Т. 35. С. 3—98; Cazelles R. La Societe politique; *idem*. Les mouvements revolutionnaires du milieu du XIV siecle et le cycle de Taction politique//R. H. 1962. T. 228. P. 279—312; Fourquin G. Les campagnes de la region parisienne; *idem*. Seigneurie et feodalite au Moyen Age. P., 1970; Picot G. Histoire des Etats Generaux. P., 1872. T. I—IV; Viollet M. P. Les Etats de Paris en fevrier 1358//Extrait des Memoires de l'Academie des inscriptions et belles-lettres. P., 1894. T. XXIV. 2 partie.

²⁷ Viollet P. Op cit. P. 18—19.

²⁸ R. G. T. IV. P. 793; O. R. T. III. P. 219—223, 689; Les Grandes Chroniques. T. I. P. 172—173.

²⁹ O. R. T. III. P. 433; T. V. P. 15—22; Lewis P. Op. cit. P. 487—488.

³⁰ O. R. T. VI. P. 527.

³¹ Chroniques des quatre premiers Valois (1327—1393)/Ed. E. Luce. P., 1863. P. 293.

³² O. R. T. VI. P. 552.

³³ Mirot C. Op. cit. P. 50—52, 65, 94—105, 108—138. Штаты в Компьене заявили королю, что предпочтут умереть, но не позволят ввести в своей области эды [Juvenal des Ursins (Jean). Histoire de Charles VI, roi de France/Ed. J. A. C. Buchon. Choix de Chroniques et Memoires sur l'histoire de France. P., 1838. T. II. P. 21].

³⁴ Coville A. Les Cabochiens et l'ordonnances de 1413. P., 1891.

³⁵ Подсчеты по количеству ассамблей, вотировавших субсидии за период 1421—1440 гг., на основании данных источников и литературы.

³⁶ R. G. T. IX. P. 68—71, 108.

³⁷ Garrilot /. Op. cit. Pieces-justificatives. P. 88—89, 55—59.

³⁸ Mayer C J. Des etats generaux et autres assemblees nationales. P., 1789. T. II. P. 222.

³⁹ Согласно ордонансу Карла V от августа 1374 г., совершеннолетним король Франции становился в 14 лет (O. R. T. V. P. 26).

⁴⁰ Masselin. P. 9, 70—72, 306.

⁴¹ Masselin. Appendice V. P. 718—741. Социальную принадлежность примерно 43 депутатов установить не удалось; предположительная раскладка между ними следующая: духовенство — 5 человек, дворяне — 23, горожане — 15. Дополнительная трудность в ана-

лизе социального состава связана с тем, что список не уточняет, от какого именно сословия идет депутат. Поэтому для определения социальной принадлежности депутата и распределения их представительства по сословиям контрольное значение имели: указания на титул, последовательность имен, примерно соотношенная с иерархией сословий, анализ фамилий, в том числе ономастический.

⁴² *Masselin*. P. 62, 54.

⁴³ *Ibid.* P. 452, 36, 453, 304—306, 500.

⁴⁴ *Ibid.* P. 402, 458, 464, 466, 472.

⁴⁵ *Ibid.* P. 480—486.

⁴⁶ *Ibid.* P. 32—84, 196, 200—202, 396—399, 407—408, 510—520, 665.

⁴⁷ О. R. T. XIII. P. 207—291. По церковному вопросу, и в частности о Прагматической санкции, см.: *Rapp F.* L'église et la vie religieuse en Occident a la fin du Moyen Age. P., 1971; *Valois N.* La Pragmatique sanction de Bourges sous Charles VII. P., 1906; *Bordeaux M.* Aspects économiques de vie de l'Eglise aux XIV et XV siècle. P., 1969; *Martin V.* Les origines de gallicanisme. P., 1939.

⁴⁸ О. R. T. I. P. 97.

⁴⁹ *Liberies de l'Eglise gallicane*/Publ. Institutes coutumieres. T. II. P. 261—315; IV ch. P. 268, Ch. V. P. 269.

⁵⁰ *Masselin*. P. 355, 408, 665—666, 680.

⁵¹ *Lewis P.* Op. cit. P. 392, 396—397, 398.

⁵² *Masselin*. P. 515, 641.

⁵³ *Ibid.* P. 199, 667—668.

⁵⁴ *Ibid.* P. 677, 667—669, 591.

⁵⁵ *Ibid.* P. 317, 370.

⁵⁶ *Ibid.* P. 374, 313—315.

⁵⁷ *Ibid.* P. 36, 38, 62, 339, 291—293.

⁵⁸ *Ibid.* P. 642.

⁵⁹ *Lewis P.* Op. cit. P. 327, 273—331; *Perroy E.* Feudalism of Principalities in Century France//Bulletin of the Institute of Historical Research. 1945. T. 20. P. 181—185.

⁶⁰ *Masselin*. P. 196, 212, 222.

⁶¹ *Ibid.* P. 232, 253, 259, 675, 702, 705.

⁶² *Esmein A.* Op. cit. P. 325.

⁶³ *Masselin*. P. 222, 234—236. См. также *Lewis P.* Op. cit. P. 212—217, 273—331.

⁶⁴ События, связанные с поражением активного участника оппозиции графа Жана V д'Арманьяка, погибшего при взятии королевскими войсками города Лектура в марте 1473 г. (так называемая «драма в Лектуре») (*Masselin*. P. 271—297, 291—293, 397, 317).

⁶⁵ *Masselin*. P. 667—668, 705.

⁶⁶ *Хачатурян H. A.* Указ. моногр. С. 60—70; *Contamine Ph.* De la puissance aux privileges: doléances de la noblesse franchise envers la monarchie aux XIV et XV siècles//La Noblesse au Moyen Age. p 235—261.

⁶⁷ *Masselin*. P. 48, 50, 206, 480, 662, 684—685, 687 etc.

⁶⁸ *Ibid.* P. 213, 312, 472, 442, 426, 667, 662, 673—674.

⁶⁹ *Ibid.* P. 338, 48—50.

⁷⁰ *Ibid.* P. 638, 152, 466, 422, 424, 540—546.

⁷¹ *Ibid.* P. 466, 540—547, 560, 438, 251, 370, 44, 386, 312.

⁷² *Masselin*. P. 684—685, 687. Материалы ассамблеи содержат указание, что наказания сословий составлены с участием сельских и городских жителей «cites pays et villes de ce royaume» (*Ibid.* P. 680).

⁷³ *Ibid.* P. 693.

⁷⁴ Депутаты фиксируют рост стоимости золота и серебра в стране, который привел, по их словам, к потере примерно Vs сеньориальных доходов (Ibid. P. 672).

⁷⁵ Ibid. P. 90, 696, 564, 572, 544, 679, 674, 693, 710.

⁷⁶ Ibid. P. 464, 574, 584, 626.

⁷⁷ Ibid. P. 312—316, 370, 372, 470, 496, 679, 684, 642, 690, 695.

⁷⁸ Ibid. P. 626, 500—502, 626.

⁷⁹ Ibid. P. 680—698, 676, 302, 356—358, 487. См. также: *Коммин Филунн де*. Мемуары. М., 1986. С. 212.

⁸⁰ *Masselin*. P. 358—360, 345, 330, 377, 383—385, 378.

⁸¹ Ibid. P. 488, 364, 378, 632, 358—360, 380, 414, 416, 451, 679, 698.

⁸² Ibid. P. 712. «Le roy est content que les estatx se tiennent dedens deux ans prouchainement venant et les mandera» (ответ правительства на наказ о правопорядке) (P. 54, 62).

⁸³ Ibid. P. 140—146, 166, 644—646.

⁸⁴ Ibid. P. 150, 438, 226.

⁸⁵ Ibid. P. 100, 112, 152, 156, 220—222, 226, 249, 703.

⁸⁶ Ibid. P. 226, 486, 636.

⁸⁷ Интересно, что в ходе ассамблеи некоторые депутаты допускали возможность публикации ордонанса по решениям собрания от имени штатов и тревожились по этому поводу (Ibid. P. 630).

⁸⁸ *Masselin*. P. 418—420, 500—506, 586.

⁸⁹ Отстаивая требование о сокращении численности армии, представители господствующего класса предупреждают, что чрезмерность и исключительность в этом вопросе могут настолько обременить народ, что это вызовет беспорядок (*procederet confusio*) (Ibid. P. 330, 572).

⁹⁰ В ответ на указы собрания 1484 г. были, в частности, приняты ордонансы в июле 1493 г. по вопросам администрации и юстиции (111 статей) и в марте 1498 г. (ордонанс в Блуа—162 статьи) (R. G. T. XI. P. 214, 323).

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Дуализм политической структуры в условиях сословной монархии: власть государя и иммунитет сословий во Франции XIII — начала XIV века	18
Процесс централизации страны и формирование публично-правовой природы королевской власти.	20
Понятие «сословие» и сословная структура французского общества XIII — начала XIV века.	28
Рост политической активности сословий	28
Глава II. Государство и сословия в правовой практике Парижского Парламента XIII—XV веков	44
Инфраструктура королевского суда. Роль Парижского Парламента в реализации суверенитета короля.	46
Крестьянский вопрос в Парламенте. Проблема сословного определения крестьянства.	58
Парламентская корпорация. Социальные и политические аспекты проблемы.	72
Роль королевского суда в формировании общегосударственного права.	78
Глава III. Налоговая политика французской сословной монархии оформление налоговой системы в XIV—XV веках	83
Механизм формирования государственных налогов. Этапы финансовой политики.	85
Социальное содержание и классовая направленность налоговой политики.	102
Глава IV. Структура и социальный состав армии XIV—XV веков.	119
Военно-феодалная организация французского общества в XII — начале XIV века. Столетняя война и преобразования в армии.	119
Армия и королевская власть в XIV — начале XV века.	128
Структура и социальный состав армии в XIV — начале XV века.	136
Самооборона народных масс в Столетней войне	145
Организация и структура постоянной армии	156
	271

Глава V. Лимиты королевской власти. К вопросу о политической роли сословно-представительной системы во Франции XIV—XV веков	168
Особенности сословно-представительной системы.	
Сравнительное сопоставление ее звеньев	169
Система в действии	181
Итоги периода. Собрание Генеральных штатов 1484 г.	192
Заключение.	237
Список сокращений.	249
Библиографические ссылки.	250

Учебное издание

Хачатурян Нина Александровна

СОСЛОВНАЯ МОНАРХИЯ ВО ФРАНЦИИ XIII—XV вв.

Заведующая редакцией *Т. Г. Липкина*
 Редактор *Н. Н. Матвеева*
 Младший редактор *М. В. Колосова*
 Художник *А. К. Алексеев*
 Художественный редактор *Г. А. Коленкова*
 Технический редактор *Е. В. Фельдман*
 Корректор *М. М. Сапожникова*

ИБ № 7373

Изд. № ИСТ—44. Сдано в набор 19.10.88. Подп. в печать 31.05.89.
 А-09557. Формат 84X108/32. Бум. тип. № 1. Гарнитура литературная.
 Печать высокая. Объем 14,28 усл. печ. л. 14,28 усл. кр.-отт.
 15,90 уч.-изд. л. Тираж 9000 экз. Зак. № 824. Цена 85 коп.

Издательство «Высшая школа», 101430, Москва, ГСП-4, Неглинная ул., д. 29/14.

Московская типография № 8 Союзполнграфпрома
 при Государственном комитете СССР по делам издательств,
 полиграфии и книжной торговли,
 101898, Москва, Центр, Хохловский пер., 7